

ФГБОУ ВПО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ХАНДАРОВА Ольга Владимировна

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕПУТАЦИЙ

Н. Г. ДАМДИНОВА И А. А. БАЛЬБУРОВА

Специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации
(сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор С. С. Имixelова

Улан-Удэ – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ БУРЯТСКОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ.....	13
1.1 Литературная репутация как литературоведческая категория.....	13
1.2 Формирование литературных репутаций в бурятской литературе в 1950 – 1970-е гг.	29
ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ Н. Г. ДАМДИНОВА	46
2.1 Место Н. Г. Дамдинова в литературном процессе Бурятии	46
2.2 Рецепция творчества Н. Г. Дамдинова в критике и литературоведении 1950 – 1970-х гг.	62
2.3 Аксиологический аспект литературной репутации Н. Г. Дамдинова	82
ГЛАВА III. ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ А. А. БАЛЬБУРОВА	100
3.1 Этапы творческого пути писателя.....	100
3.2 Восприятие творчества А. А. Бальбурова критикой и литературоведением 1950 – 1970-х гг.....	117
3.3 Гуманистическая составляющая литературной репутации А. А. Бальбурова	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
БИБЛИОГРАФИЯ.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию проблемы формирования литературной репутации бурятского писателя. Данная проблематика рассматривается на примере становления и утверждения литературных репутаций А. А. Бальбурова и Н. Г. Дамдинова – двух писателей, сыгравших значительную роль в литературном процессе и общественной литературной жизни Бурятии: Африкан Андреевич Бальбуров являлся бессменным редактором журнала «Байкал» – главного литературного журнала республики (с 1961 – по 1974 гг.); Николай Гармаевич Дамдинов на протяжении длительного периода руководил Союзом писателей Бурятии (в 1960 – 1970-е гг.).

Несмотря на высокое положение рассматриваемых писателей в литературной иерархии республики, на сегодняшний день можно констатировать, что их творчество находится практически вне внимания литературоведов. Начиная с 1990-х гг. публикации об А. Бальбурове и Н. Дамдинове за немногими исключениями сводятся к статьям мемуарного характера в периодической печати и материалам справочно-биографического характера в учебных изданиях. Отдельные исследования, посвященные детальному историко-литературному рассмотрению творчества этих писателей, не предпринимались.

И все же к настоящему моменту намечается тенденция пересмотра литературных репутаций указанных участников литературного процесса. В дополнение к достижениям, признаваемым советским литературоведением, современными исследователями выдвигаются ранее не выделяемые художественные заслуги писателей. При этом постепенное возрождение литературоведческого интереса в 2000-е гг. наблюдается более явно в отношении А. Бальбурова (исследования С. М. Тулохонова, Э. А. Уланова, З. А. Серебряковой, Э. Г. Сангадиевой, С. Б. Грязновой). Тогда как творчество Н. Дамдинова (обладателя более высокой репутации в советский

период) на данном этапе рассматривается лишь в контексте комплексных исследований бурятской поэзии в целом (исследования М. М. Хамгушкеевой, Л. С. Дампиловой и М. Ц. Цыреновой, Е. Е. Балданмаксаровой, Т. В. Самбяловой).

Вследствие сказанного возникают следующие вопросы: о причинах таких значительных колебаний репутаций Н. Дамдинова и А. Бальбурова, о возможности несоответствия репутации реальному литературному облику того и другого писателя, о возможности влияния этого несоответствия на восприятие творчества писателей и о масштабах этого влияния. Возникающие вопросы обосновывают намерение подойти к исследованию творчества А. Бальбурова и Н. Дамдинова с точки зрения их литературного поведения и истории формирования литературных репутаций в контексте социокультурных особенностей эпохи и – для большей наглядности – в сопоставлении процессов утверждения репутаций.

Творчество советского писателя формировалось в условиях определенной заданности норм литературного поведения: литературная репутация требовала постоянного подтверждения соответствия званию советского писателя, в частности, посредством отражения ценностей эпохи в творчестве. Наиболее комфортной представлялась та ситуация, когда совпадали индивидуальная авторская приверженность теме, государственный запрос и ожидания читательской аудитории. Ю. Карабчиевский в статье «В поисках уничтоженного времени» об этом говорил так: «... самый лучший советский писатель – это всегда ум и талант плюс умение укладываться в пределы дозволенного так искусно, чтоб этих пределов как бы и не было»¹. Однако такое совпадение хоть и обеспечивало высокую востребованность творчества современниками, оно же могло ограничивать время и сферу бытования литературных текстов в литературном процессе в целом.

¹ Карабчиевский Ю. В поисках уничтоженного времени // Искусство кино. – 1989. – № 4.

В последние годы в литературоведении актуализируется изучение литературы на новом уровне историзма: на данном этапе большое значение приобретает объективизация представлений о литературном процессе. Кроме того, в современном литературоведении получает развитие область исследований, очерченная кругом вопросов по социологии литературного процесса: взаимодействие текста произведения и аудитории, проблема читателя, литературное поведение писателя, формирование литературных рядов, статусов и иерархий.

Тенденция к переосмыслению места и значения многих участников литературного процесса находится в русле исследований по истории и теории литературных репутаций. Внимание к колебаниям литературных репутаций, определению литературных статусов и рядов, анализ литературного поведения писателей актуализируются в переходные моменты истории, когда происходят изменения в общественном сознании и меняются ценностные приоритеты. Очередной такой момент в 1990-е гг. дал толчок для запуска в российском литературоведении процесса пересмотра, корректировки и объективизации репутаций писателей советского периода.

Изучение истории и теории формирования литературных репутаций на сегодняшний день признается одним из важнейших аспектов изучения истории литературы. О степени актуальности вопроса свидетельствует проведение научных конференций по данной тематике², а также появление диссертационных исследований по проблеме³. Научное направление активно развивается как в теоретико-методологическом, так и историко-литературном плане. Вопросы литературного поведения и литературной стратегии писателя, а также изучения механизмов и факторов формирования литературных репутаций рассматриваются в исследованиях В. Э. Вацура,

² Например: «Русская литература XX века: итоги и перспективы» (МГУ, 2000); «Статус писателя в русской литературе XX века: метрополия и диаспора (Гарту, 2004); «Русская литература XX – XXI веков как единый процесс: проблемы теории и методологии изучения» (МГУ, 2004, 2006, 2008, 2014).

³ Например, диссертационные исследования Т. М. Маргулис, И. В. Львовой, Д. Иванова, М. А. Котовой, М. М. Захаровой, А. И. Гараева, М. Б. Селезнева, Н. Н. Краюшкиной, М. В. Трунина, В. Н. Попова, Л. Ф. Машковцевой, З. С. Антипиной, Л. Е. Бушканец.

Л. Я. Гинзбург, Н. А. Богомолова, А. И. Рейтблата, В. М. Живова, М. М. Голубкова, Г. Е. Потаповой, И. Е. Гитович, М. А. Литовской, Н. Г. Мельникова⁴.

Таким образом, **актуальность исследования** процесса формирования литературных репутаций А. Бальбурова и Н. Дамдинова обусловлена, во-первых, потребностью современного литературоведения в объективизации представлений о творчестве писателей, во-вторых, необходимостью уточнения представлений об истории бурятской советской литературы 1950 – 1970-х гг.; в-третьих, повышенным интересом современного литературоведения к социокультурным аспектам и формам литературного процесса.

Степень разработанности проблемы. Современными исследователями литературная репутация рассматривается с точки зрения изучения механизмов и факторов, определяющих ее формирование, роли в этом процессе участников литературных систем, а также с точки зрения литературного поведения и стратегии автора.

Советская литература 1950 – 1970-х гг. в социологическом и прагматическом аспектах изучалась Н. Л. Лейдерманом, Л. А. Аннинским, М. О. Чудаковой, В. И. Гусевым, С. И. Чуприниным и др.

Проблема специфики формирования литературных репутаций в литературном процессе национальных литератур России до сих пор не являлась предметом рассмотрения литературоведов, в том числе это касается и творчества бурятских писателей А. Бальбурова и Н. Дамдинова.

⁴ См., например: Богомолов, Н. А. Михаил Кузмин. – М., 1995; Вацура, В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. – М., 1989; Гинзбург, Л. Я. Литература в поисках реальности. – Л., 1987; Гитович, И. Е. Литературная репутация Чехова в пространстве XX века // *Studia Rossika* XVI. – 2005; Голубков, М. М. Типы творческого поведения, или Литературные амплуа // Голубков, М. М. Русская литература XX века : После раскола. – М., 2001; Живов, В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление : Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Живов, В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. – М., 2002; Литовская М. А. История формирования литературных репутаций как важнейшая часть истории литературы // Русская литература XX века : итоги и перспективы. – М., 2000; Мельников, Н. Г. «Творимая легенда» Владимира Набокова. О «литературной личности» писателя // Русская словесность. – 2003. – № 1; Потапова, Г. Е. «Все приятели кричали, кричали...» // Легенды и мифы о Пушкине. – СПб., 1995. – С. 134-147; Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М., 2001.

Более того, в отношении их творчества в современном литературоведении не предпринималось цельных и законченных исследований.

Цель работы: дать целостный анализ истории формирования литературной репутации Н. Г. Дамдинова и А. А. Бальбурова в контексте литературного процесса Бурятии 1950 – 1970-х гг., обладающего специфическими социокультурными особенностями.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1) выявить особенности регионального литературного процесса, влияющие на формирование литературной репутации бурятского писателя;

2) определить и проанализировать литературные позиции А. Бальбурова и Н. Дамдинова, их взгляды на литературный процесс, обусловившие их литературную и общественную деятельность;

3) разграничить восприятие современниками социальной личности авторов и восприятие художественных текстов, оценок творческих возможностей;

4) показать формирование представлений об А. Бальбурове и Н. Дамдинове как процесс, выявить закономерности течения такого процесса, выявить ключевые эпизоды, оказавшие влияние на становление литературных репутаций писателей и оценку творчества современниками;

5) построить краткую историю формирования литературной репутации А. Бальбурова и Н. Дамдинова в 1950 – 1970-е гг.

Объектом исследования является специфическая литературная и культурная ситуация 1950 – 1970-х гг., нашедшая отражение в литературном процессе республики Бурятия.

Предметом исследования в работе являются особенности процесса формирования литературных репутаций Н. Г. Дамдинова и А. А. Бальбурова в контексте эпохи.

Теоретическая база работы: исследования по социологии литературы (взаимосвязь литературы и реальности)⁵, по истории и теории литературных репутаций (опыт изучения процесса формирования литературной репутации и выявления факторов, влияющих на этот процесс)⁶, по истории литературы (особенности литературного процесса советского периода)⁷, а также по культурологии (специфика советской культурной ситуации)⁸.

Методологическая база работы: историко-литературный, историко-типологический, историко-функциональный и компаративистский подходы, а также методологические принципы, выявленные в цикле работ Л. Е. Бушканец. Творчество А. Бальбура и Н. Дамдинова рассматривается как часть истории литературы рассматриваемого периода и исследуется в контексте социокультурных особенностей эпохи.

Эмпирическая база исследования: публицистические и литературно-критические произведения А. Бальбура и Н. Дамдинова; рецензии, литературно-критические и литературоведческие статьи и исследования современников писателей, посвященные их творчеству; использованы также публикации и исследования более поздних лет, привлеченные с целью выстраивания перспективы для рассмотрения процесса формирования литературных репутаций писателей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Литературные репутации писателей, чей творческий путь приходится на 1950 – 1970-е гг., формируются в условиях заданных норм и ценностей, что является причиной определенной тенденциозности в восприятии

⁵ Например: Шюккинг, Л. Л. Социология литературного вкуса / пер. с нем. Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского; под ред. и с примеч. В. М. Жирмунского. – Л., 1928; Гудков, Л. Д. Литература как социальный институт / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – М., 1994.

⁶ Исследования В. Э. Вацура, Л. Я. Гинзбург, Н. А. Богомолова, А. И. Рейтблата, В. М. Живова, М. М. Голубкова, Г. Е. Потаповой, И. Е. Гитович, М. А. Литовской, Н. Г. Мельникова и др.

⁷ Например: Чудакова, М. О. Новые работы 2003–2006. – М. 2007.

⁸ Например: Зезина, М. С. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950 – 1960-е гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2000; Раскатова, Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964 – 1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2011; Смирнов, И. А. Советская культурная ситуация : Деструктивный аспект, на материале худ. литературы : дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1993.

их творчества как современниками, так последующими поколениями. Если в рассматриваемый период эта тенденциозность проявляется в одобрении литературной общественностью, то начиная с 1970-х гг. – наоборот, в ее «невнимании» к фигурам писателей. Объективизация литературных репутаций этого периода начинается только в 2000-е гг.

2. Литературные репутации бурятских писателей находятся в прямой зависимости от особенностей литературного процесса Бурятии: молодость бурятской советской литературы и немногочисленность самих участников литературного процесса обуславливают пристрастное отношение к успехам литераторов. Следствием этого является формирование внешне максимально успешных, но содержательно несколько «стерильных» репутаций.

3. Литературная репутация Н. Дамдинова в рассматриваемый период формируется весьма последовательно: в силу совпадения индивидуальных устремлений поэта и запросов эпохи к концу 1970-х гг. поэт приобретает статус практически «классика при жизни». Однако такая репутация обладает некоторой односторонностью: успехи, закрепленные за поэтом советским литературоведением, на сегодняшний день выглядят несколько неактуально, в то время как отдельные произведения поэта обладают по-настоящему вневременным значением, что пока в полной мере не отражено в современном литературоведении.

5. Процесс формирования литературной репутации А. Бальбурова происходит неровно: литературная личность писателя оказывается значительно шире «пределов дозволенного» советской эпохой, что приводит к конфликту в сознании литературной общественности между ожидаемым обликом и реальным поведением писателя. Поэтому репутация имеет прерывистый характер: А. Бальбуров периодически исчезает из информационного пространства республики. Однако произведениям писателя присущ подлинный гуманизм, который придает им актуальность вне зависимости от времени, о чем свидетельствует усиление интереса современного бурятского литературоведения к творчеству прозаика.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что, являясь первой в области теории и истории литературных репутаций в бурятском литературоведении, она, во-первых, устанавливает влияние особенностей литературного процесса в рамках национальной литературы на формирование литературных репутаций писателей; во-вторых, отражает полную картину становления и утверждения литературных репутаций Н. Дамдинова и А. Бальбурова, на основе которой предпринимается попытка объективизации литературного облика писателей; в-третьих, обозначает степень влияния представлений современников о Н. Дамдинове и А. Бальбуrove как социальных личностях на восприятие их произведений, намечает разграничение идеологической и художественной составляющих творчества писателей для дальнейшего их исследования современным литературоведением.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о механизмах формирования литературной репутации писателя и факторах литературного успеха, в определении влияния особенностей литературного процесса в национальной республике на формирование литературных репутаций. Выводы исследования могут использоваться при изучении закономерностей литературного поведения писателей в советскую эпоху.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов и выводов в лекционных курсах по истории литературы народов РФ, спецкурсах и спецсеминарах по социологии литературы. Результаты исследования могут быть полезны для анализа творчества А. Бальбурова и Н. Дамдинова, а также могут быть использованы при создании литературных биографий писателей и при подготовке изданий произведений писателей.

Работа **соответствует паспорту** специальности 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)» по пунктам:

«3. Проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений» – восприятие творчества Н. Дамдинова и А. Бальбурова показано в контексте социокультурной ситуации 1950 – 1970-х гг.;

«5. Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров литературы народов Российской Федерации прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции» – в репутационном преломлении показана творческая эволюция писателей;

«7. Литературный процесс в оценке иноязычного и отечественного литературоведения и критики» – выявлены особенности литературного процесса Бурятии 1950 – 1970-х гг., нашедшие отражение в литературной критике и литературоведческих исследованиях, посвященных творчеству писателей.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседании кафедры русской и зарубежной литературы БГУ (Улан-Удэ, 2014). Отдельные положения исследования были представлены на международных конференциях «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2008), «XV Шешуковские чтения: Литературы народов России в социокультурном и эстетическом контексте» (Москва, МПГУ, 2009), «Текстология и литературный процесс» (Москва, МГУ, 2013, 2014); всероссийской конференции «Гражданская и профессиональная идентификация в региональной системе обучения» (Улан-Удэ, БГУ, 2012); ежегодной конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов БГУ (Улан-Удэ, БГУ, 2011, 2013).

Публикации и личный вклад автора. По теме диссертации опубликовано 6 работ, 3 из которых – в журналах из перечня ВАК РФ. Все результаты, выносимые на защиту, получены автором лично.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы составляет 173 страницы. Список литературы содержит 199 наименований.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ БУРЯТСКОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

1.1 Литературная репутация как литературоведческая категория

Для рассмотрения проблемы формирования литературных репутаций бурятских писателей необходимо обратиться к комплексу накопленных современным литературоведением представлений о понятии «литературная репутация».

На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что термин «литературная репутация» весьма значим для отражения восприятия творчества и личности писателя в литературном поле участниками литературного процесса и членами литературной системы – писателями, читателями, критиками, книгоиздателями и т. д. При этом литературную репутацию нельзя назвать простой проекцией биографии писателя на восприятие участников литературного процесса, она оказывается явлением гораздо более сложным.

Одним из первых исследователей понятия «литературной репутации» был Л. Шюккинг⁹, чья работа вызвала интерес в русском литературоведении 1920 – 1930-х гг.: первыми на важность изучения литературного быта обратили внимание ученые, принадлежавшие к формальной школе. Отдельные положения данной проблемы рассматривались и обосновывались в работах Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского, а также в книгах «младоформалистов» М. И. Аронсона и С. А. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (1929), Т. С. Гриц,

⁹ Шюккинг, Л. Л. Социология литературного вкуса / пер. с нем. Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского ; под ред. и с примеч. В. М. Жирмунского. – Л., 1928.

В. В. Тренина и М. М. Никитина «Словесность и коммерция» (1929). Проблема литературного поведения разрабатывалась Г. О. Винокуром.

На этом этапе было сформулировано понятие «литературной личности»: «Бывают, наконец, моменты, когда вместо литературы остается только знак ее и вопрос “как писать” заслоняется вопросом “как быть писателем?”»¹⁰. Важно понимать, что *литературная личность*, как продукт литературной репутации, может упрощать или искажать реальный литературный и биографический облик автора.

Само понятие «литературная репутация» ввел в научный обиход И. Н. Розанов в опубликованной в 1928 г. книге с одноименным названием, в которой работы разных лет были объединены под углом рассмотрения данного социокультурного феномена. Исследователь считал, что имеются основания для выделения двух отдельных областей литературоведения – *теории литературных репутаций* и *истории литературных репутаций*: «Первая займется исследованием факторов литературного успеха, классификацией и терминологией, вторая – изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин»¹¹. Четкого определения понятия «литературной репутации» исследователь не сформулировал, но выделил некоторые закономерности формирования литературных репутаций писателей (например «ритм эпох»).

Однако начатая формалистами разработка проблемы «литература и общество» была остановлена в советское время. Понятие «литературная репутация» оставалось долгое время невостребованным, поскольку возможностей для различных трактовок литературной личности писателя в официальном информационном пространстве советского периода не представлялось.

¹⁰ Эйхенбаум, Б. М. Мой современник // Б. М. Эйхенбаум «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х гг. – СПб., 2001. – С. 71.

¹¹ Розанов, И. Н. Литературные репутации // Розанов, И. Н. Литературные репутации : Работы разных лет. – М., 1990. – С. 16.

Вновь к этому вопросу литературоведы вернулись лишь полвека спустя, в очередной переломный этап в истории страны – в 1990-е гг. К 1986 г. относится работа Ю. М. Лотмана «Литературная биография автора в историко-культурном контексте». Вопросами изучения литературной репутации, не используя сам термин, Ю. М. Лотман занимался также в работах об А. С. Пушкине и Н. М. Карамзине.

В 1990 г. переизданы «Литературные репутации» И. Н. Розанова, которые послужили своеобразным импульсом для появления первых исследовательских работ, посвященных собственно теории и истории литературных репутаций. В 1993 г. журнал «Новое литературное обозрение» впервые проводит конференцию «Банные чтения» (задуманную первоначально как устный выпуск журнала и приобретающую впоследствии значительный вес в отечественном литературоведении), и название первой конференции звучит не иначе, как «Парадоксы литературной репутации»¹². Начиная с этого времени теория и история изучения литературных репутаций становится все более актуальной областью исследований.

В своей работе 2001 г. А. И. Рейтблат дает такое определение литературной репутации: это «те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя. Это понятие близко по характеру употребительному в социологии термину «социальный престиж», который трактуется как «соотносительная оценка социальной роли или действия, социальной или профессиональной группы, социального института <...>, разделяемая членами данного сообщества или группы на основании

¹² Прохорова, И. Рождение банного духа (Вечерние размышления о театрализации научной жизни) / И. Прохорова, М. Майофис, И. Кукулин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59.

определенной системы ценностей»¹³. Кроме того, исследователь отмечает, что существование литературных репутаций необходимо для «структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику»¹⁴.

Анализируя содержание термина в работе И. Н. Розанова, Н. А. Богомолов приходит к следующему выводу: «...очевидно, что в содержание термина входит исключительно реакция внешних интерпретаторов произведения и целокупного творчества автора: рецензии, критические осмысления, пародии, перепевы, цитация, включение в хрестоматии и т. д.». В связи с этим исследователь делает весьма существенное методологическое уточнение: важна не только реакция внешних интерпретаторов творчества писателя, но и обратная связь между читательскими мнениями и поведением писателя. По мысли литературоведа, автор «неминуемо реагирует на критические отклики», «соотнося истинное содержание своего творчества, каким оно представляется ему, с той внешней рецепцией, которая выражается в откликах “литературной общественности”». Н. А. Богомолов заключает, что писатель или поэт, реагируя на складывающееся о нем мнение, «выстраивает и собственную позицию в литературе»¹⁵.

Как писала И. Е. Гитович, «под литературной репутацией следует понимать сложившееся в общем культурном сознании мнение о писателе и его месте в литературной иерархии, так или иначе влияющее на установку восприятия его следующими поколениями. Оно не остается неизменным, и из истории литературы мы хорошо знаем, что репутация меняется иной раз

¹³ Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М., 2001. – С. 51.

¹⁴ Там же. – С. 52.

¹⁵ Богомолов, Н. А. Михаил Кузмин. – М., 1995. – С. 57.

так резко, что надолго выталкивает какое-то имя из активного словаря культуры»¹⁶.

На сегодняшний день установлено, что источниками для формирования литературной репутации являются тексты автора (художественные произведения, статьи и рецензии, интервью, письма), материалы литературно-эстетической полемики (критические статьи, рецензии, эссе, очерки), мемуары современников, переписка, фото-теле-видеодокументы. Кроме того, необходимо изучение произведений других авторов описываемой и предшествующей литературных эпох, которые могли бы дать, по возможности максимально полный контекст для определения закономерностей процесса формирования репутации. В классификации А. И. Рейтблата эти источники можно разделить на 1) печатные, письменные и устные тексты *самого* автора (как художественные, так и нехудожественные, и особенно автокомментарии к собственному творчеству); 2) печатные, письменные и устные высказывания *других* лиц об авторе.

Инстанции, влияющие на формирование литературной репутации, в значительной степени зависят от типа историко-культурной системы, но в общем виде могут быть выделены следующие типы: 1) творческие круги (литературные салоны, кружки, объединения или собрания); 2) друзья и единомышленники; 3) средства массовой информации: журналистика и литературная критика; 4) издатели, книгопродавцы и массовая читательская аудитория. Представляется, что наиболее значимыми для последующего восприятия фигуры писателя являются полярные суждения современников: с одной стороны, мнение в среде ближайших литературных друзей, с другой стороны, та репутация, которую создают идейные противники.

¹⁶ Гитович, И. Е. Литературная репутация Чехова в пространстве российского XX века: реальность и аберрации (к постановке вопроса) // Studia Rossica XVI. – Warszawa, 2005. – С. 16.

Говоря об инстанциях, А. И. Рейтблат определяет их взаимосвязь с определенными типами литературных систем¹⁷. Литературную систему при этом нужно понимать как иерархически организованное взаимодействие создателя, потребителя, заказчика и оценщика литературного произведения. Особенности различных литературных систем определяются социальными отношениями, господствующей в массовом сознании идеологией и отношениями общества и властей к литературе, – то есть внелитературными факторами. Литературную репутацию на начальном этапе ее бытования обычно регулируют наиболее авторитетные члены литературной системы, которые различны для разных эпох. Это могут быть авторитетные писатели или должностные лица, или рекламные агенты, или меценаты, или политики и т. д. – в зависимости от ценностных установок общества, государства, массового сознания. Объектом литературных суждений этих авторитетных лиц становятся литераторы, роль и функция которых также различны в зависимости от типа литературной системы.

Исследователь А. И. Гараев выделяет две основные функции читательской аудитории. Во-первых, читатель является своего рода гарантом функционирования текста, «”подстрекающим” началом искусства». Создавая литературное произведение, писатель всегда обращается к аудитории: либо к конкретной, реальной, либо – к абстрактной, потенциальной. Способность текста активно функционировать в каком-либо контексте в первую очередь связана именно с нахождением в этом контексте группы читателей, способных определить этот текст как «свой», взяв на себя функцию адресатов. Отметим, что для многих произведений советской эпохи на сегодняшний день эта группа читателей невелика.

Во-вторых, читатель является «проводником» идей, заложенных в тексте, что выражается в интерпретации текста и иногда – в непосредственном подражании литературным героям и прямом следовании

¹⁷ Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М., 2001. – С. 52.

«советам» автора. Особое значение имеют интерпретации «авторитетных читателей», чье мнение способно оказывать серьезное влияние на массовую публику¹⁸. Исследователь отмечает, что порой текст может вообще исключаться из взаимоотношений автора и читателя (например, авторские вечера). В этом случае личностные качества писателя начинают играть более важную роль, чем литературные.

Кроме того, исследователь отмечает, что положение произведения на лестнице литературных иерархий, как правило, зависит от соразмерности содержания, заложенного в произведении, и контекста его восприятия. И чем больше потенциалов заложено в произведении (в том числе и помимо сознательной авторской воли), тем длиннее его литературная жизнь и тем острее интерес к нему со стороны читателей и исследователей в «веках»¹⁹.

Таким образом, история формирования литературной репутации писателя оказывается неотделима от истории критики и истории читателя. Однако восприятие текстов опосредуется также и другими факторами: мнением о литературной группе, к которой принадлежит автор текста, престижностью литературного направления, «литературной модой» и т. д.

Однако следует отметить, что литературная репутация, как любая оценка, не во всем является неподвластной своему владельцу. Так, в книге М. М. Голубкова говорится: «... Какой бы тип бытового или творческого поведения литератор ни выбрал, он неизбежно выберет семиотически значимое амплуа. Социокультурная ситуация заставит его сделать этот выбор»²⁰. Таким образом, еще одним важным фактором формирования литературной репутации является *литературное поведение* самого писателя.

При этом проблема построения собственной репутации для писателя является не только проблемой бытового литературного поведения, но и тесно

¹⁸ Гараев, А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – С. 8.

¹⁹ Там же. – С. 9.

²⁰ Голубков, М. М. Типы творческого поведения, или Литературные амплуа эпохи // Голубков, М. М. Русская литература XX века : После раскола. – М., 2001. – С. 85.

соприкасается с творческой стратегией автора. Так, например, для А. А. Шаховского выбор образцов и подражание им были, с одной стороны, обусловлены ситуацией литературной полемики с современниками, а с другой стороны, сами определяли выбор тактики в этой полемике²¹. На примере биографии Ф. И. Булгарина можем видеть, как литературная репутация может быть одновременно одной из целей идейно-эстетической борьбы литератора и в то же самое время средством борьбы с противниками: пользуясь собственной литературной репутацией, Булгарин преследовал далеко идущие литературные и нелитературные цели²². Поэтому восприятие современниками литературной личности также необходимо оценивать в соотнесении с теми задачами, которые ставит перед собой сам литератор, то есть в соотнесении с его *литературной позицией*.

В связи с этим исследователь З. С. Антипина отмечает, что, например, в отношении автобиографического материала советский писатель склонен отталкиваться от установки на характер формируемой литературной личности. Этой установке подчиняются принципы отбора, компоновка и интерпретация биографического материала²³. Для сравнения: на рубеже веков в автобиографиях «почти рекламно» акцентируется успешность литературной карьеры, а творчество понимается как публичная культурная деятельность и разыгрывание культурной роли, что может становиться самостоятельной задачей. В советское время меняются принципы отбора биографических фактов: в автобиографии В. В. Каменского, например, исчезают упоминания о богатых родственниках, членстве в партии социал-революционеров, исчезают оценки финансовой стороны литературного труда, появляется фигура революционера-наставника²⁴.

²¹ Иванов, Д. Становление литературной репутации А. А. Шаховского : дис. ... magistrum atrium. – Тарту, 2005. – С. 100.

²² Селезнев, М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820 – 1840-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 26 с.

²³ Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – С. 12.

²⁴ Там же.

В целом мотивация поступков героя автобиографии в советский период меняется с бытовой или психологической на социально-политическую и идеологическую. Сюжетная идея литературной карьеры сменяется идеей воспитания советского человека и писателя, вовлеченного в процесс становления и развития советского общества и литературы. В биографию включаются детальные описания общественно-политических событий, на фоне которых происходит воспитание советского человека. Встреча с признанными авторитетами советской литературы и – особенно – их «благословение» выступает как одно из ключевых событий биографии. Что и происходит, например, с литературной репутацией Н. Дамдинова на начальном этапе.

Говоря о литературной репутации, нельзя не коснуться вопроса разграничения данного понятия и понятия *биографический миф*, по поводу которого в диссертационном исследовании Л. Ф. Машковцевой сказано: «Когда литератор достигает определенной степени известности, начинает формироваться его биографический миф, который может со временем трансформироваться в культурный миф...»²⁵. А в работе Л. Е. Бушканец дано теоретическое обоснование для различения понятий «литературная репутация» и «миф» о писателе²⁶.

Если литературная биография – это создаваемая автором модель реальной биографии, а становление литературной репутации – это процесс, на который влияют самые разнообразные факторы, то миф представляет собой конечный потенциальный результат этого процесса. Генеративная схема этих понятий такова: литературная биография становится одним из источников формирования литературной репутации, которая соотносима с «литераторским» мифом и, в свою очередь, порождает его

²⁵ Машковцева, Л. Ф. Иосиф Бродский: формирование литературной репутации : автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – С. 9.

²⁶ Бушканец, Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880 – 1917 гг. : формирование литературной репутации : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – С. 78–79.

В целом, формирование репутации – весьма нелинейный процесс, и как бы ни было велико влияние писателя на формирование собственного имиджа и литературной репутации, при даже самой тщательно разработанной авторской стратегии огромную роль играют случайные факторы, которые не поддаются планированию или предсказанию. Так, возможна ситуация, когда при появлении нового произведения, не соответствующего привычной сложившейся репутации, «старый» и «новый» ее варианты сталкиваются, образуя на некоторое время состояние неопределенности в отношении писателя с обществом, как это происходит, например, в 1930-е гг. с репутацией А. С. Пушкина с выходом в свет трагедии «Борис Годунов»²⁷.

В связи с этим исследователь З. С. Антипина предлагает ввести понятие литературного статуса как устойчивой характеристики положения писателя в литературной жизни в конкретный историко-культурный период. Литературный статус реализуется в литературном поведении и зависит также от внешней оценки творческой деятельности художника. Литературная репутация, таким образом, представляет собой сочетание взаимозаменяемых статусов²⁸.

Осмысляя «литературную репутацию» как теоретическое понятие, М. Б. Селезнев приходит к определению этого феномена как многостороннего и многомерного процесса восприятия и оценивания литературного творчества и литературной биографии литератора. Будучи определяемой всеми участниками процесса и бытующей в различных читательских слоях, литературная репутация возникает, бытует, достигает пика, затухает, переходит в культурный миф в зависимости от связи ценностных ориентаций участников литературного процесса и проекции этих ориентаций на творчество и личность литератора; при этом восприятие литературного творчества и литературной биографии должно совпадать

²⁷ Краюшкина, Н. Н. Литературная репутация А. С. Пушкина в 1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.

²⁸ Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – С. 6.

по языку восприятия с бытующим и господствующим языком в данной культурной ситуации²⁹.

В своей работе В. Н. Попов говорит о том, что установившиеся литературные репутации практически не подвержены изменениям: «...двойственность репутации – нехарактерное явление в истории литературы: если при жизни писателя мнения о нем среди читающей публики еще разнятся (особенно если эта публика разделена на враждующие литературные группировки), то в дальнейшем литературная история отводит ему то место, из которого ему уже трудно бывает выбраться. Альтернативный взгляд на репутацию того или иного писателя обычно считают маргинальным»³⁰.

Однако существует и другая точка зрения, при которой литературная репутация понимается не как застывшая данность, а как постоянно изменяющийся процесс, зависящий и от предпочтений публики, и от требований времени. Репутации «претерпевают колебания, порой весьма резкие»³¹, причем не только от одной эпохи к другой, но и в гораздо более короткий промежуток времени. Как правило, пересмотр сложившихся репутаций происходит в переломные, кризисные периоды в истории страны и культуры, какими для России были, например, 1920 – 1930-е и 1990-е гг. (что только подтверждается появлением интереса ученых к этой проблеме). Согласно этой точке зрения, если у писателя имеются противоположные репутации, то они сменяются от эпохи к эпохе, и этот ритм не случаен.

К этому следует добавить, что и сама история формирования литературной репутации не является чем-то линейно и логично развивающимся, она не предстает в сознании писателя как путь прогресса. Это процесс сложный, запутанный, в котором в каждый момент действует

²⁹ Селезнев, М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820 – 1840-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008.

³⁰ Попов В. Н. Н. Е. Струйский и проблема литературной репутации : автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – С. 12.

³¹ Хализев, В. Е. Литературные иерархии и репутации // Хализев, В. Е. Теория литературы. – М., 2009. – С. 373.

множество противоположных факторов³². Формирование литературной репутации – это синтез многих одновременно существующих и разнонаправленных тенденций. А изучение литературной репутации – это процесс, который принципиально не может быть завершен, так как каждое суждение автоматически становится контекстом для дальнейшего исследования. Литературная репутация не может быть зафиксирована.

В советский период писатель попадает в подчиненное положение, поскольку вся официально издаваемая литература находится «на службе» у государства и основной инстанцией для формирования литературной репутации становится периодическая печать. Газета в тоталитарном обществе – носитель узаконенных государством норм, средство манипулирования сознанием человека. Заметим, что в делении читателя на профессионального и «рядового» для изучения литературной репутации советского писателя (по крайней мере, официального ее варианта) необходимости нет: официальное информационное пространство советского периода является единым для всех.

При этом для поддержания определенного эмоционального настроения в советском обществе необходимо ощущение процесса постоянной борьбы с противниками коммунизма. Так, в работе М. М. Захаровой показано, как к началу 1930-х гг. кампании в литературе постепенно из способа уничтожения недругов превращаются в способ создания именно такой атмосферы³³.

В процессе «огосударствления литературы» (если пользоваться определением Х. Гюнтера³⁴) в советское время литература становилась чем-то вроде производства. Это должно было актуализировать как внешнюю, публичную активность советского писателя, так и количественные

³² Бушканец, Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880 – 1917 гг. : формирование литературной репутации : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2013. – С. 8.

³³ Захарова, М. М. Формирование литературных репутаций Б. А. Пильняка и Е. И. Замятина в советской публицистике 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

³⁴ Günther, H. Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise de sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. – Stuttgart, 1984.

характеристики его писательского труда. Например, в исследовании З. С. Антипиной показано, как литературная деятельность могла становиться для писателя напряженным и количественно измеряемым процессом, доведенным до почти полной утраты творческой составляющей и превращенным в «способ адаптации к новым социальным условиям»³⁵. И действительно, в периодической печати рассматриваемого периода художественные тексты фигурируют как «творческая продукция» и неизменно подчеркиваются количественные показатели писательского труда.

Литературные статусы в рассматриваемый период, будучи инициированы тем или иным образом (внешний отзыв в печати либо автохарактеристика), как правило, затем санкционируются (или нет) авторитетными литературными, общественными и – лучше всего – партийными деятелями. После этого уже формулы могут быть многократно повторены в прессе, в критике и рецензиях, и особенно – в юбилейных статьях. Нахождение в магистральном потоке советской литературы, вхождение в канон соцреалистической литературы дают возможность писателю в советский период возможность публиковаться.

Крайне желательными в этот период являются настроения жизнерадостности и оптимизма в литературной жизни общества. Писатель должен быть энергичным, трудолюбивым и жить заботами своей страны, что связано с представлениями об идеальном советском человеке как таковом. Опорой для утверждения в статусе настоящего советского человека могут служить как автохарактеристики в художественных произведениях, так и особенности литературного поведения. Следовательно, энтузиазм, восторженное восприятие действительности, воодушевленность являются весьма благоприятными качествами для формирования хорошей литературной репутации.

³⁵ Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – С. 9-10.

По поводу присутствия автора в художественном тексте И. А. Смирновым сказано следующее: «"Соцреалистические" тексты, как правило, предельно четко выявляют образ автора, но при этом никогда не строятся в виде исповеди, а всегда в форме прямой или косвенной самоапологии... Исповедь как риторическая форма, предполагающая самоанализ, критицизм, возможное принятие вины и признание в грехах и т. д., противопоказана жанру позитивного официального отчета (прославления), который лежит в основе социального поведения "соцреалиста"»³⁶.

При этом в творчестве писателя могут существовать и органичные жанрово-тематические тенденции, в которых творческая индивидуальность выражается более непосредственно, это происходит, если индивидуальные творческие пристрастия поэта находятся в границах магистрального потока советской литературы. Наиболее комфортной представляется та ситуация, когда совпадают индивидуальная авторская приверженность теме, государственный запрос и ожидания читательской аудитории. Такое совпадение обеспечивает высокую востребованность творчества современниками, однако ограничивает время и сферу бытования литературных текстов в литературном процессе в целом.

История показала, что успешные литературные репутации рассматриваемого периода складываются в результате такого литературного поведения, при котором факты биографии, свойства личности и содержание творчества укладываются в определенные рамки. В результате собственно творческий элемент в литературной деятельности зачастую приглушается, и чаще всего это сказывается на рецепции творчества: современники писателя также воспринимают его в пределах заданных норм.

В связи с этим приведем мнение А. И. Рейтблата: «Важными предпосылками формирования той или иной литературной репутации

³⁶ Смирнов, И. А. Советская культурная ситуация : деструктивный аспект, на материале художественной литературы : дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1993. – С. 70-71.

выступают как содержание текстов автора, так и его социальная, политическая и литературная позиции. При этом при жизни автора большее значение имеет второй момент, а после его смерти – первый. Среди социальных и литературных ориентаций автора важны принадлежность его к той или иной литературной группе, направлению, отношение его к коммерческим аспектам литературной деятельности, к власти и т. д. Есть основания полагать, что в отечественной ситуации момент отношения к власти является основным или одним из основных. Немаловажное значение имеет и деятельность других представителей литературной системы: литературных врагов и союзников, рецензентов, издателей и книгопродавцев, педагогов и т. д.»³⁷.

Уточним, что, на наш взгляд, для советского писателя «второй момент» оказывается определяющим при формировании литературной репутации не только при жизни, но и в продолжение всего советского периода. А содержание текстов обретает самостоятельное значение только в постсоветскую эпоху.

Изучение литературной репутации советского писателя – это попытка отделить восприятие современниками социальной личности автора от восприятия его художественных текстов. Там, где это разделение затруднительно, исследование становится попыткой ответить на вопрос, насколько важны для формирования литературной репутации писателя его социальная и литературная ориентации.

Однако А. Битов высказал мнение, что, как ни парадоксально, при всей незыблемой власти государства в советскую эпоху, в конечном счете, судьей писателю выступал народ, и это был невидимый не осознаваемый процесс: «Потому что именно люди, стоявшие в стороне от строя, хоть и держались вместе, имели более чистые принципы, чем кто-то согласившийся, и не меняли их – и были настоящими советскими людьми. <...> наши

³⁷ Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М., 2001. – С. 52.

массмедийные репутации того времени – репутации людей, которые “осуществлялись” здесь, в России, – были народными. Они были “сделаны” вопреки системе продвижения имен и рождались по-настоящему: Высоцкий, Венедикт Ерофеев, даже Алла Пугачева и Жванецкий! Это все проходило поверх чьих-то стараний сделать их известными. И “народ” не ошибся. <...> можно говорить и о явлении, более сложном, чем просто репутация, – о “репутации судьбы”. <...> Самые мощные репутации, допустим, того же Солженицына, Иосифа Бродского, – они сложились уже даже не столько благодаря народу, сколько благодаря судьбе. <...> судьба плюс оценка поведения народом...»³⁸. Писатель различает славу как «промышленность», которая «накачивается» рекламой, скандалами, газетными сенсациями (а в советский период – периодикой, которая выражает партийную точку зрения), и славу как «природу»: «... когда человек не может, услышав что-то, прочитав что-то, что-то увидев, в потрясении не сказать об этом кому-то близкому. А тот, в свою очередь, еще кому-то». Первая исчезает вслед за автором, а вторая, может быть, только после смерти и родится.

Начиная с 1990-х гг. по настоящее время, в литературоведении наблюдается устойчивый интерес к проблеме формирования репутаций писателей. Однако разнородность материала (уникальность литературных судеб писателей) не позволяет разработать единой универсальной стратегии для изучения литературной репутации отдельного писателя. Следовательно, на данный момент, когда теория и история литературных ситуаций находится в начальной стадии разработки, остается большое поле для новых исследований.

На наш взгляд, на текущий момент исследования в области изучения литературных репутаций в современном отечественном литературоведении можно разделить на три направления:

³⁸ Битов, А. О литературных репутациях // Октябрь. – 2006. – № 8.

1) изучение устойчивости трактовок и интерпретаций, сформировавших репутации писателей, как следствия ретроспективного искажения действительности (исследования, посвященные литературным репутациям А. А. Шаховского, Н. Е. Струйского, Ф. И. Булгарина, М. Н. Лонгинова, М. П. Арцыбашева, В. В. Каменского);

2) анализ причин колебания репутаций писателей на разных этапах творчества (исследования о литературных репутациях А. С. Пушкина в 1930-е гг., Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка в 1920 – 1930-е гг.);

3) анализ отношений «писатель – общество», выявление механизмов достижения литературного успеха (исследования, посвященные литературным репутациям А. П. Чехова, И. А. Бродского).

Считаем, что накопленных знаний в области теории и истории литературных репутаций достаточно, чтобы предпринимать исследования и вне выделенных нами направлений. Одним из таких направлений может стать изучение литературных репутаций в национальных республиках, в литературном процессе которых предположительно могут быть выделены специфические факторы, влияющие на формирование литературных репутаций.

1.2 Формирование литературных репутаций в бурятской литературе в 1950 – 1970-е гг.

В становлении литературной репутации писателя – представителя молодой национальной советской литературы – большую роль играет государственная политика в отношении литературных процессов национальных республик, предполагающая организованное развитие литературы и стимулирование литературной жизни во всех регионах.

Решающим оказывается идеологический фактор, традиционно значимый для всей русской литературы.

Между писателем и общественностью республики заключается своеобразный взаимовыгодный литературный «контракт»: молодая литература воспитывает и выдвигает в первые ряды подающих надежды литераторов и, в случае успеха, получает собственных лидеров, профессиональных писателей, в идеале – получивших признание «в центре». Писатели, в свою очередь, взамен приложенных для соответствия образу «правильного» советского писателя усилий получают широкие возможности для публикаций, искренний интерес к своему творчеству и народную любовь. Статус «певца родной земли» может скрадывать идеологическую ангажированность и придавать локальную индивидуальность облику «советского писателя»³⁹.

Следовательно, при изучении творчества бурятских писателей особенно важным представляется момент составления объективной литературной биографии, которая учитывала бы как литературные взгляды и идеи самого писателя, так и специфику его позиции в контексте общественной и литературной жизни республики рассматриваемого периода, дружеские и литературные связи, литературную репутацию. В российском литературоведении случается, что биография писателя не первого и не второго плана оказывается «пустым местом» в истории литературы, которое заменяется произвольной интерпретацией⁴⁰. Подобное можно повторить в отношении фигур национальных писателей, только в этом случае интерпретация оказывается не просто произвольной, а тенденциозной. В то время как простое сопоставление фактов или расположение их в хронологическом порядке (создание биографии) зачастую позволяет сделать гораздо более объективные выводы (корректировка репутации).

³⁹ Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – С. 11-12.

⁴⁰ Попов, В. Н. Н. Е. Струйский и проблема литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – С. 16.

Как уже отмечено в литературоведении, образ автора в общественном сознании формируется либо при активном содействии самого автора, позиционирующего себя в выгодном ему свете, либо (при анонимности произведения или недостатке информации о личности автора) через «дистраивание» его образа на основании текстов произведений⁴¹. Для литературной репутации советского писателя такое дистраивание неизбежно, поскольку образ, предстающий перед общественностью, по понятным идеологическим причинам является излишне стерильным и потому требует индивидуализации. В случае же, когда создается литературная репутация представителя национальной литературы, вступает в игру и желание не упустить возможности отметить наличие хоть сколько-нибудь значимых достижений, возможно, предвосхитить появление собственного крупного писателя. Литературная репутация в таком случае во многом создается «авансом». А. И. Гараев отмечает опасность любого дистраивания: поскольку образ автора может наделяться не присущими ему чертами, при обнаружении этого несоответствия может возникать ситуация отторжения писателя, негативного восприятия его облика (что происходит в постсоветский период в отношении многих советских писателей). Существует и другая опасность: при прочном укоренении в общественном сознании определенного образа автора все произведения его начинают восприниматься через призму этого образа, что часто приводит к их неверному пониманию (или неполноте восприятия).

Из обзора публикаций литературно-критического характера советского периода становится ясной одна характерная особенность построения литературной репутации бурятского писателя. В целом, при формировании представлений о месте и роли писателя, помимо объяснимой идеологизированности литературоведческого анализа, в критике больше внимания уделяется тому, чтобы предельно четко определить литературный

⁴¹ Гараев, А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – С. 9.

статус участника, и меньше – характеристике творчества и анализу собственно художественных достижений, который зачастую дается в достаточно общих выражениях. Эта картина, с одной стороны, отражает особенности литературного процесса советского времени (по большому счету, критика часто не идет дальше установления соответствия или несоответствия образу «советского писателя»). Однако кроме того, подобный подход литературного сообщества к формированию писательских репутаций, может также свидетельствовать о черте, которая присуща молодым национальным советским литературам вообще и которую можно охарактеризовать как стремление зафиксировать в первую очередь «количественные», а затем уже «качественные» успехи литературы. Именно свойством *молодости литературы* и желанием показать ее быстрый «рост» объясняется педантичное перечисление всего «первого» в каждой вновь выходящей «Истории литературы» (первое произведение в печати, первый сборник стихов, первая пьеса, первый роман, первый роман о современности, первый перевод без подстрочника и т. п.) и даже количественный подсчет достижений (число романов, число киносценариев, число писателей и т. п.)

Вторая особенность процесса формирования литературных репутаций в бурятской литературе обусловлена немногочисленностью ее участников, «малонаселенностью» и связанную с этим черту, которую можно обозначить как «интимность», «камерность» или «замкнутость» литературы. Ее можно проиллюстрировать фразой из предисловия к справочному изданию, вышедшему в 2012 г. и содержащему сведения о культурных деятелях республики: «Грустно, что некоторые читатели, не найдя сведений о своих близких, испытают разочарование»⁴². Тот факт, что у создателей справочника нет сомнений в том, найдутся ли читатели, которые останутся разочарованными его содержанием, свидетельствует об особенностях менталитета, согласно которым границы «моего», «своего» и «нашего»

⁴² Свет памяти / авт. проекта Б. Ж. Тумунов ; гл. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 1. – С. 6.

в национальной культуре небольшой республики понимаются весьма своеобразно, в результате чего в процессах формирования литературных репутаций очень большую роль играют межличностные отношения. Кроме того, камерный характер литературного процесса обуславливает практически полное отсутствие письменных свидетельств о литературном быте республики.

В поэме Н. Дамдинова «Имя отца» (1962) речь идет о трех поколениях, представляющих три этапа в развитии советского общества: к первому относится отец лирического героя, чья молодость и активная деятельность приходится на эпоху коллективизации; ко второму – старший брат – герой Великой Отечественной войны; и к третьему – сам лирический герой – представитель молодого поколения, на глазах которого совершались подвиги отцов и братьев.

Это молодое поколение представляет собой, на наш взгляд, последнюю смену советских людей, чья общая вера в коммунизм была наиболее прочной и связанное с ней чувство ответственности за его строительство – высоким. К первой смене мы относим поколение красных командиров 1920-х гг. и активистов строительства новой жизни 1930-х гг., вторая – это поколение участников войны. Третью смену представляют собой сыны и младшие братья недавних героев и борцов за светлое будущее: их молодость приходится на 1950-е гг., это поколение хорошо помнит прошлое и очень серьезно относится к переданной им эстафете. Делом чести для них является продолжение начатого старшими, так много отдавшими для светлого будущего, и память о жертве которых еще очень свежа. Именно эта мировоззренческая особенность поколения рождает слова литературоведа В. Найдакова о том, что не существует в советской литературе «неверно выдвигавшейся деятелями литературы проблемы “отцов и детей”, как нет ее и в жизни»⁴³.

⁴³ Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 4.

Поколение 1950-х гг. в целом характеризуется оптимистическим настроением: его облик формируется на фоне «небывалого научно-технического прогресса» и «небывалого подъема духовной активности»⁴⁴, события, подобные полетам в космос, убеждают в возможности скорого создания коммунистического общества⁴⁵. Оптимистический настрой сказывается и на литературной ситуации: в республике в эти годы – обстановка творческого подъема, атмосфера энтузиазма, освобождение от культа личности, возвращение ленинских норм. На этом фоне происходит консолидация всех литературных сил: поколение старших писателей и поэтов активно интересуется делами начинающих литераторов (так, Н. Дамдинов неоднократно с благодарностью вспоминал о поддержке Х. Н. Намсараева)⁴⁶.

Атмосфера всеобщего энтузиазма сказывается на художественных произведениях, в которых, по замечанию В. Найдакова, отразились «помыслы и чаяния, стремления и заботы людей пятидесятых – семидесятых годов, живущих в атмосфере постоянного и глубокого поиска, в состоянии постоянной активности, принимающих живейшее участие в решении проблем, от которых зависят мир и счастье на земле»⁴⁷. Эти чаяния и находят свое выражение в творчестве писателей, чей начальный этап литературного пути приходится на 1950-е гг. Тематически они проявляются в воспевании нового советского человека, интернационального чувства, дружбы народов и мира на всей земле, стилистически – подкупающей прямолинейностью в суждениях, отдающей, однако, и наставительной интонацией.

Внешне литературная жизнь характеризуется большим количеством съездов, выездных заседаний, проведением «дней литературы» и конференций. При этом если в «большой» и «многонаселенной» русской литературе есть

⁴⁴ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 166.

⁴⁵ Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 3, 4.

⁴⁶ Дамдинов, Н. Г. Родник в моем краю // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 134-139.

⁴⁷ Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.

и другие направления, помимо магистрального (шестидесятники и самиздат), то в «малонаселенной» молодой бурятской литературе бесхитростно и достаточно продолжительно выдерживается только основное, «праздничное» настроение.

И все же общая тенденция изменения в мировоззрении людей советской эпохи движется от идеи государственности к идее человека, что, безусловно, находит отражение в искусстве и сравнимо с переходом от стиля монументального историзма к экспрессивно-эмоциональному стилю в древнерусском искусстве.

Постепенно накапливается осознание молодыми литературами определенных противоречий, и 70-е гг. XX века, как неоднократно отмечено, характеризуются значительными мировоззренческими сдвигами в национальном самосознании: пробуждением интереса к внеидеологической национальной истории⁴⁸, поисками героя, воплощающего в себе черты человека нового морального облика⁴⁹, появлением исповедального начала⁵⁰. В конце 1960-х – 1970-е гг. молодые литераторы уже задаются вопросами, которые не тревожили их предшественников: «...в процессе становления и развития молодых литератур Сибири определяется одна общая закономерность – все более глубокое проникновение писателей в духовную, личностную сущность человека, стремление глубже познать и отразить возникающие перед ним проблемы во всей их сложности и многообразии»⁵¹. Лирический герой и автор-повествователь 1970-х гг. существенно изменяется, в отличие от предыдущего периода, для которого так или иначе

⁴⁸ Алиева, С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма // *Нация. Личность. Литература*. Вып. 1. – М., 1996. – С. 82.

⁴⁹ Найдаков, В. Ц. *Путь к роману*. – Новосибирск, 1985. – С. 7.

⁵⁰ Очирова, Т. Н. *Постоянство, или цена устойчивости и бунта* // *Земли моей молодые голоса*. – Улан-Удэ, 1980. – С. 46-49.

⁵¹ Гармаева, С. И. *О типологии романа в литературах народов Сибири* // *Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока*. – Новосибирск, 1983. – С. 87.

характерно самовыражение в тексте «в форме прямой или косвенной самоапологии»⁵².

Твердая вера в коммунизм и дело отцов на фоне постепенного возрастания личностного начала (по словам Т. Очировой, наиболее последовательно отразившегося в творчестве Н. Дамдинова⁵³) создает почти парадоксальное сочетание, которое придает особенный характер творчеству поколения писателей и поэтов 1950 – 1970-х гг. и весьма ощутимо сказывается на формировании их репутаций. Весьма интересно проследить, как создавалась литературная репутация писателей, вступивших в литературу в эпоху всеобщего воспевания государственности, но чье зрелое творчество приходится на период «поворота к человеку».

Таким образом, литературная жизнь национальной республики 1950 – 1970-х гг. представляет особый интерес в плане изучения репутаций советских писателей, поскольку именно в этот период можно наблюдать такие процессы в общественном сознании, которые создают особые условия для становления и разрушения литературных репутаций.

Между тем, в середине XX в. происходит активное развитие всех молодых национальных советских литератур. Один из аспектов этой проблемы, которая в этот период стоит наиболее остро в литературе, – это соотношение традиций и современности в национальной литературе. Н. Дамдинов отмечает, что в литературе появляется новый герой – современный человек, который требует, чтобы и изображали его в литературе тоже «по-современному», поэтому народный поэт – «не тот, кто заботливо списывает орнамент с ворота бурятского тэрлика»⁵⁴: он должен стать с веком наравне.

⁵² Имixelова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6. Филология. – 1997. – Вып. 1. – С. 121.

⁵³ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 49.

⁵⁴ Дамдинов, Н. Г. Границы поэзии // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 315.

Таким образом, в эти годы происходит постепенное преломление бытовавшей ранее точки зрения на произведения национальной литературы, согласно которой они обязательно должны характеризоваться соответствующим национальным «колоритом». Так, А. Дмитриева в рецензии на книгу Н. Дамдинова «Границы поэзии» отмечает, что борьба за подлинно народную литературу предполагает «расширение границ национальной поэзии»⁵⁵. А бурятский литературовед А. Белоусов, ссылаясь на слова писателя А. Кешокова, говорит о том, что в 1960-е гг. происходит процесс снятия «национальных перегородок» между литературами и, таким образом, «отступает национальная ограниченность»⁵⁶, для преодоления которой литераторы всех национальных республик страны ищут «новые формы, новые выразительные средства и приемы в художественном освоении героической эпохи»⁵⁷.

В целом, проблема развития национальных советских литератур получает в этот период такое решение: «подлинно национальным поэтом быть нельзя, если не обогащаешься интернационально»⁵⁸. Кроме того, отмечено, что в целом литературные процессы национальных республик обладают определенным типологическим сходством: «Художественные литературы Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии ... имеют много общего – революционное прошлое и нашу современную действительность. Корни духовной общности этих народов заложены и в фольклоре...»⁵⁹. Взаимодействие русской и национальных литератур приводит к тому, что складывается «своеобразная в стилевом отношении бурятская, хакасская, тувинская и алтайская проза, в которой наблюдается сочетание лиризма,

⁵⁵ Дмитриева, А. Устремленность в будущее // Вопросы литературы. – 1962. – № 12. – С. 219.

⁵⁶ Белоусов, А. Заметки о национальной форме в литературе // Белоусов, А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 38.

⁵⁷ Там же. – С. 39.

⁵⁸ Из выступлений писателей – участников секретариата... (Доризо, Н. [О творчестве Н. Дамдинова]) // Байкал. – 1978. – № 6. – С. 146.

⁵⁹ Гармаева, С. И. О типологии романа в литературах народов Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1983. – С. 77.

психологизма, документализма, автобиографизма, публицистики, но которую, тем не менее, нет основания укорять в эклектике»⁶⁰.

В связи с повышенной идеологизированностью в советском обществе общая проблематика литературоведения 1950 – 1970-х гг. весьма специфична. Так, например, в определенный момент кажется, что некоторые понятия становятся более не актуальными для советской литературы: «...на страницах «Литературной газеты» шел спор в котором одна сторона считала, что “я”, встречающееся в лирических стихах, является отражением личности самого поэта, что понятие «лирический герой» вполне идентично понятию “автор данных стихов”, а поэтому надо упразднить термин “лирический герой” как лишний, вносящий путаницу в понимание поэзии»⁶¹ Безусловно, это было лишь мнение части литераторов, однако сама тенденция вполне характерна, поскольку отражает читательское восприятие. Сближение и смешение понятий «автор» и «лирический герой» может оказывать существенное влияние на формирование литературных репутаций писателя: «самоапология» лирического героя или повествователя накладывается и на реальный облик писателя или поэта. С другой стороны, и сами авторы могут не вполне разделять эти понятия, что необходимо учитывать при рассмотрении творчества авторов рассматриваемого периода.

Кроме того, тенденция к смешиванию литературы и реальной жизни, приводит также к тому, что писатель понимается как документалист, а литературное произведение – фиксация объективной реальности. Так, например, филолог С. Чагдуров так понимает задачу автора при написании исторического произведения: «Вольные, ничем не аргументированные фантазии на ту или иную историческую тему теперь выходят из моды. ... Сегодня автор исторических произведений в предварительных своих поисках выступает в роли ученого и только в подаче материала остается

⁶⁰ Гармаева, С. И. О типологии романа в литературах народов Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1983.. – С. 89.

⁶¹ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 113.

поэтом, писателем»⁶². Сходные взгляды высказывает и А. Бальбуров, который считает, что требование документальности применимо не только к историческим произведениям и актуально не только для них, но и для всей художественной литературы.

Центральной темой рассматриваемого периода является изображение величия и красоты советского человека: «Утверждение человека – хозяина жизни, творца, переделывающего землю и создающего новый прекрасный мир человеческих отношений, – главная мысль современной бурятской поэзии»⁶³. Кроме того, характерной чертой бурятской литературы конца 1950-х – начала 1970-х гг. является «исключительная настойчивость поисков такого героя, который воплотил бы в себе черты человека нового морального облика». По мнению литературоведа В. Найдакова, герои многих произведений бурятской литературы этого периода резко отличаются от героев литературы 1930 – 1940-х гг.: «В их облике меньше черт национальной ограниченности; их чувства, переживания и сама форма выявления этих чувств близки молодому человеку любой национальности. Вместе с тем они остались представителями своей нации не только по именам и некоторым характерным особенностям, но и по внутреннему своему строю. Новый герой потребовал и новых средств художественной выразительности»⁶⁴.

Предполагаем, что по сходству формирования и изменения литературных репутаций писателей советского периода можно разделить (весьма условно) на следующие группы:

1) писатели, соответствовавшие образу советского человека, общественные заслуги которых сочетались со значимыми художественными свершениями в рамках заданных норм и ценностей. Их творчество уже в советское время изучалось достаточно глубоко, поэтому

⁶² Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

⁶³ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 166.

⁶⁴ Найдаков, В. Ц. Путь к роману. – Новосибирск, 1985. – С. 7.

в постперестроечное время становится возможным «отделить» излишнюю идеологизированность и на этой основе продолжать исследование творчества в заданном направлении: происходит корректировка репутации;

2) писатели, соответствовавшие образу советского человека, художественные достижения которых, однако, были не очевидны или незначительны для советского литературоведения (оставались за пределами заданных норм и ценностей), но которые являлись при этом активными литературными деятелями. В оценке этих участников литературного процесса на передний план всегда выдвигалась идеологическая составляющая или общественная деятельность, поэтому в постперестроечное время, когда общественные заслуги становятся уже неактуальны, от литературной репутации не остается почти ничего. Возобновление интереса к таким авторам – более сложный и длительный процесс: фактически репутация создается заново;

3) тенденциозные писатели, творчество которых представляет интерес больше в историко-литературном отношении;

4) писатели, не соответствовавшие образу советского человека.

С точки зрения изучения истории литературных репутаций весьма интересной представляется вторая группа писателей, в отношении которой происходит сложный процесс разрушения одной репутации и создания другой. Ситуация осложняется тем, что процесс пересмотра репутации не начинается до тех пор, пока не возникает само осознание необходимости этого процесса. Для сравнения: для писателей четвертой группы такая необходимость становится очевидной сразу же, как только исчезает необходимость соответствовать образу идеального советского человека.

Необходимо также отметить, что в бурятском литературоведении тенденция пересмотра литературных репутаций возникает позже, чем в русском литературоведении (в котором интерес к этой проблеме пробуждается одновременно с распадом СССР). В качестве первой попытки обращения к теме выбраны Н. Дамдинов и А. Бальбуров как писатели

с характерными литературными судьбами. Несмотря на разницу в возрасте, основная творческая (литературная) активность писателей приходится на один период: 1950 – 1970-е гг. При этом, будучи однозначно признанными в рассматриваемый период в числе писателей первого ряда, начиная с предперестроечного времени Н. Дамдинов и А. Бальбуров заметно отодвигаются на второй план. Кроме того, обоих писателей отличает сильная идеологическая ангажированность, в силу которой многие художественно значимые достижения писателей остаются незамеченными в советское время. Наконец, значительное число выступлений в печати литературно-критического и критико-публицистического характера заведомо предполагает наличие рефлексии по поводу места и роли писателя в обществе, что делает вопрос изучения литературного поведения (и литературной репутации) писателей весьма актуальным.

Хотя творчество выбранных художников относится к разным родам литературы (А. Бальбуров – прозаик и публицист, Н. Дамдинов – поэт), мы считаем, что сопоставление их литературных судеб поможет полнее отразить специфику формирования литературных репутаций бурятских писателей рассматриваемого периода. В силу указанных выше колебаний репутаций писателей, мы склонны отнести А. Бальбура и Н. Дамдинова ко второй группе – писателям, чья репутация в настоящее время более всего нуждается в объективном рассмотрении.

Мы видим, что амплитуда колебаний репутаций очень велика: литературный статус Н. Дамдинова сменился от первого из современных поэтов бурятской литературы в 1970-е гг. до очень формально обозначенной роли классика бурятской литературы сегодня. А. Бальбуров в литературном процессе 1950 – 1970-х гг. с переменным успехом занимал позицию в ряду крупных прозаиков, тогда как в современном литературоведении вновь зарождается интерес к его творчеству, который, однако, пока не нашел отражения в справочных и учебных изданиях, в которых творчеству и личности писателя по-прежнему отводится весьма скромное место.

Залогом успеха в начале рассматриваемого периода является ангажированность, сочетающаяся с искренностью, которые вызывают как доверие читателя (охваченного тем же настроением), так и одобрение литературных сил. Внешне это дает возможность публиковаться в столичных журналах, издавать книги в московских издательствах и активно участвовать в общественной и литературной жизни республики, что является основанием для определения литературного статуса писателя.

Однако в 1970-е гг., вслед за изменениями в общественном сознании, кардинально меняется и «литературная мода», и многие писатели (к числу которых мы отнесли А. Бальбурова и Н. Дамдинова) практически безвозвратно оказываются за ее пределами, поскольку остаются искренне верны настроениям ушедшего периода. Следовательно, интерес к творчеству бывших популярных советских писателей в обществе резко падает. Однако в национальной литературе определенная доля внимания к советским классикам все же сохраняется. На наш взгляд, одним из возможных вариантов изменений в литературной судьбе советского классика становится постепенное вытеснение литературной деятельности общественно-политической. (Так, в 1980 – 1990-е гг. Н. Дамдинов становится активным общественным деятелем, депутатом Верховного Совета, затем советником Президента, то есть его высокий литературный статус постепенно замещается высоким общественным статусом).

К концу 1990-х гг., после периода закономерного отторжения ангажированных писателей, начинается процесс постепенного восстановления статуса классиков и писателей первого ряда бурятской советской литературы, внешними признаками которого можно считать выход библиографических указателей творчества А. Бальбурова (2004)⁶⁵

⁶⁵ Африкан Андреевич Бальбуров (1919–1980): библиограф. указ. / сост. И. И. Петухова, Р. Г. Батомункуева. – Улан-Удэ, 2004. – 60 с.

и Н. Дамдинова (2007)⁶⁶, издание трехтомного собрания сочинений Н. Дамдинова (2007 – 2012), а также открытие мемориальных досок, учреждение литературной премии им. Н. Дамдинова, шахматного турнира им. А. Бальбурова, наименование улицы в честь А. Бальбурова. Предполагаем, что такой «учет» характерен именно для национальной литературы и последовательно претворяется в ней в силу выделенной нами особенности – малочисленности участников литературного процесса. В русской литературе аналогичные процессы также присутствуют, но менее заметны, поскольку в 1990-е гг. на первый план выходят писатели, находившиеся в советское время вне магистрального направления, которые и завладевают вниманием общества, в то время как в бурятской литературе крупных художников, открыто противопоставляющих себя официальной идеологии, не было.

Доступные источники, необходимые для изучения процесса становления репутации писателей, можно разделить на следующие группы: 1) рецензии на книги, произведения, заметки о творчестве в периодической печати (газеты «Бурят-Монгольская правда», «Правда Бурятии», «Бурят-Монгольский комсомолец», «Молодежь Бурятии» и др.); 2) литературно-критические статьи о творчестве писателей (газеты «Литературная газета», «Литературная Россия», журналы «Свет над Байкалом», «Байкал», «Вопросы литературы», «Дружба народов» и др.); 3) монографии, посвященные истории бурятской советской литературы, творчеству современных бурятских писателей; 4) справочные издания о бурятских писателях, учебные пособия.

Безусловно, даже в советское время внимание к писателю не могло ограничиваться только перечислением успехов и подсчетом достижений – творчество подлежало литературоведческому анализу, основанному, однако, по большей части на рассмотрении содержания произведений

⁶⁶ Николай Дамдинов : Библиографический указатель / сост. О. Ж. Рыгзенова, вступ. ст. С. Ж. Балданова. – Улан-Удэ, 2007. – 128 с.

с идеологических позиций или подменяемому таковым рассмотрением. Поскольку подобная точка зрения на заслуги писателей в постсоветское время утратила свою актуальность, а объективация представлений на сегодняшний день только начинается, то, по большому счету, литературные репутации рассматриваемых писателей составляет лишь «количественное» перечисление успехов, доставшееся в наследство с советского времени. И хотя подобный «количественный» подход к определению «веса» писателя в советское время был общепринятым (безусловно, не только для бурятской, но и для всей советской литературы), для репутаций писателей той группы, к которой мы отнесли А. Бальбурова и Н. Дамдинова, он оказался наиболее неблагоприятен.

Становится очевидным, что выделенные нами особенности литературного процесса Бурятии весьма значимы для понимания процессов формирования писательских репутаций. Так, мы видим, что литературные репутации в рассматриваемый период во многом строятся как список закрепленных за писателями достижений. Такая расстановка акцентов, на наш взгляд, объясняется именно отмеченным выше особенным вниманием к «первопроходцам» и *молодостью литературы*. Однако следствием увлеченности количественными успехами литературы являются резкие колебания репутаций классиков и писателей первого ряда советского периода, а также наличие лакун в изучении творчества писателей. Воздействие же второй особенности, *«малонаселенности» литературы*, двояко: с одной стороны, немногочисленность участников литературного процесса, по-видимому, упрощает задачу пересмотра и «пересчета» литературных репутаций, с другой стороны, «камерность» становится дополнительным фактором, влияющим на становление и развитие репутаций, и потому требует дополнительного изучения и описания механизмов их формирования.

Кроме того, специфика литературной ситуации советского периода такова, что роль и место писателя в литературном процессе нужно

рассматривать в первую очередь в контексте истории его литературной репутации. Поскольку в до- и постсоветский периоды художественные свершения писателя и его идеологическая позиция влияют на репутацию в равной степени, вероятность быстрого определения его объективного места в литературной иерархии достаточно высока. В то время как литературные репутации, сформированные в советскую эпоху, иногда могут потребовать значительного пересмотра, прежде чем история литературы отведет им соответствующее место. При этом либо за недостатком информации, либо ввиду отсутствия объективных исследований закономерно стали возникать лакуны в восприятии тех или иных фигур литературного процесса, заполнить которые и призваны исследования в русле теории и истории литературных репутаций.

Таким образом, одной из актуальных задач современного бурятского литературоведения является восполнение знаний о «неудобных» писателях советского периода и полноценное исследование их творчества, а также выявление подлинной художественной ценности произведений классиков советского периода. Предполагается также, что построение истории литературных репутаций даже отдельных бурятских писателей позволит уточнить и представления о литературном процессе Бурятии советского периода в целом.

ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ Н. Г. ДАМДИНОВА

2.1 Место Н. Г. Дамдинова в литературном процессе Бурятии

Литературный процесс в национальных советских литературах 1950 – 1970-х гг. ознаменован возникновением такого явления, как «национальные классики». В предисловии к книге «Апрель» Николая Гармаевича Дамдинова (1932 – 1999) сказано: «Давно прошло время, когда, говоря о советской поэзии, мы называли представителей русской, украинской, грузинской, армянской и некоторых других литератур»⁶⁷. Поначалу к числу безусловных признанных советских классиков относятся киргизский писатель Чингиз Айтматов и аварский поэт Расул Гамзатов. Со временем же появляется ряд имен (количество которых активно растет в 1960 – 1970-е гг.), которые также приближаются в советской литературной иерархии к званию классика: Д. Кугультинов, К. Кулиев, А. Абу-Бакар, А. Кешоков, Э. Межелайтис, М. Карим, В. Санги, Ю. Шесталов. Среди представителей сибирских литератур можно назвать имена якутского поэта С. Данилова и алтайского писателя Б. Укачина.

Этот процесс не обходит стороной и бурятскую литературу: «В последние годы заметен рост ряда писателей и поэтов Бурятии. Это обусловило появление одной за другой их книжек, изданных центральными издательствами»⁶⁸. В 1970-е гг. литературовед Ц-А. Дугар-Нимаев констатирует: «Современная бурятская поэзия отмечена чертами идейно-художественной зрелости. <...> Творчество бурятских поэтов широко

⁶⁷ Николаев, А. Новая книга Николая Дамдинова // Дамдинов, Н. Апрель. – М., 1973. – С. 3.

⁶⁸ Секерина, В. Пора зрелости // Вперед. – 1971. – 29 июня. – С. 4.

известно в стране и за рубежом»⁶⁹. Анализируя достижения отдельных бурятских авторов, литературовед замечает, что поэзию Х. Намсараева, Ц. Галсанова, Н. Дамдинова, Д. Жалсараева, Д. Улзытуева можно рассматривать как «типологическое явление в советской литературе», «имена этих поэтов яркой индивидуальности называются в ряду поэтических имен российского и всесоюзного уровня»⁷⁰. Чуть позже критик В. Дементьев засвидетельствует «несомненный успех бурятской литературы»⁷¹.

При этом необходимо отметить, что творчество отдельных авторов, обладающее определенными, наиболее актуальными для эпохи признаками (см. параграф 1.2), может вносить больший вклад в выход национальной литературы на «всесоюзную арену», чем творчество других современников. На наш взгляд, писателем, чье творчество определяет место бурятской литературы в ряду советских литератур в 1950 – 1970-е гг., является Н. Дамдинов. О роли поэта в развитии бурятской литературы в этом ключе говорится так: «прочно завоевывает свое место в поэзии поэт с Байкала, бурят Николай Дамдинов»⁷². Кроме того, современники отмечают широту взгляда поэта на перспективы развития бурятской литературы: так, Н. Дамдинов видит родную литературу «в дружной семье братских советских литератур»⁷³, его произведения «открыли перед бурятской поэзией широкую дорогу в богатый мир мыслей и чувств современного советского человека»⁷⁴.

Творчество народного поэта Бурятии, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Н. Дамдинова представляет целую эпоху в истории бурятской литературы. На бурятском, русском и других языках мира им издано более 30 поэтических сборников. В двухтомное издание его избранных произведений (М.: Сов. Россия, 1981) вошли не только лирика,

⁶⁹ Дугар-Нимаев, Ц-А. О языке современной бурятской поэзии // Дугар-Нимаев, Ц-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979. – С. 75.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Дементьев, В. Панорама поэзии Бурятии // Сибирские огни. – 1983. – № 5. – С. 150.

⁷² Николаев, А. Новая книга Николая Дамдинова // Дамдинов, Н. Апрель. – М., 1973. – С. 3.

⁷³ Дмитриева, А. Устремленность в будущее // Вопросы литературы. – 1962. – № 12. – С. 219.

⁷⁴ Романенко, Д. Поэт активной мысли // Дамдинов, Н. Г. Новая земля. – М., 1970. – С. 10.

поэмы, но и драматические произведения, киносценарии, стихотворные переводы, критика и публицистика. Его перу принадлежат также стихи для детей, документальные повести, рассказы, сказки, вошедшие в трехтомное собрание избранных произведений (Улан-Удэ, 2001–2012).

В творчестве Н. Дамдинова, на наш взгляд, можно увидеть определенные особенности, делающими его произведения наиболее актуальными для современников и обеспечивающие поэтому успешность поэта в рассматриваемый период.

Так, характер творчества поэта обладает необходимым для советского писателя настроем энтузиазма и оптимистичности: «Лирический герой Н. Дамдинова родился, когда уже “гулкий говор тракторов” возвестил “иной поры начало”», поэтому молодой герой весьма восторженно воспринимает этот мир⁷⁵. Исследователь творчества поэта Т. Очирова находит корни его таланта не только в природных способностях юного Н. Дамдинова, в «общей атмосфере любви и внимания к меткому и образному слову», царившей в семье поэта, и не только в раннем знакомстве поэта с классической литературой. Не в меньшей степени творческое начало поэта складывается под влиянием общей духовной атмосферы эпохи – от «потребности деятельного участия в жизни, чувства неотрывности своих помыслов от жизни страны»⁷⁶.

Подтверждением внутренней созвучности творчества Н. Дамдинова эпохе оказывается и жанр, избранный им для программных произведений – жанр поэмы, которая обладает, по собственному свидетельству поэта, такими внутренними ресурсами, за счет которых она способна по эмоциональному воздействию заменить собой целый роман⁷⁷. Именно поэма, по мнению Н. Дамдинова, должна стать жанром эпохи, поскольку в ней возможно

⁷⁵ Будаев, Ю. В битве за солнце // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.

⁷⁶ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 19.

⁷⁷ Дамдинов, Н. Г. Жанр не виноват // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 345.

оперативно описать стремительное, динамическое развитие современного общества.

Еще одним «знаменем времени», в полной мере проявившимся в творчестве Н. Дамдинова, является отношение поэта к фольклору: «В последнее время я снова весь в плену устного народного творчества. Это удивительно и прекрасно – после тех незабываемых, высоких часов, незаметно протекших, “пока я с Байроном курил, пока я пил с Эдгаром По”, возвратиться к истоку, перечитать лучшее, что есть в фольклоре и ощутить себя снова ребенком перед морем народной мудрости и поэзии! Во всяком случае, некоторые бурятские народные песни по своему образному строю, щемящей лиричности заставляют меня думать о недостижимых высотах...»⁷⁸ Эта весьма растиражированная цитата из ответа поэта на анкету журнала «Дружба народов» в 1967 г. иллюстрирует тенденцию «возвращения» к фольклору в советских национальных литературах в конце 1960-х – 1970-е гг., начавшегося после периода интернационализации литератур на пике эмоционального подъема 1950-х – начала 1960-х гг.

Приведенные особенности являются примерами того, в какой степени в выделенный нами период (1950 – 1970-е гг.) творчество Н. Дамдинова оказывается отвечающим духу эпохи. Однако уже в 1980-е гг. становится вполне ощутимо, что поэт, в числе многих своих современников, все-таки остается «в своем времени». Так, например, в литературоведческой статье «Дорога к человеку» (1986) Н. Хосомоев, анализируя вновь вышедшие книги, говорит о том, что современная поэзия, «выходя к общесоюзному читателю, стремится показать дела и помыслы человека не в локальных рамках переживаемого момента, а в широких исторических связях, чтобы опыт прошлого помог действительно глубоко познать современную эпоху и проникнуть в духовный мир человека»⁷⁹. И здесь литературовед замечает, что Н. Дамдинов говорит «незатейливо»: 1917 год – это та точка, откуда

⁷⁸ Дамдинов, Н. Г. Анкеты // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 375.

⁷⁹ Хосомоев, Н. Д. Дорога к человеку // Байкал. – 1986. – № 1. – С. 124.

начинается отсчет нового времени, новой жизни. В то время как молодые поэты – В. Намсараев, Г. Раднаева – мыслят уже несколько масштабнее.

Для определения места Н. Дамдинова в литературном процессе Бурятии обратимся к литературной биографии поэта.

Родился Н. Дамдинов в улусе Угнасай Баргузинского (Курумканского) аймака. Литературная судьба поэта с самого начала складывается под счастливой звездой: уже в 1941 г. о способном мальчике опубликована заметка учителя в республиканской газете. Поэт вспоминает, что его с детства влекло к стихам, сначала это было увлечение народной поэзией – улигерами. Затем происходит знакомство с творчеством А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова – впоследствии поэт говорит о том, что именно стихи и проза Лермонтова сыграли решающую роль в оформлении его литературного вкуса.

Первая публикация состоялась еще в школе: в республиканской газете опубликовано стихотворение «Богатый урожай» (1948) – в нем мы видим рождение юного лирического героя, который восторженно воспринимает мир. Благодаря материальной поддержке одноулусников талантливый юноша переезжает учиться в столицу республики, где оканчивает школу с золотой медалью. Будучи школьником, Н. Дамдинов продолжает публиковаться (около десяти стихотворений в республиканских газетах и альманахе «Байкал») и в числе начинающих авторов оказывается замечен писательской организацией республики.

В 1950-е гг. Союз писателей Бурятии рекомендует группу подающих надежду юношей, будущих писателей и поэтов, для поступления в Литературный институт им. М. Горького. В число рекомендованных вошел и Н. Дамдинов. Под прицельным вниманием старшего поколения литераторов республики находятся затем и первые литературные опыты всех студентов и выпускников Литинститута из Бурятии, но именно Н. Дамдинову это внимание позволило очень быстро встать на первые позиции в литературной иерархии.

Начиная со времени учебы в Москве, литературная репутация Н. Дамдинова складывается успешно и поступательно. Одним из факторов литературного успеха поэта на начальном этапе стал, безусловно, факт одобрения А. Т. Твардовским его студенческой поэмы «Песнь степей». Одобрение было выражено в виде устного доброжелательного отзыва после прочтения автором поэмы в подстрочнике во время одного из вечеров в студенческом общежитии в Переделкине: «Обрадовали меня стихи вашего бурятского поэта ... Пишет смело, размашисто. Хорошо, что он вот так размышляет о жизни, не избегает и темы смерти. Поэт должен смело касаться таких тем»⁸⁰, а также в рекомендации ее к публикации в журнале «Новый мир». Поэма в переводе Ю. Левитанского была напечатана в первой книге журнала за 1957 г. и стала по-настоящему громким дебютом Н. Дамдинова. Кроме того, значимую статусную роль для начинающего поэта сыграл интерес к его произведениям и другого мэтра советской литературы – Я. Смелякова, выразившийся в положительной рецензии на сборник «Гудящие сосны» (1959) и в публикации поэмы «Имя отца» в журнале «Дружбе народов» (1960).

Факт литературной образованности имеет большое значение в республике 1950-х гг., поскольку старшее поколение писателей и поэтов высшим литературным образованием не обладало, а необходимость профессионального роста к этому времени уже явственно ощущается литературным сообществом. А. Бальбуров в рецензии 1962 г. с удовлетворением отмечает, что «в лице Дамдинова приятно видеть представителя бурятской литературы с хорошим образованием»⁸¹. И в дальнейшем исследователями творчества поэта всегда подчеркивается образованность и эрудиция поэта как факторы, повлиявшие на качество его произведений: «поэт разносторонне образованный... человек большой

⁸⁰ Цит. по: Дамдинов, Н. Г. Встреча с Твардовским // Байкал. – 1976. – № 3. – С. 117.

⁸¹ Бальбуров, А. А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5. – С. 154-156.

эрудиции ...большой знаток русской классики»⁸²; «...привлекало в нем его знание русской классической и советской поэзии»⁸³.

Литературовед Т. Очирова, говоря о значимости образованности для поколения 1950-х гг., резюмирует: «... старшее поколение бурятских поэтов, в силу условий, почти не имело систематического литературного образования. Писали они во многом интуитивно, что называется “нутром”, руководствуясь естественной, стихийной свободой самовыражения. <...> Широкая образованность означала прежде всего конец дилетантизма в литературе, она показывала, что литературное творчество требует серьезной профессиональной работы, в которой мало что можно достигнуть без надлежащей культуры, опираясь только лишь на отпущенный природой поэтический дар»⁸⁴.

Помимо литературной образованности на общее ощущение включенности в современный литературный процесс повлияла и ранняя профессионализация поэта: еще будучи студентом он участвует во II съезде республиканского Союза писателей (1954) – выступает с докладом, в 1958 г. создает литературный киносценарий «Пора таежного подснежника» (по которому годом позже Свердловской киностудией будет снят фильм), а после окончания института сразу активно привлекается к общественной литературной жизни Бурятии и в 33 года уже становится руководителем писательской организации республики. В сумме все эти факторы оказывают свое влияние на процесс становления литературной репутации, они дополняют и подкрепляют чувство уверенности молодого поэта в собственном призвании, о котором так позже вспоминал редактор газеты «Правда Бурятии» И. Казанцев: «Тогда совсем еще юный Коля Дамдинов отличался именно убежденностью в своем призвании. Скромный, даже застенчивый юноша, в стихах он был уверенным. Помнится, когда мы

⁸² Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

⁸³ Щитов, А. Целеустремленность // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

⁸⁴ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 21-22.

познакомились с «Песней степей», творческая заявка нам казалась, пожалуй, задиристой»⁸⁵.

По первому же стихотворному сборнику поэта современникам становится понятно, что его творчество обладает такими чертами, которые выдвигают молодого литератора на первый план: «Николай Дамдинов начинал громко»⁸⁶. О сборнике «Баргузин» (1955) позже будет сказано, что он «явился новым словом в бурятской поэзии – в нем наметился поворот к внутреннему миру человека»⁸⁷. А в чем именно творчество Н. Дамдинова отвечало духу времени, позволит выявить более подробный анализ рецензий в параграфе 2.2.

После выхода двух первых книг – сборников «Баргузин» и «Гудящие сосны», – обративших внимание литературной общественности Бурятии и заинтересовавших читателей, современники были вправе ожидать от поэта чего-то нового, что подтвердило бы их высокие ожидания. Так и произошло: поэма «Имя отца» (1960) – первое крупное произведение Н. Дамдинова – стала «во многом удачной попыткой поэта выйти на более широкие просторы, попыткой более широкого и глубокого поэтического освоения действительности»⁸⁸. Для становления репутации поэта было особенно важно, что и это произведение было положительно оценено в центральной прессе⁸⁹.

Далее начинается краткий период поисков себя. В книге 1962 г. литературовед В. Найдаков говорит о том, что на текущий момент Н. Дамдинов находится в положении, характерном практически для любого начинающего поэта: на непосредственном опыте собственных жизненных впечатлений опубликованы два поэтических сборника, но дальше требуется

⁸⁵ Казанцев, И. «Никогда не стихая, звучать...» // Правда Бурятии. – 1981. – 30 дек. – С. 3.

⁸⁶ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 4.

⁸⁷ Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. – С. 16.

⁸⁸ Найдаков, В. Ц. Связь времен // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.

⁸⁹ См.: Соколов, В. Дума, рождающая поэзию... // Литературная газета. – 1961. – 8 июня.

отход от автобиографического материала, что становится камнем преткновения для многих поэтов⁹⁰.

В этот период Н. Дамдинов активно пробует выходить за рамки поэтического творчества. Так, им опубликована книга литературно-критических статей «Границы поэзии» (1962), которая вновь была замечена как в центральной, так и в местной прессе⁹¹. В своем отзыве на сборник статей А. Бальбуров говорит, что его появление весьма своевременно: в бурятской литературе как раз назревает необходимость появления писательской критики (ведь, как замечает писатель, литературно-критические статьи писали и Пушкин, и Маяковский, и Есенин). А молодой поэт Н. Дамдинов весьма удачно продолжил дело, начатое прозаиком Ч. Цыдендамбаевым, несколько раз выступившим до этого в печати с рецензиями (в том числе и на первый сборник Н. Дамдинова). В качестве особо похвальной черты сборника А. Бальбуров называет уважительное отношение автора к устному народному творчеству. Более того – писатель отмечает, что статьи в защиту фольклора написаны Н. Дамдиновым еще в годы студенчества, что позволяет ему сделать достаточно тенденциозный вывод о том, что это не просто индивидуальное кредо поэта, а мнение его как представителя целой группы образованных молодых писателей. Причины такой пристрастности кроются в биографии самого Бальбурова, незадолго до этого пострадавшего от истории с гонениями на эпос «Гэсэар» (см. параграф 3.1), однако в целом факт одобрительного отношения к появлению сборника писательской критики не подлежит сомнению.

Определенную степень признания состоятельности поэта в качестве литературоведа и критика подтверждает тот факт, что Н. Дамдинову принадлежит авторство статьи о Х. Намсараеве в «Краткой литературной энциклопедии». И – более того – о высоком статусе поэта уже на тот момент

⁹⁰ Найдаков, В. Ц. Поэзия и жизнь // Найдаков, В. Ц. Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962. – С. 80-81.

⁹¹ См.: Дмитриева, А. Устремленность в будущее // Вопросы литературы. – 1962. – № 12; Бальбуров, А. А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5.

говорит то, что Н. Дамдинов – один из двух молодых бурятских авторов (второй – С. Ангабаев), творчеству которого посвящена отдельная статья в первом выпуске «Краткой литературной энциклопедии» (1964)⁹². Отметим, что в дальнейшем Н. Дамдинов также продолжит выступать с литературно-критическими статьями, которые выйдут позже в сборнике «Летопись народной жизни» в 1974 г.

Кроме того поэт пробует себя в прозе (повесть «Лицо человека»), а также в совершенно неожиданном амплуа: в 1964 г. им выпущена книга научно-популярных очерков на бурятском языке «Будем знакомы, атом». Оба эти эксперимента не вызвали одобрения в литературной среде. Стоит только отметить, что сюжет повести «Лицо человека» (1962) напоминает случай из жизни А. Бальбурова, который в результате упомянутой выше истории – конфликта с партийным руководством – был вынужден покинуть пределы республики: совпадает род деятельности главного героя в момент изгнания (учитель), а также созвучны фамилии реального и вымышленного партийных деятелей.

Примечательно, что этот короткий период поисков, по собственному признанию поэта, не обошелся и без «заблуждений». Так поэт в середине 1960-х гг. вспоминал, как несколько лет после первых успехов он «почивал на лаврах», особенно после выхода фильма «Пора таежного подснежника» (1959). Позже литературовед С. Чагдуров писал: «После первых удач и взлетов, пройдя, так сказать, испытание славой, Дамдинов находился довольно долго в плену извечного врага творчества – самолюбования и позы, а значит и бездействия»⁹³.

На наш взгляд, одним фактором, значительно повлиявшим на успешность поэта Н. Дамдинова, стало наличие двух личностных качеств: на раннем этапе важную роль сыграла уверенность в себе и собственном

⁹² Дугаров, Н. Б. Дамдинов Николай Гармаевич // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964. – Т. 2. – Стб. 506.

⁹³ Чагдуров, С. Ш. Николай Дамдинов // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 103.

признании (отмеченная выше), а чуть позже – чрезвычайно серьезное отношение к литературной деятельности и требовательность к себе, отчетливо проявившиеся после упомянутого непродолжительного кризиса.

Так, в зрелом возрасте Н. Дамдинов склонен рассматривать все сделанное к 30-ти годам только как взятие первой вершины. В 1964 г. поэт писал о том, что в современное ему время среди молодых поэтов возможен достаточно легкий успех на эстраде, но он сравнивает поэзию с марафоном, где не так важна высокая скорость в начале пути⁹⁴. Младший современник Дамдинова, поэт А. Щитов позже писал об этом так: «...на одной скамье с ним сидели уже начавшие стремительно завоевывать популярность Е. Евтушенко, Р. Рождественский. <...> Был большой соблазн в погоне за успехом слепо последовать за ними, но молодой поэт пошел своим собственным путем»⁹⁵. Также и В. Найдаков отмечал, что в основе роста поэта в 1960-е гг. была заложена высокая требовательность к себе⁹⁶.

Таким образом, кризис был недолгим, и с середины 1960-х гг. литературная репутация поэта характеризуется чрезвычайной устойчивостью: Н. Дамдинов, прочно заняв место среди поэтов первого ряда на старте, достаточно быстро приближается к получению статуса национального и советского классика.

Главной характеристикой творчества Н. Дамдинова в рассматриваемый период провозглашается новаторство поэта, при этом подчеркивается, что оно является не индивидуальной прихотью начинающего поэта, а закономерным продолжением процессов развития всей бурятской поэзии и освоения ею опыта русской литературы. В числе достижений поэта называется новаторство в области языка (например, использование инверсий, переносов), создание новых жанров или освоение жанров, новых для бурятской литературы (например, разработка жанра маленькой поэмы

⁹⁴ Дамдинов, Н. Г. Поэтический марафон // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 327-330.

⁹⁵ Щитов, А. Целеустремленность // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

⁹⁶ Найдаков, В. Ц. Народный поэт : к 50-летию Николая Дамдинова // Байкал. – 1982. – № 1. – С. 108-112.

и написание литературного киносценария или венка сонетов). Каждая новая книга Н. Дамдинова (сборники стихотворений, поэмы, пьесы, сборники литературно-критических статей) получает одобрение и поддержку общественности, и поэт почти никогда не «промахивается» (в качестве исключений можно назвать повесть «Лицо человека» и книгу научно-популярных очерков «Будем знакомы, атом»), создавая произведения, каждое из которых признается достижением всей бурятской литературы.

В целом же залогом литературного успеха поэта становится создание такого лирического героя, который всецело соответствует образу идеального советского человека. Восприятие действительности лирическим героем Н. Дамдинова понимается как образцовое для советского читателя, поэтому так часто применительно к его произведениям и в целом к творчеству звучит формула «о времени и о себе». Кроме того, поэт в своем творчестве находит разрешение многих сложных вопросов советской действительности, например, отношение к репрессиям 1930-х гг. (поэма «Имя отца») или к разрушению старого, привычного уклада жизни, ставшего родным (поэма «Новая земля»), что также отвечает общественным чаяниям.

Изменение статуса поэта происходит постепенно, но поступательно. Так, в 1955 г. поэт относится еще даже не к молодому поколению (Д. Жалсараев, Ч-Р. Намжилов, Г. Чимитов), а к «еще более юным, в полном смысле слова – начинающим»⁹⁷. К концу 1960-х гг. поэт уже однозначно причисляется к «наиболее активному и мощному отряду бурятской поэзии», в составе которого находятся Д. Жалсараев, Ч-Р. Намжилов, Г. Чимитов, Ц-Б. Бадмаев, Ц-Ж. Жимбиев, С. Ангабаев и А. Бадаев⁹⁸. А уже в зрелом возрасте, особенно после получения Государственной премии им. Горького (1975), в перечислительном ряду опережает всех ровесников и даже некоторых старших поэтов: имя Н. Дамдинова следует после имен

⁹⁷ Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 138.

⁹⁸ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 164.

Ц. Галсанова, Ж. Тумунова, приближаясь в перечислительных списках к зачинателям бурятской литературы – Б. Абидуеву и Х. Намсараеву⁹⁹. Н. Дамдинов называется в числе пяти поэтов, чье творчество можно рассматривать как типологическое явление в советской литературе: Х. Намсараев, Ц. Галсанов, Н. Дамдинов, Д. Жалсараев, Д. Улзытуев¹⁰⁰.

Об авторитете, широком признании Н. Дамдинова свидетельствуют красноречивые факты биографии: он долгие годы возглавлял писательскую организацию Бурятии (1965–1967, 1975–1992), трижды избирался секретарем Союза писателей РФ, в конце 1980-х являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, многократно представлял бурятскую литературу на писательских съездах, различных форумах, фестивалях, конкурсах.

Первая книга избранного на бурятском языке выходит уже в 1966 г. («Высокая область»). В 1976 г. опубликовано «Избранное» на русском языке, а в 1981 г. выходят «Избранные произведения в двух томах», публикация которых состоялась уже по совместному решению Госкомиздата и Союза писателей СССР. В 1980 г. в Москве проходят два авторских вечера поэта – в Политехническом музее и в музее им. Маяковского. Говорящим само за себя доказательством масштабов известности и признания поэта в эти годы является также публикация в периодической печати переписки поэта с читателями, из которой становится видно, насколько велика читательская география¹⁰¹.

Постепенно упоминания в прессе Н. Дамдинова все больше приближают его к статусу не только национального, но и всесоюзного классика: «Выдвижение на соискание Государственной премии РСФСР имени М. Горького за 1974 г. книги стихов “Четыре неба” народного поэта Бурятии Николая Дамдинова означает широкое признание его творчества

⁹⁹ Дугар-Нимаев, Ц.-А. О языке современной бурятской поэзии // Дугар-Нимаев, Ц.-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979. – С. 75.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Раднаев, В. Э. Поэзия и жизнь // Правда Бурятии. – 1977. – 28 авг. – С. 3.

читателями необъятной России. Поэту удалось в яркой поэтической форме выразить чувства и мысли, близкие и понятные всем народам, ее населяющим: удалось создать такие художественные ценности, которые, вливаясь в многоцветный, яркокрасочный сад многонациональной советской поэзии, обогащают ее дамдиновским, бурятским переливом»¹⁰².

Если проследить отзывы в периодической печати, статус Н. Дамдинова как всесоюзного классика упрочивается в течение десятилетия – с середины 1975-х до середины 1980-х гг.:

«Николай Дамдинов известен как один из наиболее талантливых поэтов, образно и вдохновенно воспевающих родную Бурятию, ее чудесную природу, своих земляков»¹⁰³. (*А. Серебряков, 1976*)

«Выход каждого сборника стихов Николая Дамдинова всегда становился заметным явлением в литературе – сначала в бурятской, а потом – в российской»¹⁰⁴. (*А. Щитов, 1977*)

«Этот знаменательный факт [получение премии] означает, что стихи бурятского поэта получили широкое признание миллионов читателей необъятной России... <...> Богата поэтическими талантами страна советская: аварец Р. Гамзатов и якут С. Данилов, русский Л. Мартынов и калмык Д. Кугультинов, литовец Э. Межелайтис и балкарец К. Кулиев – сколько их, признанных, всемирно известных! Не говоря уж о классиках – М. Исаковском, А. Твардовском, М. Рыльском, С. Вургуне... Теперь к этим высочайшим вершинам приблизился бурят Николай Дамдинов»¹⁰⁵. (*В. Найдаков, 1979*)

«Теперь трудно представить многоголосье поэзии российской без ясного, чистого голоса бурятского поэта Николая Дамдинова. Авторитету и признанию бурятской литературы на всесоюзной арене в немалой степени содействовали литературное творчество и литературно-общественная деятельность Н. Дамдинова»¹⁰⁶. (*Ч. Гомбоин, 1979*)

¹⁰² Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.

¹⁰³ Серебряков, А. Пьеса об истоках дружбы // Художественная летопись Бурятии – Улан-Удэ, 1976. – С. 63.

¹⁰⁴ Щитов, А. Целеустремленность // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

¹⁰⁵ Найдаков, В. Ц. О времени и о себе // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 195.

¹⁰⁶ Гомбоин, Ч. «... и одновременно народный слуга» // Правда Бурятии. – 1979. – 17 февр. – С. 2.

«В лице Николая Дамдинова многонациональная советская литература имеет одного из видных своих представителей»¹⁰⁷. (*В. Найдаков, 1981*)

«...один из лучших представителей многонациональной советской литературы...»¹⁰⁸. (*В. Дементьев, 1983*)

«Поэзия Дамдинова широко популярна. Знают и любят творчество Дамдинова любители литературы по всей нашей стране...»¹⁰⁹. (*И. Казанцев, 1986*)

Таким образом, мы видим, что в эти годы слава и признание поэта неуклонно растут. Однако отметим, что в этот временной промежуток количество новых произведений, созданных поэтом, очень невелико. Поэт чаще обращается к публицистике, а помимо изданий избранного в эти годы опубликованы сборник «На этой планете» (1979) и «Тропа Гэсэра» (1985). Тем не менее, именно в эти годы за поэтом окончательно утверждается статус классика, вначале национального, а затем и всесоюзного уровня. При этом необходимо отметить, что именование Дамдинова советским классиком закрепляется ненадолго – примерно до середины 1980-х гг. После постепенно становится неактуальным собственно статус, и менее популярным (менее актуальным, современным) – творчество поэта. Произведения уже не вызывают резонанса в литературоведческой (и, по-видимому, читательской) среде: о читательской любви говорится применительно, в основном, к предыдущему творчеству.

С середины 1980-х гг. Н. Дамдинов все больше переключается на общественную деятельность: вехой на этом пути становится избрание его в качестве депутата Верховного Совета СССР (1985–1990). В последний период в творчестве поэта выделяются два новых (и основных) направления: это документальная проза – автобиографическая повесть «Родник в моем краю» (1990) и документальная повесть «Баргуджин-Тукум» (1996), а также

¹⁰⁷ Найдаков, В. Ц. Путь к высотам // Дамдинов, Н. Г. Избранное : в 2 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 5.

¹⁰⁸ Дементьев, В. Панорама поэзии Бурятии // Сибирские огни. – 1983. – № 5. – С. 151.

¹⁰⁹ Казанцев, И. Навсегда влюбленный : писатель и время // Правда Бурятии. – 1986. – 22 нояб. – С. 3.

литература для детей – краткое изложение эпоса «Гэсэр», русско-бурятский разговорник, стихотворные сборники.

Считаем, что вектор, охарактеризованный сменой категории «пространства» категорией «времени» (об этом изменении применительно к поэмам «Песнь степей» и «Песнь степей, вторая» говорится в работе Е. Е. Балданмаксаровой¹¹⁰), применим и ко всему творчеству поэта. Начав преимущественно с «темы современности», столь актуальной в литературе 1950-х гг. (категория пространства), поэт приходит к документальной исторической прозе и литературе для детей (категория времени, вечности).

После ослабления литературоведческого интереса к творчеству Н. Дамдинова, наблюдающегося со второй половины 1980-х гг., начиная с 2000-х гг. происходит постепенное возобновление внимания к произведениям поэта. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. выходят работы о бурятской поэзии М. М. Хамгушкеевой, Л. С. Дампиловой и М. Ц. Цыреновой, Е. Е. Балданмаксаровой¹¹¹, в которых творчество поэта рассматривается как неотъемлемая часть литературного процесса Бурятии, оказавшая значительное влияние на развитие бурятской поэзии, то же можно сказать и о диссертационном исследовании Т. В. Самбяловой¹¹². Кроме того, в настоящее время готовится к печати учебник по литературе народов России Горно-Алтайского государственного университета, в котором бурятскую литературу представляет творчество Н. Дамдинова (статья принадлежит С. С. Имixelовой)¹¹³.

Таким образом, своего рода «миссия» Н. Дамдинова заключалась в выведении бурятской литературы на всесоюзный уровень, и поэт успешно

¹¹⁰ Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века. – Улан-Удэ, 2005. – С. 181-182.

¹¹¹ См.: Хамгушкеева, М. М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998; Цыренова, М. Ц. Основные тенденции в развитии современной бурятской поэзии / М. Ц. Цыренова, Л. С. Дампилова. – Улан-Удэ, 2000; Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века. – Улан-Удэ, 2005.

¹¹² См.: Самбялова, Т. В. Традиционная и авторская символика в бурятской эпической поэме второй половины XX в. : дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2011.

¹¹³ Литература народов РФ : учебник. – Горно-Алтайск, 2015 (в печати).

справляется с ней, шаг за шагом создавая образ идеального советского писателя.

Высшим подтверждением состоятельности Н. Дамдинова как советского писателя становится присуждение поэту Государственной премии им. М. Горького (1975): это дает основание бурятскому литературоведению считать в своих рядах практически советского классика. Однако процесс утверждения поэта в этом статусе по времени полностью совпадает, как это ни парадоксально, с угасанием интереса к нему литературной общественности. Эту особенность литературной репутации поэта мы связываем с начавшимися в общественном сознании идеологическими сдвигами, которые и приводят к «замораживанию» литературной репутации писателя по причине постепенной утраты актуальности идейного содержания его творчества – в 1970-е гг. в литературу приходят уже новые имена.

Поэт Н. Дамдинов становится классиком по двум основным причинам: во-первых, в силу особенностей творчества, оказавшегося наиболее созвучным эпохе, во-вторых, Н. Дамдинов завоевывает свое высокое место в литературной иерархии не в последнюю очередь как представитель национальной советской литературы. Причем причина возведения на пьедестал амбивалентна: для всесоюзного читателя Дамдинов – классик, потому что он яркий представитель национальной литературы, для бурятского читателя Дамдинов – классик, потому что он писатель всесоюзного уровня.

2.2 Рецепция творчества Н. Г. Дамдинова в критике и литературоведении 1950 – 1970-х гг.

Поэт начинает свой творческий путь «громко»: первые же сборники Н. Дамдинова обратили на себя внимание литературной критики.

После выхода сборника на бурятском языке «Баргажан» (1955) в периодической печати появляется сразу несколько рецензий, что достаточно необычно для молодой литературы, и тем более – для молодого автора. О ярком и уверенном старте свидетельствует, в частности, тот факт, что Н. Дамдинов – единственный из молодых поэтов, о творчестве которого в 1955 г. – а это первый год выпуска журнала «Свет над Байкалом» – выходит объемная литературно-критическая статья литературоведа Н. Очирова. Ни в этот, ни в последующие ближайшие годы больше никто из юных авторов не удостоивается такой чести. Следующий сборник поэта «Гудящие сосны» выходит уже на двух языках (в 1958 – на бурятском, в 1959 – на русском) и вызывает еще большее количество откликов, в том числе в центральных изданиях¹¹⁴.

Обе книги расцениваются как событие в литературной жизни республики, и все рецензенты сходятся в том, что творчество начинающего поэта представляет определенный интерес и привлекательно прежде всего оригинальностью и новизной. По наблюдениям Д. Дашанимаева, за какие бы темы ни брался поэт, «он старается говорить обо всем своим голосом, свежо и оригинально», рецензент отмечает, что для поэта характерна «индивидуальность творческой манеры», и заключает: «виден дебют «даровитого» поэта, который – выражает надежду Д. Дашанимаев – будет «расти от книги к книге»¹¹⁵.

Писатель Ч. Цыдендамбаев также считает, что темы, выбранные Дамдиновым для первой книги стихов, в большинстве случаев решены им весьма своеобразно: «поэт вступил на путь поисков оригинальных образов, новых тем, сочных слов», и более всего заметно горячее желание юного автора «воспеть победоносную поступь современников». Отдельно Ч. Цыдендамбаев обращает внимание читателя на стихотворение «Загорелась

¹¹⁴ См.: Соколов, В. Ветер с Байкала // Культура и жизнь. – 1959. – № 2; Смеляков, Я. «Под синим небом, на зеленой земле...» // Литературная газета. – 1959. – 4 июля; Соколов, В. Люблю стоящих крепко на земле // Дружба народов. – 1959. – № 2.

¹¹⁵ Дашанимаев, Д. Книги молодых поэтов // Бурят-Монгольская правда. – 1955. – 24 авг. – С. 3.

новая звезда», посвященное Московскому университету. По мнению писателя, это маленькое стихотворение выгодно выделяется на фоне стихов других авторов на ту же тему: Н. Дамдинов пишет не как все (а все пишут об университете-красавце и учащихся в нем студентах разных народов), а посвящает все стихотворение звезде на шпиге и этим выражает свое восхищение перед университетом и наукой¹¹⁶.

По мнению Н. Очирова, хоть темы Н. Дамдинова в большинстве случаев не новы, но поэт обо всем «стремится сказать по-своему», особенно выгодно смотрясь тем самым на общем фоне молодых поэтов, у которых наблюдается увлечение «красивостями» и щедрыми эпитетами. Голос поэта звучит «отчетливее и самостоятельнее многих», а сам поэт «смотрит на мир открытыми глазами: видит перемены в улусе, природу края, новостройки в городах, а самое главное – нового человека, рожденного социалистической действительностью». Так, свободно от риторики и наполнено легким юмором стихотворение «Загорелась новая звезда», обращает на себя внимание стихотворение о XIX съезде, написанное явно в традициях Маяковского. В поэзии Дамдинова есть своеобразные пейзажи, зарисовки, маленькие этюды, в числе которых выделяется стихотворение «Сосна». Безусловно, Дамдинов не первый, кто написал об одинокой сосне, но именно у него она воплощает в себе печальное прошлое народа («темные» времена, суеверия), и образ становится философским¹¹⁷.

О том, что с первым сборником поэта в бурятскую поэзию вошла «свежая струя», говорит и Ч. Гомбоин. А одно из главных достоинств книги «Гудящие сосны» он видит в том, что лирический герой произведений Н. Дамдинова живет «не только на берегу “голубой Селенги” или “на просторах Кижинги”, а еще и на шестой части планеты, которая зовется

¹¹⁶ Цыдендамбаев, Ч. Голос молодого поэта // Бурят-Монгольский комсомолец. – 1955. – 2 нояб. – С. 3.

¹¹⁷ Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 139.

Советским Союзом», причем живет «в самое бурное, в самое прекрасное время»¹¹⁸.

На выход сборника «Гудящие сосны» также откликнулся в печати младший современник Н. Дамдинова – начинающий поэт и прозаик А. Жамбалдоржиев. В своей заметке он говорит о том, что если в ранних стихотворениях поэта наряду с несомненным проявлением дарования наблюдалась «некоторая неуклюжесть формы», то стихотворения второго сборника обладают «хорошей формой», а всей книге в целом уже присуща «эпическая широта». Из всех произведений сборника автор рецензии выделяет одноименную поэму – «исполненное поэзии повествование о соснах», «большой, волнующий разговор об общественном долге людей». А. Жамбалдоржиев называет это произведение одним из лучших в бурятской поэзии за последние годы и отмечает, что сделано оно «с тонким лирическим чутьем».

Но не только поэма «Гудящие сосны» производит такое впечатление: остальные стихотворения сборника тоже написаны «как бы одним дыханием». Лирико-эпическая «Песнь степей» обладает «песенной широтой», «высоким полетом мысли», содержит «глубоко страстные, полные земных радостей и горестей призывы». Удачей считает А. Жамбалдоржиев «Октябрьскую поэму»: она волнует, зажигает революционной романтикой и гражданским пафосом, образы в ней созданы «яркими и точными штрихами». Литератор отмечает, что поэт солидарен в чувствах со своими персонажами, и здесь впервые возникает мысль о том, что своим «Я» Н. Дамдинов выступает от имени всего поколения. Кроме того, А. Жамбалдоржиев выделяет стихотворение «Моя сестра», наполненное чувствами гуманизма, благодарности к простым труженикам. Несмотря на

¹¹⁸ Гомбоин, Ч. Зреющие силы // Свет над Байкалом. – 1958. – № 6. – С. 154.

отдельные недостатки, рецензент объявляет сборник «Гудящие сосны» несомненным успехом бурятской поэзии последних лет¹¹⁹.

К этому же времени относится заметка о поэзии Н. Дамдинова в обзоре поэтического раздела журнала «Свет над Байкалом». Автор заметки выделяет «свежо и ярко» написанное стихотворение «Юность», посвященное целинникам, которое также свидетельствует о значимости темы труда для молодого поэта¹²⁰.

Большое значение для становления репутации Н. Дамдинова имеет отзыв знаменитого «мэтра» советской поэзии и редактора журнала «Дружба народов» Я. Смелякова, который увидел в дебютной поэме начинающего автора «сильное соединение откровенной лирики и эпических начал». Также поэт высказался доброжелательно и в целом о сборнике «Гудящие сосны»: «Книга написана широко и смело. Она наполнена неистощимым оптимизмом, жадным восприятием красоты мира, богатством красок и запахов. От его книги остается ощущение, что поэт писал не в тесной комнатухе, под низким потолком, а под синим небом, на зеленой земле»¹²¹.

Однако, несмотря на общий восторженный тон, у рецензентов все же имеются и существенные замечания к молодому поэту. В первую очередь нарекания касаются отмеченного многими критиками новаторства Н. Дамдинова, которое имеет в их глазах и отрицательную сторону.

Прежде всего, рецензенты солидарны в том, что наибольшее влияние на поэта оказывает творчество В. Маяковского. Однако это не всегда сказывается благоприятно на поэзии начинающего автора: по мнению Д. Дашанимаева, подражание Маяковскому вызывает появление в стихах неуклюжих и непривычных для бурятского языка рифм, а Н. Очиров указывает, что, учась у Маяковского, поэт на первых порах перенимает больше внешнее (ломаную строку, разорванную строфику). При этом

¹¹⁹ Жамбалдоржиев, А. Поэзия искреннего сердца // Правда Бурятии. – 1959. – 26 февр. – С. 3.

¹²⁰ Кузнецов, В. Заметки о поэзии в журнале «Свет над Байкалом» // Правда Бурятии. – 1959. – 26 мая. – С. 3.

¹²¹ Смеляков, Я. «Под синим небом, на зеленой земле...» // Литературная газета. – 1959. – 4 июля.

Ч. Цыдендамбаев замечает, что и в тех случаях, когда поэт старается идти «своим путем», стремление к излишней оригинальности тоже иногда приводит к появлению недостатков.

Основной интерес (как и наибольшее количество замечаний) вызывает у первых рецензентов язык произведений Н. Дамдинова. С одной стороны, отмечается наличие «крепких чеканных строк»¹²² и смелого, даже «дерзкого обращения с материалом, языком» (что с отсылкой к К. Паустовскому признается хорошей чертой)¹²³.

С другой стороны, в стихотворениях поэта встречаются «диалектизмы и стилистически недоработанные строки»¹²⁴, показывающие недостаточное владение бурятским литературным языком. Кроме того, стремясь к оригинальности, Н. Дамдинов иногда нарушает грамматические законы родного языка, что зачастую затрудняет понимание стихотворного текста. В целом, критики находят у поэта склонность «ломать естественный строй речи»¹²⁵, и они единодушны в том, что работа над овладением красотой бурятского языка Н. Дамдинову еще только предстоит.

В творчестве начинающего поэта имеются и другие недостатки. Так, Н. Очиров отмечает у Н. Дамдинова склонность «не доверять читателю»: присоединяя «довески» и объясняя само собой разумеющиеся вещи, автор зачастую делает стихотворение «рыхлым» и «риторическим». Также критик находит в сборнике и «поверхностные» произведения, которые можно назвать стихами лишь постольку, поскольку они рифмованы (это является результатом чрезмерной увлеченности описанием общественных событий).

В числе прочих недостатков Н. Очиров называет «холодность», проступающую порой под оригинальностью: в стихотворении «В гостях у Маяковского» есть удачные строки, есть строки, «режущие ухо», а есть как подстрочники с русского языка. Досаду у критика вызывают «субъективно-

¹²² Дашанимаев, Д. Книги молодых поэтов // Бурят-Монгольская правда. – 1955. – 24 авг. – С. 3.

¹²³ Гомбоин, Ч. Зреющие силы // Свет над Байкалом. – 1958. – № 6. – С. 154.

¹²⁴ Дашанимаев, Д. Книги молодых поэтов // Бурят-Монгольская правда. – 1955. – 24 авг. – С. 3.

¹²⁵ Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 141.

«созерцательные» стихи, а лирике поэта, по мнению автора статьи, недостает «глубины мысли»¹²⁶.

В другой рецензии с сожалением отмечается, что поэт «не всегда требователен к себе»: есть произведения, в которых наблюдается «декларативность» и «ложный пафос». Таково, например, стихотворение «Фестивальное», а также «Октябрьская поэма»: в них нет «накала чувств», они «холодны и рассудочны», в них «много восклицательных знаков», но недостает настоящих эмоций¹²⁷.

Примечательно, что на начальном этапе оценки рецензентами отдельных произведений Н. Дамдинова могут расходиться (тогда как впоследствии мнения литературоведов в отношении произведений поэта будут скорее совпадать). Так, вначале диаметрально противоположно были оценены поэмы «Сила любви» и «Лирическая поэма»: Ч. Цыдендамбаев говорит о том, что в первой из них автору удался ряд образов, но в целом поэма оставляет впечатление попытки «блеснуть владением языка», зато вторая поэма является несомненной удачей, поскольку написана «хорошим языком» и не по мотивам «старой легенды», а о современной студенческой жизни. Н. Очиров удавшейся называет, наоборот, поэму «Сила любви», «легкие, льющиеся» стихи которой считает результатом использования приемов народной речи, вдумчивой работы над словом. А в «Лирической поэме» критик видит опыт поэтической манеры, отличной от бурятской, по своей форме являющейся подражанием Маяковскому.

Такое расхождение во мнениях выделяет наиболее яркую сторону творчества поэта, которая одновременно как привлекает внимание, так и вызывает нарекания. Эта сторона – эксперименты с поэтическим языком в области бурятского стихосложения: они не всегда признаются удачными, но в целом сами поиски находят одобрение литературной общественности, поскольку выводят поэзию на новый уровень развития.

¹²⁶ Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 139-140.

¹²⁷ Кузнецов, В. Заметки о поэзии в журнале «Свет над Байкалом» // Правда Бурятии. – 1959. – 26 мая. – С. 3.

Для литературной репутации Н. Дамдинова характерно, что ретроспективно (с высоты тех лет, когда поэт получает широкое признание) первые сборники поэта оцениваются еще более доброжелательно. Так, в середине 1960-х гг. литературовед В. Найдаков говорит: «Уже первый сборник Дамдинова ... обратил на себя всеобщее внимание, давал основание думать, что в бурятскую поэзию пришел яркий, самобытный поэт. Второй сборник ... подтвердил и упрочил это впечатление. Сейчас... можно с известным основанием говорить, что это поэт из тех, кто ищет и прокладывает новые пути в бурятской поэзии¹²⁸». Младший современник, поэт В. Петонов вспоминает, что с первым сборником поэт «принес с собой в бурятскую поэзию новые образы, свежие мысли, и читатель сразу заметил это», а книгой «Гудящие сосны» Дамдинов «утвердился как поэт широкого социального звучания, который живо и страстно разговаривает с эпохой, с современником»¹²⁹.

В «Истории бурятской советской литературы» (1967) Ц.-А. Дугар-Нимаевым отмечено, что Н. Дамдинов еще в начале 1950-х проявился как «колоритный поэтический талант», и его творчеству были присущи эпическая широта, «здоровое и сильное чувство», а также быстро возникающие контрастные и ассоциативные образы¹³⁰.

В 1970-е гг. литературовед С. Чагдуров резюмирует: первые книги показали, что поэт «не ищет легких путей» и временами «это приводило и к неудачам», но все-таки уже первый сборник «явственно отразил стремление поэта уйти от плакатности, схематизма к раскрытию внутреннего мира человека»¹³¹.

Примечательно, что один из существенных моментов, повлиявших на становление литературной репутации Н. Дамдинова, – создание им

¹²⁸ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 115.

¹²⁹ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 2.

¹³⁰ История бурятской советской литературы / гл. ред. А. И. Уланов. – Улан-Удэ, 1967. – С. 219-220.

¹³¹ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

литературного киносценария «Пора таежного подснежника» (1958) – так и не нашел достаточно полного освещения в критике, ни на начальном этапе, ни после. Эта ситуация интересна, в первую очередь, тем, что факт написания киносценария, по которому к тому же был снят фильм, – существенный момент в литературной биографии поэта, который повторяется из издания в издание, вплоть до настоящего момента.

Между тем, все, что мы можем узнать из печати о киносценарии, это краткий анализ в «Истории бурятской советской литературы», в котором сообщается, что фильм «Пора таежного подснежника» назван в числе лучших фильмов страны за последние годы, и поэт в нем сумел «через будничные факты» передать «большое гуманистическое содержание»¹³². При этом в пору наивысшего подъема репутации Н. Дамдинова встречаются упоминания не только о том, что фильм «с успехом шел на экранах страны и за рубежом»¹³³, и «с успехом обошел экраны страны»¹³⁴, но и даже «до сих пор не сходит с экранов»¹³⁵.

В 1960 г. в журнале «Дружба народов» в переводе М. Луконина и Е. Евтушенко публикуется поэма Н. Дамдинова «Имя отца», которая затем выходит отдельным изданием на бурятском (Улан-Удэ, 1960) и на русском языке (М., 1962). А в 1963 г. увидел свет очередной стихотворный сборник поэта – «Битва за солнце», в состав которого вошли, например, такие обратившие на себя внимание произведения, как стихотворение «Табунщик Дугар» и поэма «Ночь тридцатой весны». С этого времени творчество поэта уже становится постоянным объектом литературоведческих исследований.

Анализируя поэму «Имя отца», литературовед В. Найдаков выявляет одну важную особенность внутреннего характера творчества поэта: Н. Дамдинов из тех «счастливых» поэтов, чья судьба «настолько тесно сплелась с судьбой народа», что каждый факт своей биографии он «вправе

¹³² История бурятской советской литературы / гл. ред. А. И. Уланов. – Улан-Удэ, 1967. – С. 371.

¹³³ Чагдунов, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

¹³⁴ Щитов, А. Целеустремленность // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

¹³⁵ Гомбоин, Ч. «... и одновременно народный слуга» // Правда Бурятии. – 1979. – 17 февр. – С. 2.

рассматривать в ряду исторических событий»¹³⁶. Лирический герой поэта является выразителем дум и чаяний всего своего поколения, и он не может представить себя вне коллектива и вне советской истории.

Литературовед останавливает внимание читателя на том факте, что в общем историческом прошлом всего советского общества поколение отцов – «первых красных командиров», вышедших «из неизведанных народных глубин», – принесло большую жертву, которая не может быть забыта в последующих поколениях. (Ср.: важнейший *мотив верности* и *образ родителей* – «комиссаров в пыльных шлемах», выделенные М. О. Чудаковой в творчестве далеко не столь «советского» поэта Б. Окуджавы в качестве ключевых для понимания лирики поэта 1950-х гг.¹³⁷). Новое поколение принимает эстафету у отцов, и среди них – молодой поэт: «Обо всем этом: о грозовой молодости отцов, о ясноглазом и беззаботном детстве, о гордой юности, растущей и мужающей в борьбе, об ответственности живущих перед памятью павших героев, о единстве поколений – взволнованно и свежо пишет в своей новой поэме «Имя отца» Н. Дамдинов»¹³⁸.

Кроме того, литературовед отмечает новаторские черты первого крупного произведения молодого поэта. Новой для бурятской поэзии является «атмосфера поэтической конкретности» в поэме – освобождение от присущей национальной поэзии описательности. Прежде всего выделяется новый, совершенно не свойственный бурятской поэзии лирический герой: «... трудно найти такого напряженного, буквально захлестывающего страстью, выражением мыслей и чувств лирического героя», этот герой – «крупный человек», он не говорит «вполголоса», «щедро черпает из жизни и щедро дает»¹³⁹. В целом же поэма представляет собой «во многом удачную попытку поэта выйти на более широкие просторы», – заключает автор статьи.

¹³⁶ Найдаков, В. Ц. Связь времен // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.

¹³⁷ Чудакова, М. О. Возвращение лирики: Булат Окуджава // Чудакова, М. О. Новые работы 2003–2006. – М. 2007. – С. 87-91.

¹³⁸ Найдаков, В. Ц. Связь времен // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.

¹³⁹ Там же.

О стихотворениях сборника «Битва за солнце» в заметке Ю. Будаева сказано, что в них «на родном бурятском материале поэт показал внутренний мир нового советского человека»¹⁴⁰. В рецензии на сборник В. Найдаков уточняет и развивает эту мысль: «смелый, огромный образ современника» создан в стихотворении «Табунщик Дугар». И это стихотворение литературовед даже называет «одним из лучших в советской поэзии о прорыве человека в космос»¹⁴¹. В сборнике В. Найдаков выделяет две основные темы: это «тема единства поколений, преемственности дела отцов и детей» и тема дружбы народов. А основной пафос книги и главное содержание творчества поэта определяется им как «настойчивое, страстное утверждение величия человека»¹⁴².

Что касается новаторства Н. Дамдинова в области формы и языка произведений, можно отметить, как существенно меняется мнение критиков и литературоведов по этому поводу в начале 1960-х гг.: на этом этапе за поэтом еще пока не утверждается слава мастера слова, но общая оценка экспериментов поэта становится положительной. На наш взгляд, этот процесс происходит в результате одновременного роста художественного мастерства самого поэта и увеличения его популярности. Кроме того, уже в эти годы за поэтом прочно закрепляется статус новатора. Недаром, обсуждая название и содержание вновь вышедшей книги поэта – сборника литературно-критических статей «Границы поэзии» (1962), А. Бальбуров замечает, что от Дамдинова вполне можно ожидать любых экспериментов¹⁴³.

Так, В. Найдаков отмечает, что выражение «сложных переживаний» потребовало от поэта новых средств изображения, поэтому Н. Дамдинов идет в поэзии «сложными путями»: использует инверсию, столь непривычную для бурятского языка, сложный синтаксис, затрудняющий понимание и вызывающий нарекания со стороны читателей. Литературовед отводит

¹⁴⁰ Будаев, Ю. В битве за солнце // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.

¹⁴¹ Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Бальбуров, А. А. Бальбуров, А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5. – С. 154-156.

замечания критиков от поэта, так как, по его мнению, при всем несовершенстве стиля Н. Дамдинова, на этом этапе иначе быть не может: форма его стихов обуславливается именно новаторским, остросовременным их содержанием. В. Найдаков рекомендует автору, безусловно, прислушаться к советам критики, но и призывает их не воспринимать в штыки экспериментаторские начинания Н. Дамдинова, поскольку понятие «национальный» не следует смешивать с понятием «древний»¹⁴⁴.

Немного позже литературовед еще более определенно встает в этом споре на сторону поэта: «когда раздаются голоса о том, что напрасно Н. Дамдинов вносит в бурятскую поэзию элементы русского стиха, что при этом утрачивается национальное, бурятское, то против этого хочется возразить». В защиту поэта В. Найдаков говорит о том, что Дамдинов лишь продолжает начатое до него и развивает традиции бурятской поэзии, в результате чего происходит «обогащение возможностей поэтического языка бурят, в жизни и культуре которых все более утверждаются черты, сближающие их с другими народами»¹⁴⁵.

Успех поэта в этой области отмечает Ю. Будаев, который говорит, что в сборнике «Битва за солнце» Н. Дамдинов нашел «весьма интересную» форму: «ритм многих его стихов медлительный, но четкий, стройный, чеканный»¹⁴⁶. А критик и литературовед А. Белоусов даже усматривает «явно полемический характер» стихотворения «Табунщик Дугар», которое понимает как иллюстрацию невозможности фольклорной поэтики отразить всей сложности современной жизни¹⁴⁷.

Кроме того, в этот период творчества Н. Дамдинова суждения литературной общественности также отражают начало процесса формирования индивидуального стиля в творчестве поэта: «Печать личности

¹⁴⁴ Найдаков, В. Ц. Связь времен // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.

¹⁴⁵ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 117.

¹⁴⁶ Будаев, Ю. В битве за солнце // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.

¹⁴⁷ Белоусов, А. Заметки о национальной форме в литературе // Белоусов, А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 39-41.

поэта резко обозначена на всех его созданиях и придает им особую, дамдиновскую, смысловую и эмоциональную окраску»¹⁴⁸.

Впоследствии поэма «Имя отца» традиционно расценивается как значимый этап в становлении Н. Дамдинова в качестве эпического поэта. Поэт В. Петонов определяет ее как «широкое эпическое полотно о трудных тридцатых годах», «многоплановое произведение, обладающее рядом несомненных качеств – динамичностью повествования, конкретностью деталей, психологическим реализмом, остротой поставленных проблем»¹⁴⁹. Т. Очирова говорит о значимости жанра лирико-философской поэмы для творчества поэта в целом и отмечает, что именно из единства лирического монолога и эпического повествования складывался стиль поэмы «Имя отца»¹⁵⁰. А в 1970-е гг. С. Чагдуров подводит итог: «В поэме “Имя отца” был преодолен то и дело возникавший ранее разрыв между намеченной целью и средствами ее воплощения. Богатству идей здесь соответствует богатство языка, жизненности темы – естественность интонации. Этой поэмой завершился первый этап творчества Дамдинова – этап возмужания»¹⁵¹.

Остается добавить, что пришедшиеся на этот же период попытки Н. Дамдинова расширить область литературного творчества не всегда находят поддержку в литературной среде. Так, если книга «Границы поэзии» была встречена доброжелательно (см. параграф 2.1), то повесть «Лицо человека» вызвала появление весьма строгой рецензии В. Сергеева, в которой говорилось о крайне наивной резкости суждений автора повести, а само произведение называлось «сырым, скороспелым, лишенным верных мыслей и наблюдений»¹⁵². Книга научно-популярных очерков осталась

¹⁴⁸ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 112-113.

¹⁴⁹ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

¹⁵⁰ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 72.

¹⁵¹ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

¹⁵² Сергеев, В. А лица-то и нет... // Правда Бурятии. – 1963. – 12 апр. – С. 4.

незамеченной литературной критикой. Позднее В. Найдаков назовет публикацию этих двух произведений «досадными срывами»¹⁵³.

Во второй половине 1960-х гг. Н. Дамдиновым написаны и опубликованы поэмы, сделавшие его знаменитым. Это маленькие поэмы «Новая земля» и «Гроза», поэмы на фольклорной основе «Легенда об Ангаре» и «Возвращение батыра» (1965), а также исторические поэмы «Песня о Доржи Банзарове» (1969) и «Учитель мой – Ленин» (1968). За последнюю поэт был удостоен республиканской премии в области литературы и искусства в 1970 г. (премия учреждена впервые, Н. Дамдинов в числе первых ее лауреатов).

В эти годы творчество поэта становится по-настоящему масштабным. По свидетельству В. Петонова, поэзия Дамдинова «движется в сторону обогащения эмоционального и интеллектуального кругозора»¹⁵⁴. В творчестве поэта глубоко органично начинает ощущаться национальное: «...история его народа, весь его быт, чувствования, мысли – это его родная почва, на которой он вскормлен и воспитан. Поэтому убедительны и в высокой степени поэтичны его картины жизни. Нередко за одним только штрихом угадывается такое богатство ассоциаций, которое и делает поэзию Дамдинова емкой, напряженной, сильной по мысли»¹⁵⁵.

На данном этапе В. Найдаков устанавливает, что Н. Дамдинов становится создателем нового жанра в бурятской поэзии – маленькой поэмы. Вслед за поэтом в этом жанре творят и другие его современники, но лучшие образцы созданы именно Дамдиновым. К числу таких поэм относится, например, «Новая земля», которая «захватывает читателя ... и глубиной мысли, и богатством языка, и красотой стихотворной формы»¹⁵⁶.

¹⁵³ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 180.

¹⁵⁴ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

¹⁵⁵ Секерина, В. Пора зрелости // Вперед. – 1971. – 29 июня. – С. 4.

¹⁵⁶ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

Поэма «Песня о Шилдэе Занги» (в русском переводе – «Возвращение батыра») знаменательна в творчестве поэта тем, что именно в ней решена проблема создания эпического характера¹⁵⁷. В. Найдаков считает ее примером того, как на «как на фольклорном материале» можно создавать «современные, злободневно звучащие произведения, прославляющие любовь к Родине»¹⁵⁸.

По мнению Т. Очировой, в этой поэме сильное эпическое начало, изначально свойственное поэту, «словно бы вырвалось на волю, разлилось широко и свободно, растеклось в упругих и напевных ритмах, забурлило в героических богатырских образах, воссоздав прекрасный и величественный мир народного эпоса»¹⁵⁹. Но прежде всего поэма интересна тем, как в ней преломляется понимание поэтом человеческой и народной судьбы.

Эпичность отмечается и в другой поэме Н. Дамдинова этого периода – «Песне о Доржи Банзарове»: критика отмечает эпическое вступление, выдержанное в фольклорном духе, в котором «как бы слышится голос бурятского улигершина»¹⁶⁰, а также концовку поэмы, где тема отъезда Банзарова на учебу (исключительное явление в тогдашней степи) разрешается в «единственно возможном эпически приподнятом ключе, от которого веет дыханием жизни народа, былинной поступью истории»¹⁶¹. Но основное ее достоинство – это решение проблемы главного героя: поэма написана так, что за образом мальчика Доржи все время «ощущается присутствие другого, эпического, выдержанного в улигерном духе образа Доржи Банзарова, выдающегося ученого своего времени»¹⁶².

Еще одним несомненным достоинством поэмы признается необычайная пластичность и живописность языка, а в целом поэма

¹⁵⁷ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 179.

¹⁵⁸ Там же. – С. 180.

¹⁵⁹ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 109.

¹⁶⁰ Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.

¹⁶¹ Чагдуров, С. Ш. Верность правде // Правда Бурятии. – 1972. – 31 марта. – С. 3.

¹⁶² Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.

называется «одним из наиболее светлых и поэтических произведений»¹⁶³ поэта.

Наконец, несомненным вкладом в Лениниану признается поэма «Учитель мой – Ленин», в которой критика видит эпический охват событий, глубокое философское осмысление материала, динамичность в развитии сюжета, выражении мыслей и чувств, а также яркую художественность¹⁶⁴. Именно эта поэма провозглашается главным достижением поэта за последние годы¹⁶⁵.

К этому же периоду (вторая половина 1960-х гг.) относится обращение Н. Дамдинова к драматургии. Первым опытом в этой области становится пьеса «Давнее дело», которая была поставлена Бурятским государственным драматическим театром, однако не удостоилась отдельного внимания критиков. Осенью 1969 г. БГДТ открывает новый сезон исторической драмой «Доржи Банзаров», и эта пьеса уже вызывает «живейший интерес»¹⁶⁶ не только среди публики, но и в среде критиков и литературоведов. Тем не менее, начиная с этих пор и до настоящего времени Н. Дамдинов последовательно называется автором трех (чуть позже – четырех) пьес, успешно идущих (или шедших) на сцене Театра бурятской драмы.

Одним из лучших драматургических произведений бурятской литературы называет драму «Доржи Банзаров» А. Серебряков. Литературовед подчеркивает, что одной из главных тем пьесы является тема дружбы русского и бурятского народов, при этом важно, что само произведение основано на богатом достоверном материале, и тем убедительнее становится обоснование закономерности дружбы, возникшей между народами¹⁶⁷. Отметим, что помимо обращения к теме дружбы народов литературоведы в эти годы находят среди достоинств пьесы (а также поэмы

¹⁶³ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 98.

¹⁶⁴ Секерина, В. Верность теме // Правда Бурятии. – 1969. – 4 июня. – С. 3.

¹⁶⁵ Николай Гармаевич Дамдинов // Наши лауреаты. – Улан-Удэ, 1971. – С. 11.

¹⁶⁶ Чагдунов, С. Ш. Верность правде // Правда Бурятии. – 1972. – 31 марта. – С. 3.

¹⁶⁷ Серебряков, А. Пьеса об истоках дружбы // Художественная летопись Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 60-63.

о Доржи Банзарове) показ значения деятельности декабристов среди населения Забайкалья¹⁶⁸.

В целом драматургический опыт Н. Дамдинова признается успешным. С. Чагдуров подчеркивает органичность драматургических произведений в творчестве поэта: «Николаю Дамдинову нравится жанр пьесы, ему нравится средствами драматургии, в острых столкновениях характеров, решать проблемы. Дело тут, мне кажется, в самом духе его поэзии – беспокойном, ищущем. Возьмите его поэмы – это всегда разговор о человеке, о его судьбе»¹⁶⁹. А, например, в «Очерках истории культуры Бурятии» (1974) говорится, что из историко-литературных пьес последних лет наибольший интерес представляют «В зареве революции» А. Бальбурова, «Кузнецы победы» Н. Дамдинова и «Клятва» Ц. Шагжина, а из исторических пьес наиболее значительной называется драма «Доржи Банзаров»¹⁷⁰.

Произведения поэта, созданные в этот период, уже однозначно признаются образцами хорошей формы. Иногда это подтверждается даже количественными примерами: для поэта «...характерна четкость ритма. Он ненавидит нагромождение в строке лишних, мешающих слогов. Поэт с самого начала пишет только рифмованным стихом. И если рифмы “незаметны” в книге, не бьют в глаза – это говорит только в пользу автора. А между тем во всей книге (8 печ. листов) вы не встретите ни одной незарифмованной строки»¹⁷¹. В критике теперь говорится о том, что у поэта нет усложненных образов, что проистекает от необычайной требовательности поэта, и его произведения последнего времени обладают такими характеристиками, как «строгая форма, напряженный стих»¹⁷².

Требовательность поэта к собственному творчеству отмечают многие литературоведы, и именно из этого качества выводятся причины

¹⁶⁸ Дугар-Нимаев, Ц-А. Словом художника оживлены... // Правда Бурятии. – 1975. – 27 дек. – С. 3.

¹⁶⁹ Чагдуров, С. Ш. Предисловие // Дамдинов, Н. Г. Избранное. – Улан-Удэ, 1976. – С. 3-8.

¹⁷⁰ Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Удэ, 1974. – Т. 2. – Гл. XV. – С. 565.

¹⁷¹ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

¹⁷² Секерина, В. Верность теме // Правда Бурятии. – 1969. – 4 июня. – С. 3.

наступившего заметного улучшения формы. Впрочем, и сам Н. Дамдинов неоднократно говорил о важности этой стороны произведений и своем внимании к работе над словом. Так, в 1962 г. в ответе на анкету он упоминает в качестве образца для себя стихотворение М. Ю. Лермонтова «Завещание» – к подобной четкости формы стремится, по собственному признанию, поэт.

Исследователь творчества поэта Т. Очирова отмечает, что в этот период (ближе к началу 1970-х гг.) «все ощутимее нарастает стремление в творчестве Дамдинова стремление к осмыслению жизни своего народа в его исторической перспективе»¹⁷³. Так, в «Песне о Доржи Банзарове», по большому счету, речь идет не столько о самом Банзарова, сколько об исторической судьбе народа. Меняется и настрой самого автора: на примере отрывка из пьесы Т. Очирова показывает, как прежний бескомпромиссный Дамдинов проникается философской умиротворенностью и даже немного фатализмом (это можно заметить в пассаже о быстроте бега времени и ассоциативно связываемой с ним некоторой предопределенности судьбы человека)¹⁷⁴. Однако нельзя сказать, что поэт изменяет себе, ведь в конечном счете в поэме утверждается активная личность, она призвана «утвердить чувство непокоя как некий бродильный элемент истории, без которого не может совершаться ее поступательное движение»¹⁷⁵.

На первую половину 1970-х гг. приходится самый пик признания Н. Дамдинова и именно в эти годы происходит окончательное формирование его литературной репутации, которая в дальнейшем не будет претерпевать существенных изменений с содержательной точки зрения. В эти годы выходят сборники «Четыре неба» (1971) и «Апрель» (1973), за которые поэту присуждена Государственная премия им. М. Горького в 1975 г. Перед этим Н. Дамдинову присваивается звание народного поэта (1973). Кроме того,

¹⁷³ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 88.

¹⁷⁴ Там же. – С. 103-104.

¹⁷⁵ Там же. – С. 105.

отдельным изданием выходят накопленные к этому моменту литературно-критические статьи («Летопись народной жизни», 1974).

На этом этапе безоговорочно признается новаторский характер творчества поэта и его значение для всей бурятской литературы. С. Чагдуров говорит о том, что «путь поисков новых средств выражения, путь открытий», избранный Н. Дамдиновым, оправдал себя: поначалу сложные, трудные стихи настораживали читателя, но затем читатель начинал изумляться «неожиданной грани мысли», «новой чеканной рифме» – «тугой лук труднее поддается», но дальше посылает стрелу¹⁷⁶. Отсюда и такой значительный результат: «В какой бы области ни выступал Дамдинов, он всюду оставляет что-то свое, свежее, принципиальное. Недаром в республике и за ее пределами имя Николая Дамдинова ассоциируется с новейшими достижениями культурной жизни Бурятии»¹⁷⁷.

Пора поисков и неопределенности к этому времени уже давно позади: «Народный поэт Бурятии вполне постиг искусство динамичного, пластического изображения явлений природы, людей, их действий. В произведениях последних лет он предстает перед читателем зрелым мастером, уверенно владеющим «секретами» поэтического творчества»¹⁷⁸.

В эти годы формируется представление о ряде поэм Н. Дамдинова как о едином цикле произведений, задуманном поэтом как главное произведение всего творчества. Об этом замысле говорил сам поэт еще в 1963 г., отвечая на вопрос анкеты: «Моя главная книга мыслится мне как серия поэм, куда войдет уже изданная поэма “Имя отца”. И прошлое, и современность займут в этой серии также соответствующее место»¹⁷⁹. По этому принципу С. Чагдуров выделяет два направления в творчестве поэта: 1) цикл малых поэм, поэм лирико-философских размышлений, начатый «Песней степей», к которому относится, например, поэма «Новая земля»; 2) цикл

¹⁷⁶ Чагдуров, С. Ш. Николай Дамдинов // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 99-100.

¹⁷⁷ Там же. – С. 99.

¹⁷⁸ Найдаков, В. Ц. О времени и о себе // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 207.

¹⁷⁹ Дамдинов, Н. Г. Анкеты // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 372.

об исторических судьбах народа, начатый «Легендой об Ангаре» и продолженный поэмами «Возвращение батыра», «Песня о Доржи Банзарове», «Учитель мой – Ленин»¹⁸⁰.

Работа Н. Дамдинова над формой стиха в эти годы увенчивается полным ее одобрением литературной общественностью и признанием за поэтом настоящего художественного мастерства. С. Чагдуров приводит такой пример: именно Дамдинову принадлежат строки о родном языке, которые стали «чуть ли не самым популярным афоризмом о родном языке» и «украшают стены и уголки родного слова» во многих школах республики¹⁸¹. Ч. Гомбоин говорит о том, что за «гибкой ритмикой его стихов, за чеканностью строк невозможно угадать, сколько в них вложено бессонных ночей, терпеливого сиденья за письменным столом в поисках единственного нужного слова»: это, по словам литератора, признак мастера. По словам В. Найдакова, Н. Дамдинов – поэт, чьи поэмы (наряду с поэмами Д. Жалсараева) «с наибольшей полнотой выразили лучшие черты современной бурятской поэзии»¹⁸².

Таким образом, Н. Дамдинов – это один из поэтов своей эпохи, создавший яркий, узнаваемый, запоминающийся стиль, характеризующийся сильным личностным началом, высоким гражданственным пафосом и философичностью (в эти годы создателем стиля считается также Д. Улзытуев). Эти особенности помогают, понять, в чем именно творчество поэта оказывается столь созвучно эпохе.

Кроме того, поэзия Н. Дамдинова характеризуется высоким «качеством»: отработанная со временем форма произведений, интеллектуальность манеры в силу образованности автора. Это свойство крайне выгодно выделяет его произведения на фоне общей

¹⁸⁰ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Найдаков, В. Ц. О времени и о себе // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 194-195.

«неразработанности проблем стиля и языка» в бурятской поэзии рассматриваемого периода¹⁸³.

И, наконец, для становления литературной репутации очень многое было сделано современными поэту литературоведами, проявлявшими постоянный интерес к творчеству и личности автора. Процесс «повторения формул», приводит к отбору следующих опорных моментов литературной репутации Н. Дамдинова: высшее литературное образование; получение «благословения» А. Т. Твардовским; написание одного из первых киносценариев; новаторский характер творчества, проявляющийся в оригинальности образов и работе над бурятским поэтическим языком; создание нового для бурятской литературы лирического героя; разработка жанра поэмы и создание жанра маленькой поэмы; удачное выступление в роли драматурга; создание произведений – образцов формы и стиля в литературе Бурятии.

Однако нельзя не заметить, что созданная таким образом литературная репутация поэта обладает некоторой односторонностью. За многочисленными достижениями Н. Дамдинова как представителя своей эпохи, на наш взгляд, остались не увиденными и не осознанными в критике и литературоведении вневременные ценности в творчестве поэта. Как было отмечено в параграфе 1.2, процесс объективного пересмотра достижений бурятской литературы советского периода уже начат, однако беспристрастное, но внимательное изучение творческого наследия Н. Дамдинова еще только предстоит.

¹⁸³ Дугар-Нимаев, Ц-А. О языке современной бурятской поэзии // Дугар-Нимаев, Ц-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979. – С. 78.

2.3 Аксиологический аспект литературной репутации

Н. Г. Дамдинова

В литературоведении 1950 – 1970-х гг. отмечается появление нового читателя, знакомого в том числе с достижениями мировой литературы¹⁸⁴.

В «Заметках о современной бурятской литературе» (1962) В. Найдаков высказывает мнение о том, каким, с точки зрения советского литератора, должен быть лирический герой современной поэзии. Поскольку в советской литературе читатель и поэт «растут» параллельно (и читатель заметно вырос с 1917 г.), то задача поэта на текущий момент – «озвучить неясное в душе читателя», трудящегося человека. Читатель теперь не менее образован, чем поэт, только не располагает достаточным временем для постижения себя¹⁸⁵. Советское общество смотрит на поэта как на избранного, которому дано право говорить от лица всех – поэтому поэт должен стараться выразить в своем лирическом герое многих, а не самого себя, тем более что индивидуальное проступит само.

Поэт Н. Дамдинов дорожил признанием в читательской среде и заслужил благодарное внимание современников. В немалой степени на его популярность повлияли личностные качества, преломившиеся в его поэзии. К числу таких качеств относим уже упомянутую нами требовательность поэта к себе (см. параграф 2.1). Однако эта требовательность распространяется поэтом не только на себя: страстное желание утвердить величие советского человека рождает отмеченную многими современниками (и привлекательную для них) эмоциональную бескомпромиссность поэта в отношении отрицательных явлений действительности.

¹⁸⁴ Гомбоин, Ч. Зреющие силы // Свет над Байкалом. – 1958. – № 6. – С. 152.

¹⁸⁵ Найдаков, В. Ц. Поэзия и жизнь // Найдаков, В. Ц. Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962. – С. 53-82.

Так, в поэме «Гудящие сосны» А. Жамбалдоржиев видит «разоблачение малодушия, отношения к жизни как к бесцельному существованию»¹⁸⁶. Ю. Будаев с удовлетворением отмечает, что в поэме «Имя отца» поэт «обличает юнцов-отщепенцев, забывших о великих традициях отцов и братьев»¹⁸⁷. С ним согласен и В. Найдаков, который говорит, что Н. Дамдинов в поэме не просто утверждает идеи дружбы народов и преемственности поколений, но «утверждает их в активной борьбе с инакомыслящими», и «разговор о единстве поколений завершается гневной отповедью в адрес непомнящих родства прожигателей жизни»¹⁸⁸. Несколько позднее В. Петонов также отмечает, что поэт не скупится на черные краски, описывая тени прошлого¹⁸⁹.

Это качество бескомпромиссности проявляется и в преданной, требовательной любви Н. Дамдинова к родной литературе, которая видна в его литературно-критических статьях, хотя, по замечанию коллег, поэт может быть и не всегда прав в своих оценках¹⁹⁰. Причину такой строгости к себе и современникам Т. Очирова видит в том, что понятие «молодость» для поэта – это категория нравственная, которая проявляется в дерзании, жажде жизни, деятельной активности, стремлении постичь самого себя и найти свое место в жизни¹⁹¹. Поэтому иное отношение к жизни в среде молодежи вызывает гнев и возмущение поэта.

С повышенной требовательностью связано еще одно личностное качество – «поэт берет на себя трудную должность быть наставником своего поколения»: поскольку у Дамдинова «зоркий взгляд», он может указать молодежи, где добро, где зло¹⁹². Литературовед Е. Е. Балданмаксарова также отмечает, что «самостоятельность, умение доходить до сути всего самому,

¹⁸⁶ Жамбалдоржиев, А. Поэзия искреннего сердца // Правда Бурятии. – 1959. – 26 февр. – С. 3.

¹⁸⁷ Будаев, Ю. В битве за солнце // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.

¹⁸⁸ Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.

¹⁸⁹ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

¹⁹⁰ Дмитриева, А. Устремленность в будущее // Вопросы литературы. – 1962. – № 12. – С. 220.

¹⁹¹ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 80-81.

¹⁹² Будаев, Ю. В битве за солнце // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.

ответственность за будущее, за то поколение, которое шагает за ним, налагает на поэта новые обязанности», и поэт восклицает: «О новая юность, / Я буду твоим Жухраем!»¹⁹³

В критике в качестве поэтического кредо Н. Дамдинова неоднократно цитируются слова самого поэта о том, что «мысль – это родная сестра поэзии». На наш взгляд, эта фраза иллюстрирует склонность поэта к тому, чтобы в художественном произведении «умом» доходить до решения важных проблем реальной жизни, объяснять жизнь самому себе и современникам.

И еще одним значимым личностным качеством Н. Дамдинова является его страстная вера в советского человека. Начинается она с умения разглядеть этого «нового человека, рожденного советской социалистической действительностью»¹⁹⁴, и выражается в горячем желании «воспеть победоносную поступь современников»¹⁹⁵. Литературная критика отмечает, что поэт, мыслящий широко и дерзко, стремится «отдать все силы своей души людям, соотечественникам»¹⁹⁶, а сам поэт жаждет, чтоб «солнце светило в душе человека».

Эта вера не слепа: Н. Дамдинов стремится именно к «полному постижению и раскрытию духовного облика современного бурята»¹⁹⁷. Автор предисловия к одной из книг поэта подчеркивает: главное место в его творчестве занимает современник, который предстает в его поэзии «во всей своей богатырской красоте и силе»¹⁹⁸. И ведь современники не обманывают ожидания советских писателей: «Незабываемый космический полет Юрия Гагарина, при всей фантастичности этого события, воспринимается поэтом как еще одно неукоснительное подтверждение того, что эстафета передана в надежные руки. Поэт горд за свое поколение»¹⁹⁹. Вера Николая Дамдинова

¹⁹³ Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века. – Улан-Удэ, 2005. – С. 207.

¹⁹⁴ Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 138.

¹⁹⁵ Цыдендамбаев, Ч. Голос молодого поэта // Бурят-Монгольский комсомолец. – 1955. – 2 нояб. – С. 3.

¹⁹⁶ Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 4.

¹⁹⁷ Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.

¹⁹⁸ Романенко, Д. Поэт активной мысли // Дамдинов, Н. Г. Новая земля. – М., 1970. – С. 10.

¹⁹⁹ Чагдуров, С. Ш. Предисловие // Дамдинов, Н. Г. Избранное. – Улан-Удэ, 1976. – С. 5.

направлена в светлое будущее: поэт искренне считает, что скоро настанет тот день, когда весь мир будет состоять из людей, говорящих: «Учитель мой – Ленин!»

Выделенные нами свойства личности поэта, безусловно, находят отражение в лирическом герое, тесно связанном с самим автором. Современная критика отмечает, что лирический герой Н. Дамдинова родился в 1930-е гг., годы свершений, и потому восторженно воспринимает этот мир. Анализируя содержание юношеского стихотворения поэта (первого опубликованного в печати), Т. Очирова говорит, что это наивное и несовершенное стихотворение весьма примечательно нашедшими в нем отражение чувствами молодого подростка: «пафос нового, радостный подъем созидания, ощущение неотделимости от себя, своего труда от жизни всей страны»²⁰⁰. Можно сказать, что именно в этом стихотворении происходит своеобразное рождение лирического героя Н. Дамдинова.

Как уже было отмечено, с первых сборников критика увидела, что поэт стремится к нераздельности собственного «Я» и «Я» всего поколения: недаром так часто применительно к его творчеству звучит популярная формула В. Маяковского «о времени и о себе». Так, В. Найдаков подчеркивает, что в стихах Н. Дамдинова представлен «не отвлеченный человек вообще, а человек советский, наш современник, чувства и мысли которого близки представителям любой национальности Советского Союза»²⁰¹. И позже литературовед вновь повторяет эту мысль: Н. Дамдинову удалось «в яркой поэтической форме выразить чувства и мысли, близкие и понятные всем народам», населяющим Россию (подтверждением чего является выдвижение поэта на соискание Государственной премии)²⁰².

Сам поэт в ранней статье, опубликованной в сборнике «Границы поэзии» говорил: «Одной из интересных особенностей всей советской

²⁰⁰ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 18.

²⁰¹ Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.

²⁰² Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.

литературы начального периода является теснейшая связь писателя со своими творениями, связь, доходящая до того, что иногда писатель и главный герой произведения сливаются в восприятии читателя в одно лицо»²⁰³. Это позволяет Т. Очировой сделать вывод о том, что в эпоху Дамдинова советским обществом накоплен уже достаточный опыт для того, чтобы проводить социально-исторические обобщения. Отсюда исследователь выводит постоянное стремление поэта «осмыслить и охватить судьбу своего народа» и возникающее у лирического героя «объективное значение», при котором лирика поэта «обретает масштабность и весомость эпоса»²⁰⁴.

Кроме того, лирический герой Н. Дамдинова обладает еще одной, несомненно, привлекательной для современников особенностью: он хорошо понимает, что живет «не только на берегу “голубой Селенги” или “на просторах Кижинги”, а еще и на шестой части планеты, которая зовется Советским Союзом»²⁰⁵. Читателям нравится, что лирический герой поэта свободен от провинциальности: «Преодолев ограниченность своего уголка и вырвавшись на необъятные просторы страны, он мыслит широко, масштабно. И это позволяет ему еще лучше оценить все то, что хорошее и все то новое, что нарождается на его родной земле»²⁰⁶. Импонирует это качество и литературоведам: С. Чагдуров вспоминает бурятскую поговорку – «видеть не дальше пастбища» – как совершенно неприменимую к творчеству Н. Дамдинова, лирический герой которого «видит всю страну, всю Советскую Родину»²⁰⁷. С этой же особенностью связывает Т. Очирова одновременно присутствующие конкретность и широту в понимании родины в творчестве поэта. Первое проявляется в том, что родина для поэта – это судьба его самого и его поколения. Второе связано с тем, что это понятие «далеко от местнической ограниченности»: родина – это не только Байкал,

²⁰³ Дамдинов, Н. Г. Корни и плоды // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 293.

²⁰⁴ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 51-52.

²⁰⁵ Гомбоин, Ч. Зреющие силы // Свет над Байкалом. – 1958. – № 6. – С. 154.

²⁰⁶ Секерина, В. Пора зрелости // Вперед. – 1971. – 29 июня. – С. 4.

²⁰⁷ Чагдуров, С. Ш. Предисловие // Дамдинов, Н. Г. Избранное. – Улан-Удэ, 1976. – С. 4.

но и вся «необозримая карта России с ее бескрайними просторами»²⁰⁸. Именно поэтому творчеству поэта с самого начала присуща «широта эпического запева», и, наоборот, «отсутствие лирической камерности»²⁰⁹.

Эмоциональный подъем эпохи сообщает лирическому герою на раннем этапе романтическое мировидение. Особенно оно присуще стихотворениям первых сборников поэта, что находит отражение во всех откликах первых рецензентов: «книжка с романтическим названием», «романтическая приподнятость» стихотворений, «романтическое описание» в поэме «Гудящие сосны», «революционная романтика» «Октябрьской поэмы».

Впоследствии высокий романтико-героический строй отмечается также в поэме «Имя отца»²¹⁰, да и в более поздних определениях характера творчества литераторы продолжают находить «романтическую восторженность»²¹¹.

Лирический герой Н. Дамдинова – безусловно, яркая личность: в сборнике «Битва за солнце» – это «прямой и резкий, бескомпромиссный в своих суждениях, страстный и вдумчивый человек»²¹². А лирический герой поэмы «Ночь тридцатой весны» – «живой, взволнованный человек, мыслящий широко и дерзко», в нем привлекают «напряженность раздумий и богатство духовного мира»²¹³. Сохраняя с течением времени свои симпатичные максималистские черты, герой, тем не менее, развивается вместе с автором: если в ранних произведениях больше резкости, то в зрелых стихотворения уже «меньше юношеской запальчивости, но больше глубины, меньше риторичности, но больше ... поэтической простоты»²¹⁴.

²⁰⁸ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 83.

²⁰⁹ Там же. – С. 11-12.

²¹⁰ Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 177.

²¹¹ Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.

²¹² Там же.

²¹³ Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 4.

²¹⁴ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 118.

Таким образом, лирический герой, созданный Н. Дамдиновым, по своим характеристикам являет собой идеального представителя советского общества: активный, эмоциональный, благодарный своей родине, не остающийся в стороне, бескомпромиссный и резкий, где это нужно, и обладающий глубиной и философским мышлением. В литературоведении отмечено, что образ героя Н. Дамдинова «приближается к идеалу всесторонне развитого и гармоничного человека»²¹⁵.

Однако отметим, что среди этих характеристик никогда не встречается «сочувствующий», «сострадающий», что, с одной стороны, вполне характерно для эпохи, с другой – эти эпитеты все-таки встречаются в литературной критике и публицистике применительно к творчеству других авторов-современников (например, А. Бальбурова, Д. Улзытуева).

Характер лирического героя отражает мировидение поэта Н. Дамдинова, в котором мы можем прочесть отношение поэта к непростой советской действительности. Оно было не только восторженным, поэт ставил перед собой и острые вопросы и проявлял, как это станет понятно позднее, «большое гражданское мужество»²¹⁶, разрешая их. Вопросы такого рода поднимаются, например, в поэме «Имя отца» и маленькой поэме «Новая земля».

Сюжет поэмы «Имя отца», по мнению В. Найдакова, обладает «особой простотой, далекой от примитивизма»: враги убили и оклеветали коммуниста, слова клеветы легли бременем на плечи сыновей, но дети унаследовали от отца мужество, а Советская власть помогла им встать на ноги – старший сын геройски погиб на войне, а младший сын, узнав, что пойман и разоблачен убийца отца, гордится тем, что, продолжая дело отца, он находит свое место в строю трудящихся советских людей.

²¹⁵ Хамгушкеева-Смирнова, М. М. Нравственные проблемы в современной бурятской поэзии // Вопросы бурятской филологии и литературоведения. – Иркутск, 1980. – С. 79.

²¹⁶ Найдаков, В. Ц. Поэт и гражданин // Правда Бурятии. – 1982. – 13 янв. – С. 3.

Но круг вопросов, очерчиваемый таким содержанием поэмы, представляет собой весьма сложные, «глубинные вопросы революции»²¹⁷, которые возникают перед поколением, вступившим в литературу в 1950-е гг.: вопрос об общем и историческом смысле революции, вопросы политической жизни 1920 – 1930-х гг., вопрос определения места и роли в истории страны реабилитированных казненных и вопрос отношения к факту самой казни. М. О. Чудакова говорит о том, что эти проблемы с конца 1940-х – начала 1950-х гг. актуализировались «не для официоза, который удовлетворялся текущими директивами, а для определенного слоя мыслящей части общества»²¹⁸. Добавим к этому, что, на наш взгляд, «для официоза» эти вопросы тоже существовали – они возникали подспудно, но гласное обсуждение этих вопросов, конечно, было невозможно. Поэтому перед художниками 1950-х гг. стояла задача, по крайней мере, создания такой картины революционного прошлого советского народа, которая не противоречила бы идеологии и проясняла бы (или, может, отводила на задний план) все затруднительные моменты.

Поэтому В. Найдаков совершенно справедливо замечает: в поэме главное – не событийная сторона, а размышления, раздумья, лирические отступления, которых в тексте очень много (и которые связывают события причинно-следственными связями или, возможно, создают видимость наличия таких связей). Эти раздумья, по словам литературоведа, определяют эмоциональное звучание поэмы и раздвигают рамки произведения так, что за каждым героем мы видим все поколение. Н. Дамдинов разрешает проблему отношения к репрессиям 1920 – 1930-х гг. в присущем эпохе приподнято героическом ключе: не бывает борьбы без жертв. Но на первый план выдвигаются не страдания героя о потере отца и брата, а чувство долга, ответственности перед их священной памятью. Таким образом, поэма

²¹⁷ Чудакова, М. О. Возвращение лирики : Булат Окуджава // Чудакова, М. О. Новые работы 2003–2006. – М. 2007. – С. 84.

²¹⁸ Там же. – С. 84-85.

отвечает на весьма актуальные вопросы времени в торжественном и оптимистическом тоне.

В таком же оптимистическом и даже жизнерадостном духе написан финал поэмы «Новая земля», герой которой вначале с болью наблюдает распашку того места, на котором стоял его родной улус. В финале произведения поэт прославляет вечно молодую и все время обновляющуюся землю, и такое разрешение проблемы находит понимание у современников. В своей статье литературовед С. Чагдуров приводит взволнованное и полное благодарности письмо читателя, откликнувшегося на эту поэму и описавшего сходную ситуацию из собственной жизни: читателю поэма помогла «еще раз пережить трудно описуемое ощущение сердечной грусти и радости» при виде неузнаваемых перемен, произошедших с родными местами²¹⁹.

Особенность поэта не проходить мимо острых вопросов и одновременно с этим умение находить оптимистичное решение нравственной проблемы были неоднократно отмечены в критике. Поэт знает, что «жизнь противоречива, но противоречия его не пугают, он уверен, что новое обязательно победит, что новое неодолимо, что задача поэта – всемерно помогать утверждению справедливого строя жизни, начертанного в Программе Коммунистической партии²²⁰. «Дамдинов – оптимист. Даже трагедийные ситуации в ряде своих произведений он завершает утверждением жизни. Только в жизни, в деянии, в стремлении к будущему он мыслит своего лирического героя»²²¹. Т. Очирова отмечает, что поэту важно понять, в чем духовная сила советского человека, поэтому в поэме «Имя отца» Дамдинов осмысливает именно процесс формирования его характера, «характера труженика и борца». Поэт приходит к «великой идее жизни», заключающейся в том, что «не бывает борьбы без жертв»,

²¹⁹ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

²²⁰ Романенко, Д. Поэт активной мысли // Дамдинов, Н. Г. Новая земля. – М., 1970. – С. 9.

²²¹ Щитов, А. Целеустремленность // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

а поступки человека измеряются одним нравственным критерием – «чувством исторической перспективы»²²².

Таким образом, Н. Дамдинов в своем творчестве создает историю своего народа, и в критике и литературоведении неоднократно отмечается связанность судьбы поэта с жизнью молодой страны. Анализируя поэму «Имя отца», В. Найдаков относит поэта к числу тех, кто вправе рассматривать «любой значительный факт своей биографии» «в ряду исторических событий»: он является «не безызвестным путником на дороге истории, а творцом этой истории, хозяином жизни, создаваемой его волей и его трудом»²²³. Согласен с этой точкой зрения и В. Петонов: «Трудный героический путь советского народа, судьба Родины в поэме Н. Дамдинова показаны как факты глубоко личного порядка, почти как семейная хроника»²²⁴. И даже в более ранней поэме «Песнь степей» литературная критика предлагает увидеть, как «на большой простор поэзии выходит человек, которому есть, что сказать и за плечами которого, кроме его собственной небольшой, только начинающейся биографии, есть еще большая биография народа»²²⁵. Кроме того, в творчестве поэта отмечается масштабность мышления поэта, чуткость не только к мудрости своего народа, но и к культурам других народов²²⁶.

Эту особенность творчества поэта Т. Очирова выводит из места его поэтического рождения – Баргузинской долины, края ссыльных (где, в том числе, жили братья В. М. и М. К. Кюхельбекеры). По мнению литературоведа, именно здесь возникло и стало крепнуть чувство исторической перспективы, присущее Н. Дамдинову, который всегда будет «дорожить этим чувством общности, сопричастности своего родного уголка делам и помыслам всей страны». И именно поэтому «будет постоянно

²²² Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 74-77.

²²³ Найдаков, В. Ц. Связь времен // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.

²²⁴ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

²²⁵ Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

²²⁶ Из выступлений писателей – участников секретариата... (Доризо, Н. [О творчестве Н. Дамдинова]) // Байкал. – 1978. – № 6. – С. 146.

соприкасаться в его творчестве малое и большое, частная судьба сталкиваться с исторической судьбой народа, а в лирических переживаниях преломляться духовная биография поколения»²²⁷. Такое свойство вполне, на наш взгляд, закономерно приводит к появлению в позднем творчестве поэта документальных произведений и произведений для детей (см. параграф 2.1). Тема детства соотносится с категорией времени, и она призвана связать творчество поэта с вечностью.

Творчество Н. Дамдинова отражает не только особенности мировидения, но и мироощущение своей эпохи. В частности, это «драгоценная черта», «определяющая характер звучания его произведений и составляющая основу его самобытности, – удивительная цельность поэтического восприятия мира»²²⁸. Добавим, что эта черта, на наш взгляд, касается не просто поэтического, но и восприятия мира вообще (что может быть видно, например, из отношения поэта к «острым проблемам действительности», показанного выше). А для творчества современника поэта, А. Бальбурова, такая ясность и цельность мироощущения нехарактерна, для него, скорее, свойственна трагическая раздвоенность восприятия мира (см. параграф 3.3). Кроме того, считаем, что именно цельность восприятия мира не позволила состояться повести «Лицо человека» о культе личности и его последствиях – слишком сильно эта тема не состыкуется с представлениями Н. Дамдинова о человеке и советской действительности.

В исследовании Т. Очировой неоднократно встречается фраза «время Дамдинова». На наш взгляд, это словосочетание действительно применимо к действительности республики 1950-х – начала 1960-х гг., когда общее мироощущение в целом соответствует именно отраженному в творчестве поэта. Между тем, невозможно представить понятие «время Бальбурова»,

²²⁷ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 12-13.

²²⁸ Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 112.

поскольку этот писатель так и не сумел вписаться в советскую действительность (см. параграф 3.1).

Примечательно, что мироощущение Н. Дамдинова к 1970-м гг. приобретает такие формы, которые позволяют говорить о сближении его с народным, фольклорным мышлением. «Возвращение» поэта к фольклору на тематическом и стилистическом уровнях в эти годы уже было отмечено в параграфах 2.1 и 2.2; здесь же мы остановимся на мировоззренческой установке поэта. В работе Т. Очировой сказано о том, что в рассматриваемый период можно провести параллель между фольклорным мышлением, которое всегда приводит индивидуальный опыт к «общему знаменателю», и личностным измерением мира, присущим Н. Дамдинову и отражающим опыт целого ряда поколений советских людей, которое также, в свою очередь, становится «выражением общей судьбы народа»²²⁹.

Таким образом, учитывая слитость лирического персонажа Н. Дамдинова с лицом всего поколения и способность его выражать общую судьбу народа, мы можем говорить о создании поэтом на определенном этапе творческого пути своего рода *«фольклора» советского народа* (предполагаем, что это применительно и к другим советским классикам со сходными интенциями творчества и, значит, подобными литературными репутациями). В данном случае под словами «советский народ» мы подразумеваем то представление, которое бытует в официальном информационном пространстве периода (очевидно, что реальная общность людей советской эпохи не была столь однородна и монолитна). То есть мышление Н. Дамдинова – это *советское «фольклорное» мышление*, именно поэтому и не ощущается глубинное воздействие устного народного творчества даже в его поэмах на фольклорной основе («Легенда об Ангаре» и «Песнь о Шилдэе Занги»), несмотря на использование в них элементов классического эпоса. Это чувствовал и сам поэт, который говорил, что его

²²⁹ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 109.

собственная позиция по отношению к фольклору – «отходить и приближаться», в то время как у Д. Улзытуева – «все на фольклоре»²³⁰. Тем не менее необходимо отметить, что эта особенность мышления поэта была также новаторской для своего времени: оно отразило «нравственный и духовный потенциал личности» современника, человека «нового социального кругозора»²³¹.

В творчестве поэта для современников большое значение имели высокий гражданственный пафос поэта – «одна из самых благородных черт истинной поэзии», а также активный, беспокойный характер лирического героя, ведь душе человека, по словам самого Н. Дамдинова, дано волноваться «не только от ласкового взгляда любимой» – «ему доступны трудные радости восхождения, грозное счастье борьбы, горечь поражений, ненависть к врагу, высокая любовь к Родине»²³².

Также необходимо отметить безусловную нравственность поэзии Н. Дамдинова, имеющую опорой, прежде всего, глубокую связь самого поэта с родной землей и живущими на ней людьми: «Один из важных философских мотивов произведений сборника – установить связь человека с миром природы, с миром людей»²³³; «кровной представляется поэту связь человека с родной природой»²³⁴. И уже в зрелом творчестве, в 1970-е гг., «прорывается в его лирике звенящее фермато признания: “Жизнь моя – Байкал!”»²³⁵.

Именно в изображении мальчика Доржи в его взаимоотношениях с окружающим миром – на фоне родной природы, в контексте народных обычаев и поверий – Н. Дамдинов устанавливает связь своего героя «с глубинными духовными началами народа»²³⁶. И чувство родства

²³⁰ Цит. по: Дементьев, Д. Оставаться собой! // Земли моей молодые голоса. – Улан-Удэ, 1981. – С. 31.

²³¹ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 42.

²³² Дамдинов, Н. Г. Корни и плоды // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 298.

²³³ Секерина, В. Пора зрелости // Вперед. – 1971. – 29 июня. – С. 4.

²³⁴ Чагдунов, С. Ш. Предисловие // Дамдинов, Н. Г. Избранное. – Улан-Удэ, 1976. – С. 6.

²³⁵ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 90.

²³⁶ Там же. – С. 105.

с земляками в творчестве поэта – это «точка отсчета нравственного смысла человеческого существования»²³⁷.

Еще одним существенным свойством поэзии Н. Дамдинова является светлый оптимизм его произведений. Многими современниками была отмечена необыкновенная жизнерадостность его дебютной поэмы. Позже очень светлый образ поэзии Н. Дамдинова создает В. Дементьев, который сравнивает ее по «красочной выразительности, остроте восприятия мира» с живописью бурятского художника С. Ринчинова, чьи полотна «насыщены светом, воздухом» и «смотрятся как праздник»²³⁸. Критик применяет к поэту его собственную строку («Певец земли – всегда певец восхода»), и говорит о том, что поэзия Дамдинова излучает «свет добра, искренности, человеколюбия, разума и чувства»²³⁹.

В качестве фигур, оказывающих наибольшее влияние на современную бурятскую поэзию, Ц-А. Дугар-Нимаев называет Н. Дамдинова и Д. Улзытуева. «В орбите влияния» Н. Дамдинова – лиро-эпическая поэзия (в особенности поэма), гражданская, публицистическая и повествовательная лирика. Переходя к называнию конкретных имен, Ц-А. Дугар-Нимаев замечает, что это тонкий и сложный вопрос: «... боясь задеть чье-либо самолюбие, мы, бурятские литературоведы, не так часто беремся за этот горячий уголек»²⁴⁰ (о «камерности» бурятской литературы – см. параграф 1.2). Тем не менее литературовед находит, что стилевая структура, интонационно-стихотворный строй и жанровые качества поэмы «Размышления на Мамаевом кургане» позволяют говорить о развитии традиции «Песни степей» в творчестве младшего современника поэта – М. Самбуева²⁴¹. О том, что творческие поиски Н. Дамдинова были «активно

²³⁷ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 111.

²³⁸ Дементьев, В. Певец восхода // Уверенной поступью. – Улан-Удэ, 1980. – С. 187.

²³⁹ Там же. – С. 189.

²⁴⁰ Дугар-Нимаев, Ц-А. О языке современной бурятской поэзии // Дугар-Нимаев, Ц-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979. – С. 86.

²⁴¹ Там же. – С. 86-88.

подхвачены поэтами его поколения» говорится и в работе Е. Е. Балданмаксаровой²⁴².

Помимо влияния на творчество отдельных поэтов, неоднократно отмечается вклад Н. Дамдинова в общее развитие бурятской литературы: поэт «расширяет возможности бурятской поэзии»²⁴³, с его появлением бурятская поэзия обрела черты, «которые сделали ее еще более обаятельной, задумчивой, более познавательной»²⁴⁴, «поиск Дамдинова служит мощным мотором для последующих поэтических поколений Бурятии»²⁴⁵. Говоря о роли Н. Дамдинова в развитии бурятской поэзии, Т. Очирова отмечает, что поэт привнес в нее «культуру стиха, основанную на широкой эрудиции и творческом использовании опыта русской и мировой лирики»²⁴⁶, а также «обостренно-личное восприятие мира»²⁴⁷.

В современном литературоведении также традиционно говорится о значительных достижениях поэта в области бурятского стихосложения. Так, например, Е. Е. Балданмаксарова говорит о «расширении горизонтов бурятской поэзии» Н. Дамдиновым: в его поэзии появляется новая рифма – опоясывающая, поэт использовал нехарактерную межстрофичную рифму, а также именно благодаря его поискам в бурятской поэзии появляется разговорный (или интонационный) стих²⁴⁸. Активность поисков поэта отмечает С. Балданов, говоря, что творчество Н. Дамдинова «с самого начала и до конца отмечено новаторством». Однако, как замечает литературовед, реформы Н. Дамдинова все же не закрепились: в современном бурятском стихосложении преобладает традиционная форма – улигерная²⁴⁹.

²⁴² Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века. – Улан-Удэ, 2005. – С. 207.

²⁴³ Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 3.

²⁴⁴ Романенко, Д. Поэт активной мысли // Дамдинов, Н. Г. Новая земля. – М., 1970. – С. 10.

²⁴⁵ Дементьев, Д. Оставаться собой! // Земли моей молодые голоса. – Улан-Удэ, 1981. – С. 25.

²⁴⁶ Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. – М., 1980. – С. 32.

²⁴⁷ Там же. – С. 107.

²⁴⁸ Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века. – Улан-Удэ, 2005. – С. 178.

²⁴⁹ Балданов, С. Ж. Слово о поэте // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 9.

Таким образом, литературная репутация Н. Дамдинова в рассматриваемый период создается поступательно и к середине 1970-х гг. поэт достигает высокого литературного статуса – он представляет бурятскую поэзию на всесоюзном уровне. Нами выявлено, что литературная репутация поэта складывается из повторения определенных характеристик, которые, на взгляд современников, наиболее полно отражают степень соответствия Н. Дамдинова званию советского поэта. К этим характеристикам относится, в том числе, и «количественный подсчет» достижений поэта (см. параграф 2.2).

Однако обретение поэтом широкого общественного признания на деле совпало по времени с изменениями общественного сознания и последовавшим вслед за тем изменениями литературной моды. При этом камерность литературной обстановки в республике обеспечивает сохранение за Н. Дамдиновым высокого литературного статуса, что, на наш взгляд, не вполне благотворно сказывается на его литературной репутации, поскольку с момента ослабления читательского и литературоведческого интереса к творчеству поэта в 1980-е гг. содержательная сторона репутации поэта практически не обновляется. Это становится результатом «механического повторения» одних и тех же заслуг поэта в разных изданиях вплоть до 2000-х гг., пока не начинается процесс объективизации представлений о писателях и поэтах советского периода. В результате в современном литературоведении становится достаточно сложно преодолеть основательно устоявшиеся представления о сугубо идеологизированном характере творчества поэта, однако свежий взгляд на творчество поэта на сегодняшний день уже становится возможен.

Н. Дамдинов – из тех поэтов, кому удалось создать в своем творчестве лик современной эпохи: поэт отразил мировидение и мироощущение своего поколения (правда, на наш взгляд, в несколько абстрагированном – «фольклорном» – варианте). Кроме того, произведения поэта отмечены попыткой разобраться в непростых вопросах своего времени, что также

не могло не найти понимания у современников. Для своего времени творчество Н. Дамдинова явилось образцом в области стихотворной формы: он внес существенный вклад в развитие бурятского стихосложения, оказал влияние на младшее поколение современников. Однако это влияние не было продолжительным, что можно связать, в том числе, с мировоззренческими изменениями человека и последовавшим вслед за тем возвращением общества к национальному и традициям (наметившимся в 1970-е гг.).

Гуманистическое начало, обнаруживаемое современниками Н. Дамдинова в его творчестве, на наш взгляд является гуманизмом в «советском» понимании (как «новый гуманизм» М. Горького): это мировоззрение, утверждающее нравственно-эстетические идеалы эпохи «развернутого строительства коммунизма». Между тем, современное (и вневременное) содержание произведениям поэта придают такие качества, как крепкое нравственное начало, чувство преемственности поколений и ответственности перед памятью предшественников, ощущение кровной связи с родной землей и чувство глубокой благодарности по отношению к ее людям, а также светлый оптимизм.

ГЛАВА III. ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ А. А. БАЛЬБУРОВА

3.1 Этапы творческого пути писателя

В 1989 г. литературовед В. Найдаков напишет: «Тридцатые годы... До чего же сложна, противоречива и диалектически мудра жизнь, если в одном небольшом отрезке могут быть совмещены напрочь исключаящие друг друга явления и процессы, два противоположных лика эпохи: один светлый и радостный, каким он отложился в памяти детей и подростков тех лет; и другой – тайный, зловещий и губительный, о котором мы с болью и потрясением узнали гораздо позже»²⁵⁰.

Писатель и публицист, общественный литературный деятель, редактор журнала «Байкал» Африкан Андреевич Бальбуров (1919–1980) оказался той фигурой, на чьей литературной (и общественной) репутации поочередно отразились, несколько раз сменив друг друга, эти два разных лика эпохи. Литературная судьба писателя складывалась непросто: за свою жизнь писатель дважды оказывается вычеркнутым из литературной и общественной жизни республики: на начальном этапе своей литературной и журналистской деятельности и в самом конце жизни.

Первое исчезновение писателя из поля зрения общественности республики связано с конфликтом с партийным руководством в 1946 – 1947 гг. и последовавшим за ним отъездом из Бурятии, затянувшимся на целых восемь лет. Второй отъезд связан с изменениями в личной жизни писателя, произошедшими в середине 1970-х гг., которые были весьма холодно или даже враждебно восприняты его окружением, что послужило причиной для принятия А. Бальбуровым решения о переезде с новой семьей

²⁵⁰ Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая. – С. 3.

в Москву, а затем в Алма-Ату. До конца жизни писатель уже не вернулся на родину.

Впервые в печати А. Бальбуров выступает в 1938 г.: в литературном сборнике, посвященном 25-летию республики, опубликована его новелла «Песнь об ушедших кошмарах». Впрочем, еще до этого момента будущий писатель (а в то время – слесарь паровозо-ремонтного завода) активно участвует в работе заводской многотиражной газеты. Вскоре после публикации писатель оставляет работу на производстве и вплотную начинает заниматься журналистской деятельностью: в 1938 – 1941 гг. в газете «Бурят-Монгольская правда» регулярно выходят его публицистические статьи.

Впоследствии работа А. Бальбура слесарем на заводе традиционно расценивается как положительный факт биографии – «трудовое начало» в юности. Причем в трактовке В. Найдакова она даже оказала существенное влияние на формирование его писательского облика: «...для правильного понимания творчества Африкана Андреевича Бальбура <...> представляется чрезвычайно важным следующее обстоятельство. <...> ...раннее начало трудовой деятельности в рабочем коллективе первого в Бурятии гиганта промышленности – сыграло огромную роль в формировании личности, характера, мировоззрения будущего писателя. Здесь он получил крепкую трудовую и идейную закалку, без которой он не стал бы тем писателем Бальбуровым, которого мы знаем сегодня»²⁵¹.

В 1939 г. А. Бальбуров призван в армию – проходит срочную службу в Барнауле. В эти годы он пишет рассказы, которые составляют его первый сборник – «Новеллы» (1941).

В 1940 – 1941 гг. А. Бальбуров является сотрудником Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и искусства (заведующим сектором литературы и фольклора). В эти годы в республике разворачивается активная кампания

²⁵¹ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 72-73.

по сбору и систематизации бурятского устного народного творчества и, в частности, проводятся работы по записи вариантов эпоса «Гэсэр», их классификации и обработке. Начинающий литератор активно включается в эту работу (что сыграет свою роль в произошедшем позднее конфликте).

Однако этот вид деятельности А. Бальбурова впоследствии все же займет свое место в его литературной биографии: например, организация им сбора записей и систематизации различных вариантов эпоса «Гэсэра» будет отмечена в справочнике «Писатели советской Бурятии»²⁵² и сборнике «Наши лауреаты»²⁵³, а в некрологе будет упомянуто, что писатель известен в качестве исследователя фольклора.

В первые годы Великой Отечественной войны А. Бальбуров находится в армии. Затем, начиная с 1943 г., писатель сначала работает в республиканском областном комитете партии, а после продолжает журналистскую работу – становится специальным корреспондентом центральной газеты «Правда» по Бурятии (1944–1947).

В качестве специального корреспондента «Правды» А. Бальбуров публикует статью «Плоды формального руководства» (1946) – «большой и обстоятельный материал, о серьезных недостатках в работе Бурят-Монгольского областного комитета партии и его первого секретаря А. В. Кудрявцева по руководству сельским хозяйством республики»²⁵⁴.

Именно эта статья послужила одной из причин исключения А. Бальбурова из партии и последовавшего затем отъезда писателя, который буквально исчезает из литературной жизни республики на восемь лет и возвращается с публицистическими очерками в «Бурят-Монгольской правде» только во второй половине 1954 года. Однако помимо статьи А. Бальбурова существовали и другие причины для разжигания конфликта в литературной среде послевоенных лет.

²⁵² Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959. – С. 38.

²⁵³ Васильева, А. Африкан Бальбуров // Наши лауреаты. Вып. 2-3. – Улан-Удэ, 1980. – С. 67-68.

²⁵⁴ Шерхунаев, Р. А. Африкан Бальбуров. – Иркутск, 2006. – С. 39.

Впервые об этой истории рассказывается в печати только спустя более чем через сорок лет: в журнале «Байкал» выступают со статьями, рассказывающими о волнениях в литературной среде республики в послевоенные годы, исследователь Б. Базаров²⁵⁵.

Так, в них рассказывается, что вышедшее в 1944 г. постановление ЦК партии «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором эпос об Едигее признается ханско-феодальным и националистическим, послужило толчком для «принципиальной большевистской критики» эпоса многих народов. А после известных постановлений по вопросам литературы и искусства 1946–1948-х годов обстановка обостряется еще более, и в республике начинается активная кампания против эпоса «Гэсэр»: в буржуазном национализме обвиняются наиболее активные участники сбора материалов, касающихся эпоса, и его исследователи²⁵⁶.

Между тем, рассказывается в другой статье исследователя, в 1945 – 1946 гг. ЦК партии трижды заслушивает вопрос «О работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)», и третье заслушивание состоялось по статье А. Бальбурова «Плоды формального руководства». После чего «одним из методов реагирования» на эту критику становится как раз кампания борьбы с «буржуазным национализмом»²⁵⁷. Таким образом, А. Бальбуров попадает в число пострадавших в результате сразу двух причин: участия в работе над эпосом «Гэсэр» и выступления с критикой партийного руководства.

В сентябре 1946 г. на XXIV пленуме областного комитета партии были обвинены М. Шулукин, С. Метелица, Л. Элиасов и А. Бальбуров, а ответственность за их ошибки была возложена на секретаря обкома партии

²⁵⁵ См.: Базаров, Б. Судьба «Гэсэра» // Байкал. – 1989. – № 5; Базаров, Б. «Критики» и «самокритики» послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2.

²⁵⁶ Базаров, Б. Судьба «Гэсэра» // Байкал. – 1989. – № 5. – С. 72.

²⁵⁷ Базаров, Б. «Критики» и «самокритики» послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2. – С. 106.

С. Б. Санжиева. Б. Базаров говорит о том, что отношение к этим деятелям скоро стало расцениваться «как политическая лояльность»²⁵⁸.

При этом отмечается, что А. Бальбуров не мог быть раскритикован за свою статью, поскольку она была поддержана ЦК партии. Поэтому поводом для травли служит его книга «Новеллы»²⁵⁹. Критика произведений писателя выглядела следующим образом:

«А. Бальбуров ложно изображает в своих новеллах нашу социалистическую действительность. Автор с позиции буржуазного националиста отрицает ее, ибо он идеал общественного строя видит в прошлом, идеализируя феодально-капиталистическое прошлое бурят-монголов.

А. Бальбуров всячески оплевывает советскую девушку, издевается над ней, воспекает разврат. И все это изображается им до циничности неприлично, причем в этом автор видит сладострастную забаву, остро чувственную эротику, обнажает телесное, физиологическое. Это даже отражается и на способе изображения, т. е. переживание, психическое состояние персонажей показываются автором не непосредственно, не прямо, а через его следы, движения, позу, жест и т. д.

...Следует указать, что это не только обывательская пошлость и косность. Это националистическое отрицание того прогрессивного факта, что при социалистическом строе возникла новая семья – советская семья...»²⁶⁰

Примечательно, что умение А. Бальбура изображать «переживание и психическое состояние персонажей» через позу и жест впоследствии станет как раз одним из моментов формирования в литературной критике репутации писателя в качестве талантливого портретиста и знатока человеческой природы (см. параграф 3.2).

В середине 1950-х гг. состоялась реабилитация имени А. Бальбура и произошло его возвращение к литературной жизни республики, но гонения на писателя никогда не упоминаются в печати. В некрологе об этом периоде

²⁵⁸ Базаров, Б. «Критики» и «самокритики» послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2. – С. 106.

²⁵⁹ Там же. – С. 107.

²⁶⁰ Там же.

жизни сказано коротко: учительствовал²⁶¹. И это первое печатное упоминание о том, чем занимался писатель в перерыве между своей журналистской деятельностью и деятельностью в качестве писателя и редактора журнала.

Поначалу обходится молчанием весь начальный этап литературного пути А. Бальбура, ведь именно идейное содержание первого сборника стало формальным поводом для гонений. И после в своей литературной биографии А. Бальбуров – уже традиционно – называется «плодотворным прозаиком с конца 1950-х гг.», без упоминания причин, по которым между публикацией первой и второй книги прошло 18 лет²⁶². В результате все творчество писателя начального периода остается практически за пределами литературоведческих изысканий. Коротко к рассказам первого сборника обратится в 1970-е гг. литературовед В. Найдаков (см. параграф 3.2)

Впервые же в печати об опале А. Бальбура рассказывается только в 1989 г. в статьях В. Найдакова, посвященных 70-летию уже ушедшего к тому времени писателя: «Только в условиях конца сороковых годов после выхода известных постановлений о журналах «Звезда», «Ленинград» и других <...> и только у отдельных людей, наиболее полно воплотивших в себе негативные черты и следствия, порожденные культом личности, могли возникнуть сомнения в гражданской честности писателя Бальбура, могли быть сфабрикованы чудовищные обвинения в предательстве интересов родины»²⁶³.

И все же иногда об этом упоминает сам А. Бальбуров. В рецензии на сборник статей Н. Дамдинова «Границы поэзии» (1962) Бальбуров настойчиво подчеркивает «предельно уважительное отношение» молодого бурятского автора к устному народному творчеству, которое достаточно

²⁶¹ Бальбуров А. А. : [Некролог] // Правда Бурятии. – 22 янв. – С. 4.

²⁶² См., например: Африкан Бальбуров // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1981; Уланов, Э. А. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии XX – XXI вв. – Улан-Удэ, 2008.

²⁶³ См.: Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая; Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Байкал. – 1989. – № 3.

тенденциозно (что объяснимо) представляет не просто как мнение отдельного человека, а точку зрения целой группы людей – «образованной и талантливой молодежи». Здесь же писатель сокрушается по поводу того, что в свое время в числе подписывавших статьи об антирусском, феодально-ханском характере эпоса были люди, хорошо осознававшие необоснованность этих оценок, и возмущенно говорит о том, что «никто из них до сих пор не отмежевался от этих статей»²⁶⁴

Также А. Бальбуров упоминает об этой истории в статье, вышедшей в московском сборнике, в контексте рассуждения об «извращении ленинских норм партийной жизни»: «В июне 1946 года в «Правде» была напечатана моя статья «Плоды формального руководства». В ней содержалась резкая критика руководства сельским хозяйством в Бурятии. Был назван конкретный виновник многих вопиющих безобразий – первый секретарь обкома партии Кудрявцев. Бездушное и формальное отношение к порученному делу, непрерывное вранье перед руководящими инстанциями, грубое пренебрежение и помыкание подчиненными, ханжество и фарисейство в вопросах идеологии – таков был стиль руководства Кудрявцева. А это в свою очередь было результатом того, что он – типичный чиновник — утратил партийную убежденность, окончательно оторвался от народа, перестал не только жить его интересами, но даже понимать эти интересы. Все это я и высказал в лицо Кудрявцеву, когда обсуждали в обкоме статью, и меня потом исключили из партии»²⁶⁵. Однако писатель относит это происшествие к последствиям заблуждений времен «культа личности» и выражает уверенность в том, что настанет время, когда слова Маяковского, избранные заглавием для статьи, смогут произнести все коммунисты.

В 1951 г. выходит постановление ЦК партии «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)», и только после этого писатель возвращается к журналистской и литературной деятельности.

²⁶⁴ Бальбуров, А. А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5. – С. 155.

²⁶⁵ Бальбуров, А. А. «Я себя под Лениным чищу» // Ленин в нашей жизни. – М., 1965. – С. 374-382.

Вначале А. Бальбуров работает сотрудником республиканского радиокомитета (в 1953 г.), затем становится ответственным секретарем (1956–1958) и вскоре – редактором литературного журнала «Свет над Байкалом» (в 1961): «Партия, исправившая многие ошибки прошлого, восстановила честное имя коммуниста писателя Бальбунова, доверила ему ответственный пост руководителя важного идеологического органа – журнала, пост, наиболее способствующий проявлению его творческой и гражданской активности»²⁶⁶.

Действительно, уже до назначения редактором журнала А. Бальбуров включается в литературную жизнь республики активно: например, в 1959 г. он является пресс-секретарем Декады бурятского искусства и литературы в Москве. В эти годы его произведения публикуются вначале в составе сборника «Рассказы писателей Бурят-Монголии» (Улан-Удэ, 1956), а затем – в книге «Бурятские рассказы», подготовленной к Декаде и выпущенной в московском издательстве. Кроме того, выходит вторая книга писателя – сборник рассказов «У нас в Зергетуе» (1959).

В целом, в отличие от дебюта Н. Дамдинова, старт А. Бальбунова в литературе (пришедшийся ровно на те же годы) проходит гораздо более незаметно. Первые его публикации после возвращения на родину не вызывают такого же интереса критики, как поэтические сборники его младшего современника, несмотря на всю значимость жанра рассказа для бурятской литературы на этом этапе. Тем не менее, в печати появляется несколько отзывов о рассказах писателя, большинство из которых было высказано в работе литературного семинара по вопросам развития бурятской литературы, прошедшего в рамках Декады (см. параграф 3.2).

Внимание к фигуре писателя в периодической печати проявляется позже, после выхода в свет в 1962 г. романа «Поющие стрелы» (в журнальном варианте 1961 г. – «Истоки»), а также документальной

²⁶⁶ Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая. – С. 3.

повести о герое войны Г. Очирове «Приказываю жить» (1963), написанной в соавторстве с Д. Хилтухиным.

На роман поступает достаточно большое количество рецензий и отзывов в среде литературной критики, в том числе и в центральной печати²⁶⁷. А повесть вызывает в основном благодарные отклики в читательской среде: документальное повествование о героических подвигах современника, «настоящего живого человека», и тем более – земляка, воспринимается с большим энтузиазмом. Этот формат как нельзя лучше отвечает главному пафосу литературы тех лет – возвеличиванию советского человека.

Находясь в течение долгого времени на посту главного редактора (с 1961 по 1974 г.), А. Бальбуров ведет активную работу по развитию единственного «толстого» литературно-художественного и общественно-политического журнала республики. В справочнике «Писатели Бурятии» (1994) отмечается, что он был одним из инициаторов его создания²⁶⁸.

Несмотря на трудности начального этапа литературного пути, во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг. вклад деятельности А. Бальбунова в развитие культурной жизни республики этого периода становится весьма значительным. Писатель поставил перед собой цель поднять «Байкал» на высокий уровень, и это ему удалось, что и отмечено в современном литературоведении: «А. Бальбуров крепко поставил на ноги свой журнал, который с каждым годом приобретал все большую популярность, становясь известным на всю страну ... Журнал “Байкал” при Африкане Андреевиче стал своего рода герценовским “Колоколом”²⁶⁹.

²⁶⁷ См.: Шкаев, В. Поющие стрелы А. Бальбунова // В мире книг. – 1963. – № 4; Белоусов, А. О чем поют стрелы // Литературная Россия. – 1963. – 5 июля; Гоффеншеффер, В. Молодость старого жанра // Литературная газета. – 1964. – 8 февр.

²⁶⁸ Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994. – С. 21.

²⁶⁹ Уланов, Э. А. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии XX – XXI вв. – Улан-Удэ, 2008. – С. 101.

О причинах столь заметного успеха журнала говорится и еще конкретнее: «При Бальбурове журнал “задышал свободно, широко”, он уловил настроение и чувства людей как в республике, так и в стране. С каждым годом журнал приобретал все большую популярность, становясь известным на всю страну, ведь главным достоинством в нем было то, что он потерял свой провинциализм! Журнал “Байкал” 60-х годов можно по праву характеризовать как новаторский, передовой, в смысле – смелый, ищущий журнал, не оглядывающийся на верхи»²⁷⁰.

В доказательство всесоюзного и даже международного статуса журнала в эти годы можно привести некоторые примеры. В 1967 г. журнал принимает участие во всемирной выставке в Монреале «ЭКСПО–67», что гораздо позже расценивается как настоящий «триумф» издания²⁷¹. А в 1975 г., приступивший к своим обязанностям новый редактор журнала С. Цырендоржиев пишет о том, что журнал «идет в 150 крупнейших городов всех союзных республик, а также в 12 зарубежных стран, включая страны социалистического лагеря, Соединенные Штаты Америки, Англию, Францию, Японию, Австралию и т. д.»²⁷²

По инициативе А. Бальбурава в журнале постоянно открываются новые рубрики, среди которых как наиболее любимая читателем неоднократно отмечается рубрика «Авиация и космос – век XX»²⁷³, впервые составившая раздел журнала в 1968 г. Также особо можно выделить и еще одну рубрику – «Впервые на русском», в рамках которой был опубликован, например, роман известной писательницы Ж. Сименон «Рука» (1969).

Эти изменения в структуре «Байкала» отражают стремление главного редактора постоянно расширять его тематическое наполнение, которое призвано быть максимально актуальным и современным. Это стремление иллюстрируется также, например последовательным включением в номера

²⁷⁰ Уланов, Э. А. Африкан Бальбуров // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 12.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Цырендоржиев, С. Визитная карточка журнала // Правда Бурятии. – 1975. – 28 окт. – С. 3.

²⁷³ Там же.

журнала художественных произведений и документальных материалов о войне. Это публикации маршала Советского Союза В. И. Чуйкова, генерала Д. А. Драгунского, публикация военных дневников писателя Ж. Тумунова и героя СССР полковника В. Б. Борсоева (1963). Как отмечает В. Найдаков, тем самым А. Бальбуров иллюстрировал умение чутко улавливать общественные запросы и в результате вносил свой «вклад в дело военно-патриотического воспитания советских людей»²⁷⁴.

В дополнение к этому писатель регулярно выступает и сам на страницах журнала – с литературно-критическими, критико-публицистическими и публицистическими статьями и очерками. И хотя в критическом наследии А. Бальбурава при оценке произведений современников на переднем плане всегда находятся критерии гражданственности, злободневности и их «полезности» (что вполне отвечает духу времени), однако в его взглядах есть и примечательные черты. Так, например, А. Бальбуров всегда очень пристрастно оценивает художественную речь писателя. И особенно энергично советует, рекомендует и указывает на недостатки, когда анализирует переводное произведение. Кроме того (как можно заметить из рецензии на книгу Н. Дамдинова «Границы поэзии»), писатель очень оживляется, когда видит уважительное отношение к фольклору или находит его влияние в произведениях того или иного писателя или поэта. То есть центральное место в литературно-критических воззрениях писателя все же занимает чуткое внимание к языку и стилю произведений, а также любовь к традициям устного народного творчества.

Добавим к этому, что сам А. Бальбуров неоднократно замечал в своих статьях, что он далек от мысли «тягаться с литературоведами». Однако считаем, что критико-публицистическое наследие писателя важно не только в качестве одной из сторон его деятельности, но и представляет

²⁷⁴ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 78.

значительный интерес для истории бурятской литературы и характеристики литературной жизни республики 1950 – 1970-х гг.

Кроме того, писатель активно высказывается и на внелитературные темы: Бальбуров – «автор многих ярких публицистических статей по актуальным вопросам развития культуры и экономики республики, очерков о тружениках Бурятии»²⁷⁵.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. писатель публикует большое количество заметок о своих поездках, считая, что путешественник не вправе молчать: согласно бурятской пословице, после поездки человека в дальние края ему принадлежит разве что только «съеденное» в этой поездке, а все его впечатления – это исключительно достояние его земляков²⁷⁶.

Наряду с талантом руководителя журнала в эти годы у А. Бальбурова также обнаруживается призвание наставника литературной молодежи: он «...организатор, крестный отец многих и многих произведений различных жанров <...> Почти все сколько-нибудь значительные произведения бурятской литературы последних пятнадцати лет появились на свет при активной помощи журнала. <...> Благодаря ... жадности к интересным, способным людям, благодаря умению редактора видеть в далеко не совершенном первоначальном варианте произведения искорку дарования, мы имеем в нашей литературе таких своеобразных, интересных писателей, как М. Мельчаков, М. Жигжитов, В. Митыпов, К. Балков, вошедших в литературу с легкой руки Африкана Бальбурова»²⁷⁷.

Младший современник писателя, поэт А. Румянцев вспоминает о постоянном и доброжелательном интересе писателя к молодым авторам: Бальбуров всегда приглашал на встречи с приезжими, московскими писателями, а также мог просто пригласить к себе в кабинет, чтобы расспросить о написанном или даже предложить «адрес для командировки».

²⁷⁵ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 79.

²⁷⁶ Бальбуров, А. А. Япония сегодняшняя, не экзотическая // Байкал. – 1971. – № 5. – С. 124.

²⁷⁷ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 79.

А. Румянцев говорит о том, что Бальбурова можно по праву назвать «собирателем свежих талантов»: поэты 1960-х – начала 1970-х гг., – Д. Улзытуев, А. Щитов, М. Шиханов, Д. Дамбаев, Г. Дашабылов, М. Самбуев, Л. Тапхаев, В. Липатов – печатались почти в каждом номере журнала «Байкал»²⁷⁸.

Кроме того, воспоминания А. Румянцева свидетельствуют о настойчивости и убедительности, с которой Бальбуров мог предлагать написать произведение, если чувствовал потенциал автора, и как заразительна была при этом его собственная «страсть к публицистике»: из поездки по республике привез необычные дневниковые записи даже «чистый лирик» Д. Улзытуев, очерковую книгу написал поэт С. Ангабаев, и самого Румянцева Бальбуров убедил написать очерк о строительстве ЛЭП-220 на Ангаре («Люди большой трассы»)²⁷⁹.

При А. Бальбурове в журнале печатались многие впоследствии признанные на всесоюзном уровне писатели и поэты. Так, например, в «Байкале» были опубликованы главы из поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС», а в одном из номеров за 1967 г. впервые вышла повесть А. и Б. Стругацких «Второе нашествие марсиан».

И, наконец, именно в годы редакторства А. Бальбурова «Байкал» вышел на такой уровень, что в нем стало возможно печатать и некоторые «крамольные» произведения. В 1968 г. была опубликована вторая, «бюрократическая» часть сложной философской повести «Улитка на склоне» А. и Б. Стругацких, а также статья о Ю. Олеше литературоведа А. Белинкова (представляющая собой главы из книги, к тому времени уже отклоненной издательствами). За эти публикации главный редактор получил партийное взыскание, а номера журнала были изъяты из всех библиотек²⁸⁰.

²⁷⁸ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 739.

²⁷⁹ Там же. – С. 740.

²⁸⁰ Бараев, В. Последние залпы по шестидесятиникам // Литературная Россия. – 2012. – № 13.

По этому поводу С. Тулохонов даже проводит параллель между журналами «Байкал» и «Новый мир»: издания набрали силу в годы оттепели и сумели «толкнуть» тоталитарную конструкцию государства». При этом «Байкальская» «оттепель» продлилась, по наблюдению литературоведа, намного дольше – до конца редакторства А. Бальбурова²⁸¹.

Снятие писателя с должности главного редактора С. Тулохонов связывает с публикацией романа-эпопеи И. Калашникова «Жестокий век»: «Центральная идея этого романа о “богоподобном человеке” вошла в противоречие с центральной идеей тогдашнего “богоподобного” государства. Приближающийся юбилей – 600-летие Куликовской битвы – не позволил никому даже усомниться в господствующей тогда концепции истории России (тогда СССР), одним из краеугольных камней которого было так называемое “монголо-татарское иго”. В литературном противостоянии “Жестокого века” Калашникова и романа-эссе “Память” Чивилихина победил в конце 1970-х гг. апологет официоза»²⁸². Кроме того, крайнюю нежелательность публикации романа в эти годы (а значит и связанный с этим риск, на который пошел А. Бальбуров) подчеркивает тот факт, что отдельным изданием книга вышла только в 1983 г. – уже после смерти и его автора, и «отца»-редактора (так назван Бальбуров в очерке С. Тулохонова).

Тем не менее, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. А. Бальбуров обладает всеми внешними атрибутами достаточного общественного литературного признания: он становится заслуженным работником культуры республики (1969), народным писателем республики (1973 г. – одновременно с Н. Дамдиновым), а также обладателем республиканской премии в области литературы и искусства (1975 г. – на 5 лет позже, чем Н. Дамдинов). Однако отметим, что при жизни писателя ни разу не издается книга его избранных

²⁸¹ Тулохонов, С. М. Бальбуров Африкан Андреевич – бурятский писатель и литературный деятель // Тулохонов, С. М. Силуэты. – Улан-Удэ, 1998. – С. 40.

²⁸² Там же. – С. 41.

произведений, и более того – вплоть до настоящего момента нет ни одного сборника «Избранного» писателя, как нет и собрания сочинений.

Также отметим переводческую деятельность А. Бальбурова, которая не освещена в литературе о нем, но встречается упоминание о том, что писатель был «знатоком истории и филологии народов Центральной Азии» и переводил с оригинала произведения монгольских и бурятских писателей (Ц-Д. Дамдинжапова, Ц. Шагжина, Ц. Галанова, С. Удвал и др.)²⁸³.

В 1950 – 1970-е гг. А. Бальбуров занимает видное место в литературной жизни республики и пользуется общественным и читательским признанием. Однако в середине 1970-х гг., двадцать лет спустя после его возвращения на родину, происходят уже упомянутые изменения в личной жизни писателя, послужившие еще одной причиной ухода А. Бальбурова с поста главного редактора журнала и размолвки писателя со своим окружением. Общественность не простила писателю шага, расцененного как поступок против законов морали, однако о причинах отъезда писателя и практически полного исчезновения его из поля зрения критиков и литературоведов в печати не говорится до сих пор (в силу камерности – «нелюбви» литературной общественности республики к описаниям литературного быта) Только в 2000-е гг., об этом коротко напишет автор публицистической биографии А. Бальбурова: «Суровые законы партийной этики того времени заставили его уехать с молодой женой в Москву»²⁸⁴.

Таким образом, литературная репутация А. Бальбурова неоднократно претерпевает сильные изменения, причем на республиканском и всесоюзном уровнях это происходит неравномерно. Если в 1975 г. преемник писателя на посту редактора говорит о том, что «имя Африкана Бальбурова хорошо известно всесоюзному читателю»²⁸⁵ и во второй половине 1970-х гг. действительно выходит много рецензий на творчество писателя

²⁸³ Африкан Бальбуров // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1981. – С. 53.

²⁸⁴ Содномов, Б-Д. Африкан Бальбуров: «Я – не подзаборный бродяга, а народный писатель» // Бурятия. – 2007. – 15 июня. – С. 17.

²⁸⁵ Цырендоржиев, С. Визитная карточка журнала // Правда Бурятии. – 1975. – 28 окт. – С. 3.

в центральной печати²⁸⁶, то в местной прессе в эти же годы его имя обходится молчанием. А в 1979 г. (в год 60-летнего юбилея) А. Бальбуров напишет в письме Д. Жалсараеву, что его поздравил Союз писателей России, было много телеграмм из Москвы и Ленинграда, но он не получил ни одного поздравления из родного города²⁸⁷. Автор публикации писем добавляет от себя, что на текущий момент «недюжинная личность» писателя, к сожалению, совершенно неизвестна современной молодежи²⁸⁸.

Главной особенностью литературной репутации А. Бальбурава является значимая роль в ней личностных характеристик писателя, превалирующая над оценками художественных достижений, что становится заметно при обращении к большинству источников.

«Способность увидеть в каком-нибудь обыденном, повседневном факте нечто гораздо большее, способность, пропустив увиденный факт через ум и сердце, вдруг взволноваться до глубины души, способность безоглядно ринуться в бой за то, что считаешь правым, – эта ... драгоценная не только писательская, но просто человеческая способность, в большой мере присущая Африкану Бальбурову... составляет самую основу его общественной активности как писателя-гражданина»²⁸⁹. (В. Найдаков, 1973)

«Его любознательность, интерес к новым людям и к новым землям поистине неисчерпаемы. Он может со знанием дела и с присущей ему увлеченностью вести разговор о тибетской медицине и о проблемах Байкала, о буддийских храмах и о компьютерах, о древней китайской поэзии и о космосе. Его с одинаковым и неизменным интересом слушают рабочие и студенты, летчики и писатели, колхозники и ученые»²⁹⁰. (В. Шкаев, 1973)

²⁸⁶ См.: Короленков, В. [Рецензия на книгу «Белый месяц»] // Детская литература. – 1976. – № 2; Смаглий, Е. Певец земли бурятской // Радуга. – 1976. – № 5; Пискунов, В. Там, восточнее Байкала // Литературное обозрение. – 1976. – № 2; Унгинэ, Е. Живая связь // Наш современник. – № 1; Смелков, Ю. О своей земле // Наш современник. – 1978. – № 5; Сурганов, В. Африкан Бальбуров // Литературная Россия. – 1980. – 18 июля.

²⁸⁷ Содномов, Б-Д. Африкан Бальбуров: «Я – не подзаборный бродяга, а народный писатель» // Бурятия. – 2007. – 15 июня. – С. 17.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 80.

²⁹⁰ Шкаев, В. Слово об авторе и о книге // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1973. – С. 3.

«Коренастый, кареглазый, с необычайно выразительным, крупным, загорелым до черноты лицом, он был по-юношески неутомим и энергичен, обо всем судил горячо, запальчиво, изумляя собеседников широтой эрудиции и точным словом»²⁹¹. (*В. Разумневич, 1975*)

«Бальбуров полифоничен, это был своего рода человек-оркестр. Посудите сами: он и прозаик, драматург и журналист, и организатор, общественный деятель, и литературный критик, и неутомимый рассказчик, и великий путешественник»²⁹². (*Э. Уланов, 1997*)

«Памятна совместная ... поездка на трассу БАМа... <...> Бальбуров был как заведенный... <...> Прозаик не раз бывал в здешних много лет назад, работая журналистом. Рассказывал, как пешком прошел по тайге тридцатикилометровый путь от Нижнеангарска до рыбацкого поселка Байкальск, чтобы увидеть охоту на нерпу. Он и в нашей поездке ... все щупал своими руками, дотошно вникал в то, о чем рассказывали строители»²⁹³. (*А. Румянцев, 2012*)

Таким образом, литературная репутация писателя пережила два подъема. Первый подъем происходит на начальном этапе: после «трудового начала» – работа в научном институте, участие в сборе и систематизации фольклора, назначение собственным корреспондентом «Правды»; второй – в основной период творческой активности писателя, в 1950 – 1970-е гг. И кроме того – два спада (исчезновения из литературной жизни во время пребывания вне республики).

Литературное и общественное поведение А. Бальбурава далеко не всегда было подходящим для того чтобы вписаться в рамки образа советского писателя. Кроме того, такая особенность, как малонаселенность и камерность литературной обстановки в национальной республике, сделала практически невозможным печатный разговор как о фактах непокорного литературного поведения (статья 1946 г., крамольные публикации «Байкала»), так и о личной жизни писателя не только в советскую эпоху, но и после ее окончания. В результате этого литературная биография

²⁹¹ Разумневич, В. Знакомьтесь, Африкан Бальбуров! // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1975. – С. 5.

²⁹² Уланов, Э. А. Африкан Бальбуров // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 9.

²⁹³ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 745.

писателя оказывается с большим количеством умолчаний, и эта традиция умолчаний по инерции переносится и в современные учебные и справочные издания, из которых облик писателя складывается более одномерным и ангажированным, чем это было в действительности.

Литературная репутация А. Бальбурова строится на основе оценки его редакторской и журналистской деятельности, а также личностных качеств. Наиболее привлекательными моментами для формирования репутации становятся такие черты характера писателя, как энергичность и высокая гражданская активность, которые позволяют ему вывести на всесоюзный уровень журнал «Байкал», стать первооткрывателем и наставником начинающих писателей и «крестным отцом» многих произведений.

Эти обстоятельства, безусловно, сказались в том, что литературный статус А. Бальбурова часто становится весьма неопределенным, а также отразились на неровном, «дискретном» характере литературной репутации писателя, формирование которой более подробно рассмотрено в следующем параграфе.

3.2 Восприятие творчества А. А. Бальбурова критикой и литературоведением 1950 – 1970-х гг.

Начало литературного пути А. Бальбурова относится к концу 1930-х – началу 1940-х гг., когда была опубликована новелла «Песнь об ушедших кошмарах» (1938) и вышел первый сборник «Новеллы» (1941). Кроме того, в эти годы А. Бальбуров является автором ряда публицистических и нескольких критических статей в «Бурят-Монгольской правде».

Несмотря на это, в литературе о начальном периоде литературного пути писателя говорится всегда скупно: как правило, упоминается только публикация первого рассказа и выход первой книги. Сама книга «Новеллы»

никогда не удостоивалась отдельного внимания литературоведов, поскольку послужила формальным поводом для гонений на писателя во второй половине 1940-х гг.

Ретроспективно к анализу произведений этого периода обращается В. Найдаков: «... Бальбуров публикует первую свою новеллу “Песнь об ушедших кошмарах” и создает первый вариант рассказа “О славном Шантагаре и молодом охотнике Тархае, сыне Буранхийя“. Для этих произведений характерно то, что пафос утверждения новой жизни выражен в них через отрицание кошмарного прошлого народа, когда шаман мог погубить девушку, воплощающую в себе все светлое и чистое, когда богачи могли погрязнуть в любви бедняка Тархая, а купцы и приказчики грабительски обобрать его»²⁹⁴. Литературовед выводит возникновение в творчестве А. Бальбурава темы революции и гражданской войны именно через тему отрицания прошлого, прозвучавшую в этих первых произведениях.

В ранний период творчества обнаруживается зарождение и другой важной для писателя темы – военно-патриотической: А. Бальбуров написал «...серию рассказов о жестокости и ненужности войны, безжалостно уничтожающей культуру и людей самих капиталистических стран», опубликованных в сборнике «Новеллы»²⁹⁵. По мнению В. Найдакова, содержание рассказов, написанных еще до того, как началась Великая Отечественная война, свидетельствуют о том, что «уже тогда совсем еще молодой писатель умел держать руку на пульсе времени и внес свой вклад в дело военно-патриотического воспитания советских людей»²⁹⁶.

А еще позднее литературовед добавит: «Содержание и стилистика этих рассказов убеждают в том, что юноша находился под сильным влиянием

²⁹⁴ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 73.

²⁹⁵ Там же. – С. 78.

²⁹⁶ Там же.

устного народного творчества. Именно оттуда почерпнул он готовые сюжеты, которые помогли ему выразить свое отношение к прошлому»²⁹⁷.

Основываясь на этих замечаниях, можем сделать вывод, что значение ранних произведений критика видит, прежде всего, в том, что в них оформляется основное тематическое содержание творчества А. Бальбурова, а также в них проявляется одна из характерных примет творческой манеры писателя – пафос утверждения через отрицание. На большем отдалении становится видна и погруженность молодого писателя в фольклорные образцы.

Вплоть до 1956 г. писатель и его творчество остаются вне поля зрения литературной критики. После возвращения писателя выходит сборник «У нас в Зергетуе» (1959), на рассказы которого уже появляются отклики рецензентов. Таким образом, фактически начало литературной деятельности писателя приходится на середину 1950-х гг.

Одним из первых обращений к имени А. Бальбурова в литературной критике является рецензия Н. Анпилогова на сборник «Рассказы писателей Бурят-Монголии» (1956), в который были включены рассказы А. Бальбурова «Странный человек», «Крупный разговор» и «Гостья». По замечанию критика, в эти годы «рассказ, с его способностью быстро откликаться на самые разнообразные актуальные вопросы современности начинает занимать все более видное место в бурят-монгольской литературе»²⁹⁸. Также рассказы А. Бальбурова были в числе обсуждаемых произведений на литературном семинаре в рамках Декады бурятского искусства и литературы в Москве (декабрь 1959)²⁹⁹.

В числе основных замечаний, высказанных по поводу произведений А. Бальбурова можно выделить упреки в их незавершенности: некоторые рассказы «более напоминают отрывочные зарисовки с натуры, чем

²⁹⁷ Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая. – С. 3.

²⁹⁸ Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 156.

²⁹⁹ Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 124-135.

законченные художественные произведения», подобные рассказы «страдают иллюстративностью»³⁰⁰; рассказ «Наша Рая» – это «еще только эскиз, который должен оставаться в письменном столе писателя»³⁰¹; «беда [рассказа «Гостья»] заключается вовсе не в том, что автор взял фельетонные атрибуты и ввел их в реалистический рассказ», а в недосказанности сюжета³⁰².

В числе увиденных критикой недостатков есть такой, что автору книги порой «не хватает требовательности к себе», и ему иногда «изменяет вкус»: так, необоснованным кажется поведение героев рассказов «Радость Матвея Зарубина» и «Гостья»³⁰³.

Встречаются и рекомендации. Так, Ю. Нагибин считает, что в книге А. Бальбурава есть интересные рассказы, в них берется очень «животрепещущая, жизненная тема», но им недостает той поэтичности, которая характерна для Ч. Цыдендамбаева. Писатель заключает: «Трудно советовать Бальбурову, но кажется, что ему больше удаются приключенческие рассказы»³⁰⁴.

Из общей картины можно выделить три черты, присущие ранним рассказам А. Бальбурава, которые особенно приветствуются критикой и впоследствии позиционируются как одни из основных составляющих творческой манеры писателя.

Во-первых, это злободневность тематики и обличительный пафос: советский писатель не может быть «безучастен к отрицательным явлениям действительности», он должен «беспощадно бороться». Так, «обличение» есть в рассказе А. Бальбурава «Гостья»³⁰⁵. Эту же черту отмечают и другие рецензенты: хорошее в сборнике – «прежде всего, умение автора брать наиболее злободневные, острые вопросы и не бояться их»³⁰⁶; «для многих

³⁰⁰ Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 155.

³⁰¹ Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 130.

³⁰² Там же. – С. 133.

³⁰³ Там же. – С. 130.

³⁰⁴ Там же. – С. 126.

³⁰⁵ Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 153.

³⁰⁶ Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 130.

рассказов характерна острота постановки социальных и моральных проблем сегодняшнего дня. Это видно хотя бы из рассказов Ч. Цыдендамбаева и А. Бальбурова»³⁰⁷.

Кроме того, уже на этом этапе обнаруживается умение писателя создавать индивидуальные, яркие образы персонажей (в большинстве случаев отрицательные): «автор умеет скупыми штрихами выписывать характеры и их столкновения», и в рассказе «Сестры» он «рельефно, без навязчивости, без перста указующего» создает столкновение, которое возможно только в нашей действительности³⁰⁸.

О рассказе «Гостья» Н. Анпилогов говорит: «здесь каждый человек живет индивидуальной жизнью, все они самобытны и рельефны», в контрастных сопоставлениях выявляются положительные и отрицательные стороны героев, и «без лишней дидактики, без авторской нарочитой декларативности А. Бальбуров раскрывает пустоту и никчемность людей ... иждивенцев по натуре»³⁰⁹. Характерен тот момент, что критик использовал слово «человек» в отношении персонажа: сказывается желание, чтобы герои современной литературы были как настоящие, живые. (Либо же это может служить иллюстрацией смешения литературного и реального контекстов, присущего бурятской литературе 1950-х гг.). Также критик высказывает пожелание, чтобы современный писатель умел «заметить и подчеркнуть индивидуальные особенности в обрисовке портретов героев», – впоследствии за А. Бальбуровым как раз закрепится слава «мастера портретного живописания»³¹⁰.

И, наконец, третья особенность, которая также будет упоминаться в качестве сильной черты впоследствии, – психологизм. Критик Н. Анпилогов говорит об использовании внутреннего монолога в рассказе

³⁰⁷ Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 131.

³⁰⁸ Там же. – С. 130.

³⁰⁹ Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 155.

³¹⁰ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Бальбуров, А. А. Поющие стрелы. Двенадцать моих драгоценностей. – Улан-Удэ, 1984. – С. 518.

«Странный человек»: это весьма сложный литературный прием, использование которого «предполагает знание характера человека, глубокое проникновение в психологию его». По мнению рецензента, А. Бальбурову он пока не удастся, поскольку, «в кульминационном пункте рассказ неожиданно обрывается»³¹¹. Тем не менее, сама попытка использования приема вполне заслуживает одобрения. При этом в буклете об А. Бальбурове, выпущенном к Декаде, уже однозначно говорится о том, что рассказы писателя «отличаются тонким пониманием природы и психологии человека»³¹².

В своем выступлении в рамках семинара Ц-А. Дугар-Нимаев говорит о том, что в бурятской литературе, так же как и в советской «усилился интерес к изображению простого человека и героических черт его характера». «Самым замечательным рассказом советской литературы последних лет, безусловно, является “Судьба человека” М. Шолохова», а в бурятской литературе можно назвать рассказы «Просто мать» Ц. Дамдинжапова, «На чужбине» Ч. Цыдендамбаева, «Зерно» А. Бальбурова. По мнению литературоведа, подобные рассказы «связывают нашу бурятскую литературу со всей большой советской литературой и теми процессами, какие в ней происходят»³¹³. На наш взгляд, появление в этом ряду имени Бальбурова можно рассматривать как достижение писателем определенного уровня в создании рассказов.

Рецензия Н. Анпилогова является характерной иллюстрацией бытовавшего в 1950-е гг. прагматического подхода к оценке достоинств прозаических произведений: они должны как можно точнее отражать действительность (что на самом деле, конечно, означает «создавать наиболее правдоподобную картину, соответствующую представлениям о советской действительности»). Картина действительности должна была содержать

³¹¹ Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 155.

³¹² Африкан Бальбуров : [буклет]. – Улан-Удэ, 1959. – 1 л.

³¹³ Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 132.

не только восхваление настоящего и воспевание советского человека («облегченность»), но и указания на какие-либо недостатки (обличительный пафос). При этом выбор чего-либо в качестве «недостатков» требовал чутья: если недостатки покажутся слишком неправдоподобными, это будет «надуманность», слишком очевидные – «декларативность». Кроме того, особенности общественного сознания в 1950-е гг. еще не способствовали возникновению критического отношения к самой идее советской действительности, поэтому поле для поиска «недостатков» оставалось совсем небольшим: либо несоветское прошлое, либо еще не вполне совершенный современный человек.

Бурятская литература достаточно долго осторожна в поисках предмета для обличения в настоящем: первые романы и большинство произведений малого жанра – либо об историческом прошлом народа, либо на военную тему (героический пафос последней не требует обязательного наличия обличительности). Однако к концу 1950-х гг. в печати учащаются настойчивые призывы писать произведения именно на «современную» тему, поэтому в эти годы, на наш взгляд, одним из наиболее актуальных качеств писателя становится умение изображать яркие, но правдоподобные отрицательные характеры (единственный выход придать обличительный пафос произведению, не критикуя саму советскую действительность).

Таким образом, именно в эти рамки – отрицание прошлого и яркие отрицательные персонажи современности – будет укладываться литературной критикой содержание ранних произведений А. Бальбурова впоследствии. Умение создавать обличительные портреты отрицательных персонажей станет одним из опорных моментов формирующейся литературной репутации писателя.

Несколько ретроспективно В. Найдаков отметит в этих рассказах уже стиль «зрелого» писателя – «установившийся творческий почерк, своя манера, отличающаяся некоторой сухостью, графичностью письма,

обнаженностью мысли и чеканностью формы»³¹⁴. Рассказы «Ихтиозавр» и «Наша Рая» литературовед отнесет к числу лучших в Бурятии. Яркие, эмоционально обрисованные характеры персонажей позволяют В. Найдакову назвать писателя аналитиком, «исследователем характеров». Силу рассказов он видит в том, что писатель позиционирует себя не как наблюдатель, а как «общественный обвинитель».

Однако, несмотря на мастерство, выделяющее писателя из многих, некоторые его произведения не лишены недостатков, добавляет литературовед. Так, «схематичен» рассказ «Сестры», в котором не удался прием контрастного противопоставления: образ отрицательной героини рассказа – толстой, рябой женщины с тройными складками на подбородке и пальцами, похожими на сосиски (который находит полное одобрение критика), оказывается гораздо ярче и убедительнее «бледного» образа положительной героини³¹⁵.

Еще более ретроспективно в раннем творчестве писателя будут вновь открыты новые грани. В 1970-е гг. писателя начинают считать зачинателем темы рабочего класса: рассказы сборника «У нас в Зергетуе» «затрагивают многие существенные стороны жизни шахтерского поселка: воспитание и подбор кадров, понятие о рабочей чести, профессиональной гордости, внедрение механизации, отношение к коллективу и т. д.»³¹⁶

Кроме того, в эти годы В. Найдаков выскажет соображение о том, что эмоциональность писателя при изображении отрицательных персонажей (приводящая к появлению таких «издевательских портретов», как портрет героини рассказа «Сестры») – это не просто склонность к преувеличению, а свидетельство гражданской писательской активности.

Поэт А. Румянцев отметит проявившееся в сборнике умение автора «тонко выписывать психологическое состояние героя, выявлять причину

³¹⁴ Найдаков, В. Ц. О современном бурятском рассказе // Найдаков, В. Ц. Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962. – С. 93.

³¹⁵ Там же. – С. 103-104.

³¹⁶ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 82.

нравственного, духовного конфликта»³¹⁷, а В. Шкаев увидит в рассказах сборника проявление «лирико-философской грани дарования»³¹⁸.

В 1961 г. в «Байкале» публикуется журнальный вариант романа А. Бальбурова «Поющие стрелы» (под названием «Истоки»), который выходит отдельным изданием в следующем году. В 1963 г. опубликована документальная повесть «Приказываю жить», написанная в соавторстве с Д. Хилтухиным. Оба произведения в ближайшие годы переиздаются дважды, что свидетельствует об успехе в читательской среде.

В первую очередь отметим, что для современников значим тот факт, что роман написан на русском языке: «Писатель, отлично владея русским языком, обошелся без переводчика. Это явление в многонациональной советской литературе, по мнению дагестанского писателя Ахеда Агаева, поддержанного другими писателями национальных республик, представляет собой большой интерес, имеющий объективно положительное значение, облегчающее взаимный обмен достижениями культуры между народами СССР»³¹⁹. Актуальность появления русскоязычного произведения в национальной литературе обосновывается бытовавшей установкой на стирание границ между национальными культурами в советском обществе 1950 – 1960-х гг.

Кроме того, А. Белоусов говорит о хорошем знании А. Бальбуровым русской классической и советской литературы и подчеркивает, что яркое и оригинальное произведение появилось благодаря сочетанию «бурятской народной поэзии с ее причудливой фантастикой и восточной дидактикой» с «повествовательной манерой русского романа, с его ... реализмом и углубленным психологизмом»³²⁰.

³¹⁷ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 741.

³¹⁸ Шкаев, В. Слово об авторе и о книге // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1973. – С. 3.

³¹⁹ Белоусов, А. А. О чем поют стрелы? // Правда Бурятии. – 1963. – 26 апр. – С. 2.

³²⁰ Белоусов, А. А. О чем поют стрелы // Белоусов, А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 7.

Современная критика сразу отнесла роман к числу наиболее значительных достижений бурятской литературы. Успех объясняется, в первую очередь, идейно-тематическим наполнением произведения: автор показал «широкую картину жизни бурятского народа в канун революции, ... единение трудового русского и бурятского народов в борьбе против русских и бурятских богачей-эксплуататоров, ... духовный и политический рост людей», а также «значимость идей социалистической революции»³²¹. А. Белоусов видит символичность в построении сюжета романа: «...как несчастную женщину, обреченную на преждевременную гибель, спас русский доктор, русский народ, партия большевиков спасли бурят, стоявших на грани вымирания, приобщили их к освободительному движению, помогли выйти на широкий и светлый путь исторического развития»³²².

Но это не единственное достоинство ставшего популярным романа. В. Найдаков говорит о том, что А. Бальбуров сумел найти хорошую форму для реализации своего замысла: «Поющие стрелы» более «убедительны и жизненны», в отличие от романа «Учитель» П. Малакшинова (написанного «на подобном материале»)³²³, а также более выгодно в этом плане смотрятся на фоне романа «Похищенное счастье», Д. Батожабая (по поводу которого литературовед замечает: «не обязательно тащить в роман все, что показалось интересным»³²⁴). «Секрет убедительности» романа по В. Найдакову заключается во временной и пространственной локализованности действия и неповторимой манере авторского повествования. Кроме того, литературовед отмечает хорошую композицию.

Отдельно критика выделяет удачу автора в разработке персонажей: «Созданные писателем образы, словно живые стоят перед взором читателя;

³²¹ Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 3, 4.

³²² Белоусов, А. А. О чем поют стрелы // Белоусов, А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 7.

³²³ Найдаков, В. Ц. История и современность // Байкал. – 1963. – № 1. – С. 155.

³²⁴ Найдаков, В. Ц. Страницы биографии народа // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 69.

каждый из них наделен своими индивидуальными чертами»³²⁵. А В. Найдаков говорит о новом для бурятской литературы образе интеллигента в лице персонажа романа М. Дорондоева: подобный герой появляется в ней впервые. Однако литературовед не торопится определить его как новый тип: «...типический образ бурятского интеллигента этого периода – это общественник. <...> Через Дорондоева же, нам кажется, бурятская интеллигенция дореволюционного времени показана односторонне и не с самой характерной, существенной стороны»³²⁶.

Отдельного упоминания заслуживает образ автора в романе: «Автор, ни разу не появляющийся в качестве действующего лица или повествователя, незримо присутствует в романе и не назойливо, но вполне откровенно подчеркивает какие-то особенности физического и нравственного облика героев, их поведения»³²⁷. Именно это присутствие и сообщает произведению особую доверительную интонацию и отмеченную выше убедительность.

Немного позднее относительно принципов создания А. Бальбуrowым образов персонажей в романе говорится о щедром использовании гиперболы в обрисовке как положительных, так и отрицательных героев. А еще позже В. Найдаков добавляет, что эта гиперболизация у А. Бальбуrowа – в духе народного творчества³²⁸.

Литературная критика также отмечает язык и стиль автора в романе: «"Поющие стрелы" – подлинно художественное полотно, сверкающее всеми цветами радуги, привлекающее внимание читателя свежестью и оригинальностью поэтического сказа». А Белоусов говорит о том, что Бальбуrowу никогда не изменяет художественное чутье, он «не сбивается на публицистический пересказ событий», а знание автором народной поэзии

³²⁵ Белоусов, А. А. О чем поют стрелы? // Правда Бурятии. – 1963. – 26 апр. – С. 2.

³²⁶ Найдаков, В. Ц. История и современность // Байкал. – 1963. – № 1. – С. 156.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Найдаков, В. Ц. Становление романа // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 182.

придает произведению «особый колорит и ощущение неповторимой поэтической прелести»³²⁹.

Остается добавить, что именно применительно к образу М. Дорондоева в литературоведении говорится о гуманизме в творчестве А. Бальбурова: «С образом Дорондоева в романе связана важная мысль о действенной любви к народу и добру, о подлинном гуманизме, о том, что по-настоящему честный и любящий народ человек обязательно должен встать на путь борьбы за народное счастье»³³⁰. О «новом гуманизме» подобного рода, обнаруживаемом современниками также в творчестве Н. Дамдинова, уже говорилось в параграфе 2.3.

Понимание гуманизма в творчестве А. Бальбурова интересно тем, что при анализе образа М. Дорондоева говорится о противопоставлении «абстрактного гуманизма», присущему герою в начале романа, – «подлинному гуманизму», к которому М. Дорондоев приходит в конце. И если второй, так называемый «подлинный гуманизм» героя с окончанием советской эпохи утрачивает свою актуальность, то, на наш взгляд, именно то, что называлось современниками «абстрактным гуманизмом», постепенно обретая непреходящее значение, обнаруживается в творчестве писателя на сегодняшний день (см. параграф 3.3).

Впоследствии критика отметит наличие в романе «точного психологического анализа переживаний» героев и «и психологическую углубленность выписанных характеров»³³¹. Кроме того, интересно, что по-разному будет оценено сюжетное построение «Поющих стрел». По мнению литературоведа В. Найдакова, «художественная цельность романа нарушена экзотической, авантюрно-приключенческой сюжетной линией Ахмеда»³³², в то время как В. Оскоцкий доброжелательно отметит

³²⁹ Белоусов, А. А. О чем поют стрелы? // Правда Бурятии. – 1963. – 26 апр. – С. 2.

³³⁰ Найдаков, В. Ц. Страницы биографии народа // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 73.

³³¹ Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. – С. 13.

³³² Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 77.

«остросюжетное действие романа ... не лишенное занимательной интриги»³³³.

В 1980-е гг. в критике будет отмечено наличие в романе типологических черт, сближающих его с произведениями других молодых национальных советских литератур, – таких как наличие публицистических отступлений или использование образа-символа русского врача, совершающего свою интернациональную миссию³³⁴. Поэт А. Румянцев отметит строгий, экономный язык произведения, «чурающийся всякой “кудрявости”», умение использовать точную живописную деталь, неожиданную метафору³³⁵. Все это позволит В. Найдакову отнести роман к числу «лучших произведений современной бурятской литературы»³³⁶.

Еще одним фактором, влияющим на успешное формирование литературной репутации писателя в 1960-е гг. становится выход повести «Приказываю жить» (1963), по которой проводится много читательских конференций. Литературная критика говорит о «психологически верном» показе переживаний героев в повести³³⁷, а также об «убедительном воплощении» темы дружбы народов и идеи «советского патриотизма и пролетарского интернационализма», имеющем «большое воспитательное значение»³³⁸.

В читательской любви к повести сказывается два момента. Во-первых, военно-патриотическая тема крайне актуальна в обществе, которое хорошо помнит годы войны. Во-вторых, на наш взгляд, популярность повести отражает такую мировоззренческую особенность советского читателя, как желание связать книжную и реальную действительность. Эта особенность

³³³ Оскоцкий, В. Негасимое пламя костра. – М., 1977. – С. 30.

³³⁴ Гармаева, С. И. Об одном важном компоненте художественности // Вопросы бурятской филологии и литературоведения. – Иркутск, 1980. – С. 72-78.

³³⁵ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 741.

³³⁶ Найдаков, В. Ц. Становление романа // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 184.

³³⁷ Серебряков, А. Гимн боевому братству // Серебряков, А. Художественная летопись Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 69.

³³⁸ Там же. – С. 75-76.

проявляется в восторженных отзывах, подчеркивающих, что герой повести – современник и земляк: «...повесть увлекает тем, что занимательно и в то же время правдиво рассказывает о человеке, который многим отлично знаком»³³⁹. А также в желании объединить книгу и реальность в одно информационное пространство: «Бывает, прочитаешь интересную книгу и хочется поделиться с товарищами своими мыслями о прочитанном, встретиться с автором, а если возможно, то и с героями»³⁴⁰.

Это желание находит и свою реализацию. Так, помимо действительно состоявшихся встреч читателей с авторами и даже героями книги³⁴¹, сами герои участвуют в написании книги: второе издание «Приказываю жить» вышло с использованием материалов, опубликованных участниками описанных событий после выхода повести на страницах районной газеты в Смоленской области³⁴². При этом В. Найдаков отмечает, что едва ли не главной причиной читательского интереса к повести все же является не только «фактический материал» сам по себе, но именно «глубокое его осмысление»³⁴³.

Эти особенности определяют интерес читателей и к остальным произведениям А. Бальбурова – книгам о республике «У нас в Бурятии» (1965) и «Мы живем за Байкалом» (1967), о людях и путешествиях «О дружбе и счастье» (1973) и «По ближним и дальним широтам» (1974). А также книге очерков о строителях БАМа «Озаренные» (1977), в которой находит продолжение развитие писателем «темы рабочего класса».

Так, например, в книге «Мы живем за Байкалом» читателя привлекает то, что жизнь республики в ней изображена также глазами реальных людей – писателя М. Жигжитова и его сына: «Бывает, что с книгой ... долго

³³⁹ Раднаев, В. Герой повести – наш современник // Правда Бурятии. – 1964. – 6 сент. – С. 3.

³⁴⁰ Малыгина, И. Мы гордимся нашим земляком // Правда Бурятии. – 1965. – 11 авг. – С. 3.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Бальбуров, А. А. Приказываю жить / А. А. Бальбуров, Д. Д. Хилтухин. – Улан-Удэ, 1965. – С. 5-7.

³⁴³ Найдаков, В. Ц. Становление романа // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 116-117.

не хочется расставаться. <...> Автору удалось увлекательно и непринужденно рассказать о родном крае все, что может интересовать не только юного читателя, но и убеленного сединами жителя Кавказа или Карелии»³⁴⁴. Кроме того, повествование в книге обладает свойством отмеченной В. Найдаковым гражданской писательской активности: один из ее эпизодов литературовед приводит как пример «публицистики, вторгшейся в ткань художественного произведения»³⁴⁵.

Во всех публицистических (и иногда в художественных) произведениях А. Бальбурова можно найти примеры того как писатель прямым текстом выражает свои гражданские чувства, симпатии и антипатии. Это беспокойное неравнодушие публициста сочетается с умением в частном увидеть глубокий смысл: «маленькая деталь вырастает у писателя в образ большого звучания»³⁴⁶. Частное наводит писателя на размышления и обобщения, и зачастую его рассуждение может приобретать философский характер.

Также критика отмечает «свободный и раскованный» язык публицистических произведений А. Бальбурова, который, например, «прекрасно передает динамику путешествия» в книге «По ближним и дальним широтам»³⁴⁷. А «прозрачная, чистая, образная проза» книги «Мы живем за Байкалом» способствует ее «наилучшему восприятию»³⁴⁸. Однако рецензенты обоих произведений сходятся во мнении, что стиль писателя не безупречен: «изредка попадаются выходящие из строя повествования выражения»³⁴⁹, «избранная автором форма повествования – письма – оборачивается иной раз излишней “свободой” стиля, словесной небрежностью»³⁵⁰.

³⁴⁴ Агишев, Р. Приглашение к путешествию // Правда Бурятии. – 1969. – 13 марта. – С. 4.

³⁴⁵ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 82-83.

³⁴⁶ Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Агишев, Р. Приглашение к путешествию // Правда Бурятии. – 1969. – 13 марта. – С. 4.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.

Перу писателя также принадлежит пьеса «В зареве революции» (1966) (позже на этот же сюжет им написана повесть «Зарево»). Характерно, что Н. Дамдинов и А. Бальбуров, как писатели, хорошо ориентирующиеся в литературной ситуации и чутко реагирующие на проблемы и задачи литературного процесса республики, обратились к драматургии одновременно. Однако результат оказался неодинаков: драматургический опыт Н. Дамдинова признан современниками успешным, в то время как пьеса А. Бальбурова не считается удачей автора.

Так, вновь отмечено, что писателю удалась отрицательные персонажи: примечательны колоритные образы Базарова ... «крупного богача, играющего в просвещенного либерала» и «вездесущего и всеведущего» контрреволюционера Лисовского, которых писатель «точно и беспощадно разоблачает» от сцены к сцене³⁵¹. В то время как образы положительных персонажей В. Найдаков называет драматургически малоинтересными и лишены индивидуальными черт. Именно в этом литературовед видит причину того, что спектакль скоро сошел со сцены (и не стала событием в литературе написанная с теми же недостатками повесть).

В 1973 г. в журнале было напечатано самое необычное произведение писателя – книга о Бурятии «Двенадцать моих драгоценностей» (отдельные издания на русском и бурятском языках в 1975 г.), с полным одобрением встреченное литературной критикой и, по свидетельству В. Найдакова, читателями.

Главным пафосом книги В. Найдаков называет утверждение коммунистических идеалов. Сложность задачи – показать жизнь целой республики – привела к появлению нового жанра лирико-публицистического репортажа. Книга насыщена самой разнообразной информацией, но весь этот материал «сплавлен в одно целое личностью самого писателя»³⁵². Ч. Гомбоин отметит, что книгу отличает «великолепное знание родной

³⁵¹ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 76.

³⁵² Найдаков, В. Ц. Книга о Бурятии // Правда Бурятии. – 1975. – 28 сент. – С. 3.

республики, ее людей»³⁵³, а В. Оскоцкий назовет книгу «высоким образцом современной лирической прозы»³⁵⁴.

Позже книга будет признана лучшим из публицистических произведений писателя, «неоспоримым доказательством таланта и мастерства»³⁵⁵. А исследователь творчества А. Бальбурова литературовед Э. Уланов назовет ее «первым и пока единственным народным эпосом в жанре публицистики» и одновременно биографией жизни самого писателя³⁵⁶.

Как было показано в параграфе 3.1, процесс формирования литературной репутации А. Бальбурова все время прерывается в виду различных обстоятельств его биографии. К этому необходимо добавить, что общее количество публикаций о творчестве писателя невелико (например, оно несопоставимо с объемом библиографии о Н. Дамдинове). Особенно мало внимания достается литератору в 1970-е гг., когда происходит охлаждение отношений писателя с литературной общественностью республики.

Тем не менее, можно увидеть, что литературная репутация писателя складывалась из нескольких определенных моментов.

Так, на начальном этапе литературного пути за А. Бальбуровым признавался талант к созданию ярких отрицательных образов и гиперболизации, что трактовалось как средство выражения основного пафоса его творчества – пафоса отрицания прошлого. (Однако на наш взгляд, утверждение через отрицание – это скорее один из любимых приемов убеждения А. Бальбурова, который отчетливо проявляется в его публицистике). Это приводит к появлению такой характеристики, как писатель-гражданин, обличитель, выносящий общественный приговор. Здесь же можно отметить умение писателя «держать руку на пульсе времени».

³⁵³ Гомбоин, Ч. Примите поздравления // Правда Бурятии. – 1975. – 1 мая. – С. 4.

³⁵⁴ Оскоцкий, В. Негасимое пламя костра. – М., 1977. – С. 31.

³⁵⁵ Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая. – С. 3.

³⁵⁶ Уланов, Э. А. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии XX-XXI вв. – Улан-Удэ, 2008. – С. 102.

В то же время, литературная критика всегда отмечала глубокое знание писателем природы человека, умение подчеркнуть индивидуальное в персонаже, и таким образом становится принято говорить, что его произведения обладают чертами психологизма.

В целом, особенность репутации А. Бальбурова состоит в том, что при оценке его творчества в большинстве случаев происходит акцентирование одних черт и пропуск других. Этот процесс «повторения формул» (см. параграф 1.1) продолжается довольно долго, вплоть до 2000-х гг.

Результатом такой ситуации становится наличие «белых пятен» как в литературной биографии писателя, так и в исследовании его творчества, восполнить которые призвано уже современное литературоведение.

3.3 Гуманистическая составляющая литературной репутации

А. А. Бальбурова

Африкан Бальбуров – двуязычный писатель. Как было отмечено, значим тот факт, что его роман «Поющие стрелы» написан на русском языке: современники автора говорили о творческом освоении достижений русской классики бурятским писателем³⁵⁷.

В современном литературоведении конкретизируется значение этого обстоятельства для творчества А. Бальбурова (и всей бурятской литературы): «...космополитические тенденции с 1960-х гг. стали брать верх и в бурятской литературе ... Русский язык был крайне необходим автору романа “Поющие стрелы” для передачи сложного интеллектуального мира главного героя Дорондоева, на примере которого Бальбуров неоднозначно показал сложность вхождения молодой бурятской интеллигенции в “строительство

³⁵⁷ Белоусов, А. А. О чем поют стрелы // Белоусов, А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 7.

нового мира»³⁵⁸. Более того, С. Тулохонов говорит о том, что такой способ изображения героя позволил ему создать «прецедент, положивший начало неоднозначному знанию и суждению о чем-либо», и «к середине 1960-х гг. стало очевидно, что ... главным героем в произведении национальной советской литературы может быть даже не только интеллигент, ... но даже и “контрреволюционный элемент” общества – в бурятском романе “Ночь умирает с рассветом” Степанова»³⁵⁹.

О многомерности созданных в романе образов и сюжетных линий может свидетельствовать такое наблюдение: в бурятском литературоведении 1960 – 1970-х гг. в качестве главного героя произведения преимущественно рассматривается бурятский интеллигент М. Дорондоев. Тогда как, например, в анализе В. Оскоцкого в этой роли однозначно выступает образ русского врача С. Кузнецова³⁶⁰.

Кроме того, отмечено, что на широте кругозора и связанных с этим особенностях мировидения А. Бальбура сказывается не только его двуязычие, но и страсть писателя к путешествиям: «С маленького улуса Корсунгай началось открытие мира для народного писателя Бурятии Африкана Бальбура. Постепенно знакомство расширялось. Писатель объездил не только родную республику»³⁶¹. С увлечением знакомясь с культурой разных народов, писатель приобщает к этому и своих читателей: «книга Бальбура обостряет в каждом из нас чувство ответственности за великое дело мира, делает более зорким наше социальное зрение»³⁶².

Однако «космополитизм» писателя является только одной, и не определяющей гранью его мироощущения. А. Бальбуров – один из тех писателей, в чьем творчестве возникает лирическое, субъективное начало бурятской прозы 1960 – 1970-х гг. С. С. Имихелова отмечает, что эта

³⁵⁸ Тулохонов, С. М. Бальбуров Африкан Андреевич – бурятский писатель и литературный деятель // Тулохонов, С. М. Силуэты. – Улан-Удэ, 1998. – С. 41.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Оскоцкий, В. Негасимое пламя костра. – М., 1977. – С. 30-31.

³⁶¹ Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.

³⁶² Там же.

тенденция связана с «остро вставшей» во многих литературах народов России «проблемой национальной самобытности, ценностных критериев в национальном художественном опыте»³⁶³. Недаром начало творческого пути А. Бальбурова связано с изучением фольклора, а в продолжение всей литературно-критической активности писателя в поле его внимания постоянно находится отношение бурятских писателей к фольклорной традиции.

Именно благодаря следованию национальной художественной традиции, по мнению С. С. Имихеловой, состоялась книга «Двенадцать моих драгоценностей»: «Как сказитель, автор-повествователь обзревает с высоты национального возрождения историю своего народа, выражает яркий момент “величия и важности нации” (Гегель), которая осознает себя таковой на данном этапе исторического развития и в лице рассказчика (улигершина) обретает возможность художественно это зафиксировать»³⁶⁴. Эта особенность книги дала основание Э. Уланову назвать ее национальным эпосом.

Большое внимание фольклорному пласту романа «Поющие стрелы» уделяет в своем анализе А. Румянцев: «У Бальбурова ... немало страниц о традиционном быте, сложившихся обычаях степняков. Нынешний читатель, особенно молодой, может составить по таким произведениям целый свод правил, которых придерживались предки в разных случаях жизни: при женитьбе и выходе замуж, рождении ребенка, торжествах, связанных с семейными удачами или общими, народными праздниками. <...> В романе ... много поэтических страниц – народных легенд, сказочных историй, душевных благопожеланий, песенных сюжетов. <...> ... в народной памяти веками хранятся россыпи иносказаний, присказок, пословиц на все случаи жизни. Они естественно входят в ткань романа, создавая тот

³⁶³ Имихелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6 : Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 119.

³⁶⁴ Там же. – С. 124.

чудесный язык, который не придумаешь, не вычитаешь из книг»³⁶⁵. При этом поэт отмечает, что дело не в насыщении романа этнографическими подробностями, элементами народной поэзии и деталями национального быта: «Речь о полноте изображения народного бытия, о тех сторонах его, которые очень ярко высвечивают национальный характер бурята, особенности его культуры»³⁶⁶.

Наряду с обладанием А. Бальбуровым глубоко заложенного в мышлении национального восприятия мира, в литературоведении сказано об органично входящем в мировоззрение писателя чувстве связи с природой: «Писатель А. Бальбуров, говоря о роли природы в художественном творчестве, любил подчеркнуть, что природа всегда и самым непосредственным образом участвует в формировании эмоций человека, участвует глубинно и мощно, подготавливая человека психологически к тем или иным действиям»³⁶⁷. Это чувство природы присуще и героям романа: «сроднился с природой главный герой романа Ута Мархас», «хороши в романе охотник Шалай и его сыновья», потому что в их образах «понимание природы соединено с чувством добра и правды»³⁶⁸. Мысль литературоведа С. И. Гармаевой заключается в том, что изображение природы в «Поющих стрелах» связано с гуманистическим началом, проявляющемся в романе.

Мировидение А. Бальбурава как представителя своей эпохи характеризуется благодарным чувством связанности с жизнью своей страны. И это как находит отражение в произведениях писателя, так и влияет на формирование его литературной репутации: «...произведения его, собранные вместе, воспринимаются как вдохновенное сказание о трудном и славном пути бурятского народа, которому Советская власть открыла

³⁶⁵ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 742-744.

³⁶⁶ Там же. – С. 743.

³⁶⁷ Гармаева, С. И. О типологии романа в литературах народов Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1983. – С. 73.

³⁶⁸ Там же. – С. 75.

дорогу к подлинному счастью. <...> Вместе с Советской Бурятией писатель прошел весь ее путь – от революции до наших дней <...> Именно эта многолетняя связь с живой жизнью, с трудом народа и помогли ему создать произведения правдивые и страстные, наполненные точными приметам времени»³⁶⁹; «Его жизненный путь, писательский труд неразрывно связаны с жизнью республики»³⁷⁰.

Такая оценка содержания его произведений, безусловно, отражает точку зрения и самого писателя на процесс творчества. Так, говоря о литературном процессе республики начала 1930-х гг., А. Бальбуров видит его сущностную черту в том, что лучшие его представители сумели «по-хозяйски разобраться в происходящих событиях и по-хозяйски же, с активных позиций отразить эти события в книгах»³⁷¹. Такое умение – гражданская позиция – необходимая черта современного писателя в глазах А. Бальбурава.

В постсоветское время это качество писателя понимается как «уверенность художника в своем праве передать сопричастность своей судьбы судьбе народа, их нерасторжимость»³⁷². Наиболее полно оно находит свое выражение в книге «Двенадцать моих драгоценностей», в которой, по словам С. Тулохонова, «проявилась сущность человека, ощущавшего в суровые времена безвременья прежде всего общность со своим народом, с людьми»³⁷³.

Гордость за собственную страну и вера в нее, на фоне присущей А. Бальбурову склонности к гиперболизации, которая «жила в нем неистребимо, как мечта преобразования жизни, как вечное стремление

³⁶⁹ Разумневич, В. Знакомьтесь, Африкан Бальбуров! // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1975. – С. 6.

³⁷⁰ Гомбоин, Ч. Примите поздравления // Правда Бурятии. – 1975. – 1 мая. – С. 4.

³⁷¹ Бальбурава, А. А. За что мы любим Ц. Дона? // Байкал. – 1965. – № 2. – С. 158.

³⁷² Имхелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6 : Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 125.

³⁷³ Тулохонов, С. М. Бальбурава Африкан Андреевич – бурятский писатель и литературный деятель // Тулохонов, С. М. Силуэты. – Улан-Удэ, 1998. – С. 41.

к совершенству»³⁷⁴, рождали весьма запальчивые (и чрезвычайно патриотические) заявления, отметившие многие произведения писателя.

Наглядным примером может послужить его отзыв о документальной повести В. Ларичева «Тайна каменной черепахи». Писатель отмечает увлекательность сюжета, умение доступно преподнести трудный материал научного характера, но главное значение книги определяет для себя как политическое: опровержение «странных претензий некоторых китайских авторов, ничтоже сумняшеся утверждающих, что нынешний советский Дальний Восток якобы находился некогда под китайской юрисдикцией»³⁷⁵. Как гражданин своей страны писатель испытывает благодарность автору, отстаивающему в сюжете своей повести идею о том, что район Уссурийска когда-то являлся центром империи чжурчженей, никогда не находившихся в зависимости от сунских правителей.

Подобные заявления находят полное одобрение в современной критике, поскольку отчетливо отражают настроения той общности людей, которая понимается под словами «советский народ». Например, при анализе повести «Приказываю жить» А. Серебряков так определяет ее основную ценность: «Советская власть, ставшая родной матерью Гуржапу [Очирову], чуткая и заботливая, мудрая и справедливая, воспитала в нем черты советского гражданина <...> В повести ... очень тонко и художественно верно акцентируется внимание на руководящей роли партии в формировании интернациональных чувств у советских людей»³⁷⁶.

Вера и гордость А. Бальбурова за свою страну заразительна для современников: «Убедительно звучат слова о том, что за полвека искусство Бурятии – частицы нашего государства – развилось так, что может поразить Австрию со всей ее тысячелетней историей»³⁷⁷.

³⁷⁴ Уланов, Э. А. Африкан Бальбуров // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 11.

³⁷⁵ Бальбуров, А. А. Ценное, увлекательное исследование // Байкал. – 1967. – № 4. – С. 134.

³⁷⁶ Серебряков, А. Гимн боевому братству // Серебряков, А. Художественная летопись Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 73-74.

³⁷⁷ Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.

Однако уже в постсоветскую эпоху гораздо более актуальным и привлекательным становится другой план произведений писателя: по замечанию С. С. Имихеловой, «подчеркнуто романтизированные» портреты реальных людей, земляков-тружеников в книге «Двенадцать моих драгоценностей» – статичны (и не вполне интересны). И хотя именно эти портреты воплощают представления писателя об идеальной личности – гораздо более интересным в книге выглядит образ самого автора, который, может, и не лишен недостатков, зато обладает многомерностью³⁷⁸.

Кроме того, С. С. Имихелова отмечает, что идеи коллективности (общей для литературы советского общества и бурятского фольклорного эпоса), присущей книге Бальбурава «Двенадцать моих драгоценностей», не противоречат ни прямой лирический пафос, ни проникновенная исповедальность писателя: «Благодаря фольклорному (всечеловеческому, вселенскому) началу, писатель сумел объективировать личные, интимные мысли и чувства. Опора на фольклорное мышление – и в манере, способе рассказывания, и в самом его духе, который оказался адекватным духу героя-автора, – как ни парадоксально, усиливала субъективный полюс в таком типе повествования»³⁷⁹.

При этом особенности мировидения А. Бальбурава, рассмотренные выше, позволяют говорить о большем приближении писателя в его произведениях к подлинно фольклорному мышлению, чем это происходит в творчестве Н. Дамдинова, чье мировидение было определено нами как *советское «фольклорное» мышление* (см. параграф 2.3). Эти особенности мировидения находят свое отражение в творчестве А. Бальбурава, что сообщает его произведениям вневременную ценность.

Так, например, в литературе об А. Бальбураве неоднократно отмечается особая доверительность, возникающая в отношениях между

³⁷⁸ Имихелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6 : Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 125-127.

³⁷⁹ Там же. – С. 128.

писателем и читателем: «Оригинальная форма повествования, подкупающая искренность автора, удивительный сплав предельной правдивости и поэтичности рассказов привлекают читателя, располагают к доверию. <...> Думается, никто из них [читателей] не упрекнет писателя в фальши или неточности»³⁸⁰; «Когда талантливый художник рисует картины жизни своих героев в подлинной, а не стилизованной обстановке, с исторически выверенными подробностями, это вызывает доверие читателя...»³⁸¹.

На наш взгляд, одной из причин такого отношения читателей является органичность фольклорного пласта в произведениях А. Бальбура, тем более, в литературоведении уже отмечено, что простота и доверительность общения А. Бальбура с читателем идет от «манеры народных сказителей-улигершинов»³⁸².

Кроме того, читателя произведений А. Бальбура привлекает и увлеченность писателя в рассказах о родной Бурятии, хорошее знание ее жизни. «Умение видеть приметы своего времени и их объемно, ярко отражать в произведении» – кредо, высказанное самим писателем³⁸³. Успешность реализации такой установки проявляется в признаниях читателей: «Автору удалось, введя в действие М. И. Жигжитова и его сына, увлекательно и непринужденно рассказать о родном крае все, что может интересовать не только юного читателя, но и убежденного сединой жителя Кавказа или Карелии»³⁸⁴.

Современная писателю критика также отмечает этот талант писателя. А. Разумневич вспоминает о том, как впечатление одного из коллег-писателей от «убедительной наглядности» рассказов А. Бальбура о родном народе вылилось в совет: «...Вам следовало бы написать обо всем этом.

³⁸⁰ Васильева, А. Африкан Бальбура // Наши лауреаты. Вып. 2-3. – Улан-Удэ, 1980. – С. 67.

³⁸¹ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 743.

³⁸² Имхелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6 : Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 124.

³⁸³ Бальбура, А. А. Приметы времени и долг писателя // Свет над Байкалом. – 1957. – № 6. – С. 4.

³⁸⁴ Агишев, Р. Приглашение к путешествию // Правда Бурятии. – 1969. – 13 марта. – С. 4.

Цены бы не было такой книге!»³⁸⁵ Неоднократно о знании жизни республики, показанном автором книги «Двенадцать моих драгоценностей», говорит В. Найдаков: «В нем сплелись разнообразные факты и события далекого прошлого и настоящего <...> Читатель найдет на страницах этой книги основательные экскурсы в историю становления и развития отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Бурятии: овцеводства, селекции крупного рогатого скота, луговодства, промышленности, искусства, науки, здравоохранения, просвещения и т. д.»³⁸⁶ И главное достоинство книги, по мнению литературоведа, в том, что в ней через субъективное восприятие дан объективный портрет республики, рассказано об ее 50-летней истории – «задача ... почти непосильная для одного человека».

Секрет такой энциклопедичности знаний А. Бальбурова заключается не только в присущей ему любознательности, отмеченной многими современниками, но и в его беспокойном внимании к человеку, в том, как близко принимает к сердцу происходящее писатель: «Умение ярко рассказывать о больших делах нашего народа доступно человеку, живущему большими делами нашего времени, близкому к интересным, красивым и часто неприметным людям; писателю, для которого радость и горе чабана или луговода из отдаленных уголков республики – его радость или горе»³⁸⁷. Именно это умение имеет в виду А. Румянцев, когда говорит о том, что в книге «Двенадцать моих драгоценностей» «захватывает дух обожания своей родины – главное качество писателя, впечатлительной и мудрой натуры»³⁸⁸.

Эмоциональность натуры писателя, способность к эмпатии ярко обозначена в его критике и публицистике. Защищая общественно-гражданскую позицию в поэзии, А. Бальбуров обращается к авторитету

³⁸⁵ Разумневич, В. Знакомьтесь, Африкан Бальбуров! // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1975. – С. 6.

³⁸⁶ Найдаков, В. Ц. Книга о Бурятии // Правда Бурятии. – 1975. – 28 сент. – С. 3.

³⁸⁷ Васильева, А. Африкан Бальбуров // Наши лауреаты. Вып. 2-3. – Улан-Удэ, 1980. – С. 66.

³⁸⁸ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 745.

А. С. Пушкина: «Мы за поэзию талантливую и разнообразную по творческим приемам, включающую в себя хорошую лирику и темпераментную публицистику. Можно ли без волнения читать, например, пушкинское “Клеветникам России” – чистейшей воды публицистическое стихотворение? И это ведь написал автор изумительной лирики, тонкой и нежной, изящной и образной. Поэт обязан писать публицистические стихи и делать это, невзирая на вопли тех, кто по скудости ума и образованности пытается сводить всю многогранную поэзию только лишь к лирике и притом лирике интимного свойства. Страстные публицистические стихи писали все великие поэты – лирики прошлого. Поэт не может не откликаться на эпохальные события своего времени»³⁸⁹.

В книге начинающего литератора Н. Дамдинова «Границы поэзии» А. Бальбуров с одобрением находит злободневность, своевременность, живой отклик и непосредственность размышлений, наличествующие в книге едва ли не в ущерб объективности, обоснованности выводов. В доказательство своей точки зрения писатель проводит такую параллель: «... думается, что Белинский не смог бы стать Белинским, если бы вместо активного, неутомимого и самозабвенного участия в литературном процессе ... годами лениво наблюдал бы за этим процессом, а уж потом, выждав, когда накопится материал, взялся бы ... понемногу писать огромный труд»³⁹⁰.

Самозабвенное желание «внушить читателю отвращение» к собственным отрицательным персонажам приводит к появлению в творческой манере писателя отмеченного нами в параграфе 3.2 приема гиперболы и «с железной последовательностью проводимого принципа активного выражения своих общественных симпатий и антипатий через все свои произведения»³⁹¹.

³⁸⁹ Бальбуров, А. А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5. – С. 156.

³⁹⁰ Там же. – С. 154.

³⁹¹ Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 81-83.

Способность к эмпатии проявляется и в путевых заметках: «Страстный голос писателя полнится болью и гневом в рассказе о трагедии этого города [Хиросимы] <...> Активное, страстное отношение ко всему, что видит, – сильная сторона очерков Бальбурова»³⁹². И в книге о Бурятии: «Удивляет его способность радоваться или испытывать глубокую горечь, боль ... способность вбирать в себя жизнь множества людей с разными характерами и судьбами»³⁹³.

Отдельно необходимо отметить пристальное внимание А. Бальбурова к своему современнику, реальному человеку. Интересом к живым людям с их настоящими радостями и проблемами проникнуто все творчество писателя.

Этот интерес был, конечно, увиден современниками, и трактован, прежде всего, как пафос возвеличивания советского человека. Например, так говорит об этом В. Разумневич: писатель создает «выразительные портреты тружеников Бурятии, в которых видится счастливое, помолодевшее лицо социалистической Бурятии»³⁹⁴.

Однако если приглядеться, то можно увидеть, что для произведений А. Бальбурова не характерен «пафос возвеличивания» именно *советского человека* – для писателя это понятие слишком абстрактно. На наш взгляд, не *советский человек*, а либо конкретный человек, либо *человек вообще* становится предметом восторженного внимания писателя в его художественных и публицистических произведениях.

Именно *человеку вообще* посвящен его страстный гимн в очерке об Австрии: «Одним из самых человеческих добрых дел нашего строя, нашего советского социалистического строя, является то, что он последовательно, постоянно и непрерывно называет и славит все новые и новые имена людей труда – будь то человек труда физического, научного, спортивного или

³⁹² Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.

³⁹³ Васильева, А. Африкан Бальбуров // Наши лауреаты. Вып. 2-3. – Улан-Удэ, 1980. – С. 67.

³⁹⁴ Разумневич, В. Знакомьтесь, Африкан Бальбуров! // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1975. – С. 6.

из области культуры и искусства! <...> ...нет ничего благороднее, гуманнее и красивее того, что страна труда славит своих великих мастеров труда...»³⁹⁵

Заметно, что восхищение писателя строем своей страны основывается на провозглашаемой им возможности каждого человека реализоваться и быть отмеченным по своим заслугам. На наш взгляд, именно такая детерминация отношения А. Бальбура к советской действительности и объясняет его неровную литературную репутацию. Та сторона, социализма, что была «лицом» к человеку, делала А. Бальбура апологетом советского строя – и потому он приближался к статусу «правильного» советского писателя, другая же сторона эпохи провоцировала писателя на «неправильное» и даже конфликтное поведение – от этого он часто становился «неудобным», а потому – временами забытым.

О трепетном отношении А. Бальбура к человеку, перефразируя слова самого писателя, говорит в своем очерке А. Румянцев: «...в каждую фразу свою он вливает живую душу, ... трепещущую и поющую от восторга также и перед красотой человеческой души и плачущую и стонущую, когда эту красоту уродуют, а то и уничтожают»³⁹⁶.

Эмоциональность, страстность и способность к состраданию, сопереживанию сообщают прозе, публицистике и критике А. Бальбура ярко выраженный субъективный характер, что неоднократно становилось предметом внимания исследователей творчества писателя.

Так, например, сразу же при выходе книги «Двенадцать моих драгоценностей» В. Найдаков отметит эту ее особенность: «Это очень личная, в хорошем смысле слова, субъективная книга. Можно не соглашаться с теми или иными авторскими рассуждениями, оценками, отдельными высказываниями ... отбором некоторых фактов и имен ... можно упрекнуть его за неполноту рассказа ... можно, наконец, считать, что порою

³⁹⁵ Бальбура, А. А. Какая это понятная загадка – Австрия! // Байкал. – 1973. – № 2. – С. 69.

³⁹⁶ Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 745.

А. Бальбурову изменяет чувство меры, что ему подчас не хватает скромности, что он слишком много пишет о себе. Но все упреки фактически снимаются, ибо в книге такого жанра и такого назначения нет другого пути для достижения поставленной цели»³⁹⁷. О том, что писатель сознательно не стремится к максимальной объективности изложения, отчасти следуя богатому журналистскому опыту, говорится и в работе С. С. Имихеловой.

Субъективность характера повествования порой принимает не совсем необычные формы. Например, В. Оскоцкий усматривает такую особенность романа «Поющие стрелы»: писатель «нередко направляет героя, уточняет, корректирует его представления своей авторской публицистикой, набирающей подчас громкое патетическое звучание»³⁹⁸. Здесь вновь проявляется склонность советского читателя и писателя к совмещению литературы и жизни: персонажи как «живые люди», им можно подсказывать и советовать – вступать в диалог.

В связи с этим отметим, что об образе автора можно говорить как об одной из ключевых категорий в творчестве писателя. В книге «Двенадцать моих драгоценностей» все ее разнообразные фрагменты «без особого как будто труда и довольно органично ... сплавлены в одно целое личностью самого писателя», автор в своих отступлениях «с помощью воспоминаний, размышлений, личных оценок, практических предложений, гипотетических высказываний связывает все воедино и в то же время очень широко раздвигает рамки повествования»³⁹⁹. То есть категория образа автора обуславливает такую особенность творчества писателя, как жанровый синтез, – когда путевые заметки, художественные зарисовки, публицистика и литературная критика зачастую совмещаются в рамках одного произведения.

³⁹⁷ Найдаков, В. Ц. Книга о Бурятии // Правда Бурятии. – 1975. – 28 сент. – С. 3.

³⁹⁸ Оскоцкий, В. Негасимое пламя костра. – М., 1977. – С. 31.

³⁹⁹ Найдаков, В. Ц. Книга о Бурятии // Правда Бурятии. – 1975. – 28 сент. – С. 3.

Кроме того, с окончанием советской эпохи актуализируется наличие скрытой саморефлексии, которой в таких произведениях писателя, как «Поющие стрелы» и «Двенадцать моих драгоценностей» принадлежит не последняя роль.

Так, С. С. Имихелова отмечает, что среди произведений 1960 – 1970-х гг. особый интерес представляет субъективированная проза со значительным весом авторского, исповедального начала (так распространенная в русской прозе этих лет)⁴⁰⁰. При этом в бурятской литературе бытует особое, прямо противоположное отношение к проблеме частной, индивидуальной судьбы, поскольку становление художественности бурятской литературы совпало с преодолением драмы индивидуализма в соцреалистическом искусстве. «Эта драма индивидуализма, обязательная для всех развитых литератур на ранних этапах мирового художественного развития, оказалась незнакомой многим младописьменным литературам народов СССР. Но она была для них и ненужной, так как в тот период, когда они возникают, история человечества эпохой пролетарских и социалистических революций в принципе разрешила эту драму индивидуализма, обусловив значение и роль личности степенью ее участия в общечеловеческой борьбе масс за революционное переустройство мира»⁴⁰¹.

Лирическое, субъективное начало в прозе 1960 – 1970-х гг. явилось, как и в русской прозе, свидетельством свободы, раскрепощенности мысли и чувства у писателей, их освобождения от канонов предшествующей литературы, умения понять другого человека, познать и оценить многозначность мира.

Таким образом, С. С. Имихелова приходит к следующему выводу: «Выделяя в бурятской прозе 60 – 70-х гг. причудливое соединение исповедальности субъективного повествования и “коллективного” начала

⁴⁰⁰ Имихелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6: Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 119.

⁴⁰¹ Найдаков, В. Ц. История бурятской литературы. Ч. 1: Становление бурятской советской литературы (1917–1940) / В. Ц. Найдаков, А. Б. Соктоев, Г. О. Туденов. – Улан-Удэ, 1995. – С. 25.

народно-поэтического творчества, самоиронии и самоапологии, можно увидеть плодотворную тенденцию перехода от авторитарности повествования, выявляющей в повествователе некий образец или идеальный облик “строителя социализма”, ... к такой повествовательной стратегии, когда автор-рассказчик становится персонажем, объектом повествования, далеким от одномерности и однозначности»⁴⁰².

Для бурятской литературы повествователь, становящийся персонажем, был в новинку, и его появление свидетельствовало о существенных переменах в самом миропонимании прозаиков, в обновлении концепции личности.

Таким образом, мы видим, что на формирование литературной репутации А. А. Бальбурова решающее влияние оказали «два лика эпохи»: моменты соответствия литературного облика писателя ожиданиям общественности возводят его в число бурятских писателей первого ряда, моменты несоответствия – создают необходимость умолчаний, наличие которых до сих пор сказывается в литературоведении. Причины такой трагической «раздвоенности» литературной позиции А. Бальбурова кроется, на наш взгляд, в свойствах натуры писателя, более широкой, эмоциональной и бескомпромиссной, чем это было возможно и удобно для советского писателя.

В связи с этим литературная репутация А. Бальбурова, складывающаяся в современном ему информационном пространстве, имеет дискретный и неровный характер, а литературоведческая рецепция охватывает не все стороны его творчества. Восполнение этих пробелов начинается в постсоветское время (и оно проходит более активно, чем в случае с Н. Дамдиновым), о чем свидетельствует появление отдельных работ, посвященных творчеству писателя.

⁴⁰² Имixelова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6: Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 128.

Мы приходим к выводу, что А. Бальбуров как художник интуитивно создает в своих произведениях более многомерную картину мира, чем, например, Н. Дамдинов. Возможно, этому способствует двуязычие писателя, а также его страсть к путешествиям и обязательное стремление письменно зафиксировать увиденное. При этом мировоззрение А. Бальбура как представителя своей эпохи также характеризуется благодарным чувством связанности с жизнью своей страны и активным гражданским пафосом. А чувство природы, которое проявляется в глубокой связи с ней персонажей романа А. Бальбура, имманентное чувство национального в его творчестве создает такой тип мышления, который сближается с фольклорным.

Современниками неоднократно отмечены личностные качества писателя – впечатляющее знание современной жизни Бурятии, заразительная увлеченность, эмоциональность, субъективность, которые создают образ автора, внушающего доверие читателю. Однако последовательный интерес писателя к современнику, живому человеку, его переживаниям, сочувствие его горю и радости говорит о чем-то большем, чем простое воспевание советского человека: способность А. Бальбура к эмпатии, проявившаяся в его произведениях свидетельствует о подлинном гуманизме писателя. Гуманизм писателя сообщает его произведениям непреходящее значение, при всей несовременности некоторых их идейно-тематических сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накопленных современным литературоведением знаний в области теории и истории литературных репутаций к настоящему моменту достаточно для того, чтобы ставить перед исследователями новые задачи. Одной из таких насущных задач является изучение литературной репутации советского писателя, которая формируется в условиях манипулирования общественным сознанием. Другой актуальной задачей представляется изучение литературных репутаций в национальных республиках, в литературном процессе которых могут быть выделены специфические факторы, влияющие на формирование литературных репутаций.

Поскольку в до- и постсоветский периоды художественные свершения писателя и его идеологическая позиция могут влиять на репутацию в равной степени (или с равной долей вероятности), то исследовательский интерес к литературным репутациям отдельных писателей определяют сами их личности. Особенность же литературной ситуации советского периода такова, что роль и место писателя в литературном процессе долгое время находятся в прямой зависимости от его социального статуса, и репутация иногда может потребовать значительного пересмотра и уточнения, прежде чем история литературы отведет художнику соответствующее место. В этом случае можно говорить о необходимости литературоведческого внимания к целым группам писателей, выбор которых обусловлен скорее эпохой, нежели фигурой самого писателя. Исследования в русле теории и истории литературных репутаций призваны заполнить лакуны в восприятии тех или иных участников литературного процесса, возникающие либо за недостатком информации, либо ввиду отсутствия объективной ее трактовки.

Для понимания процессов формирования писательских репутаций в национальной литературе весьма значимы особенности ее литературного процесса. Применительно к бурятской литературе удалось выделить две

особенности, оказывающие значительное влияние на писательские репутации: во-первых, *молодость* литературы приводит к тому, в литературной критике особенное внимание уделяется «количественному подсчету» достижений писателя в частности и литературы в целом, что отражается также в активной поддержке критикой писателей, чье творчество соответствует идейным ожиданиям. Эта особенность существенно сказывается на быстроте продвижения писателей в литературной иерархии, как, например, в случае Н. Дамдинова.

Во вторых, *немногочисленность участников* литературного процесса обуславливает его камерный, закрытый характер. Этот фактор обеспечивает, с одной стороны, более пристальное внимание к литераторам, определяет более личный характер отношений между участниками литературного процесса, чем в большой литературе, а значит, делает невозможным полное исчезновение писателя из литературной жизни республики, как это и происходит с А. Бальбуровым. С другой стороны, в силу камерности литературной обстановки республики, для бурятской литературы характерно практически полное отсутствие описаний литературного быта, что несколько затрудняет выявление представлений о писателях в неофициальном информационном пространстве.

Мы видим, что литературные репутации в рассматриваемый период строятся во многом как список закрепленных за писателями достижений. Такая расстановка акцентов объясняется особенным вниманием к «первопроходцам» и желанием показать быстрый рост литературы. Однако следствием увлеченности количественными успехами являются колебания репутаций классиков и писателей первого ряда в постсоветское время, а также наличие лакун в изучении творчества писателей. Воздействие же второй особенности двояко: с одной стороны, «малонаселенность» литературы, по-видимому, упрощает задачу пересмотра и «пересчета» литературных репутаций, с другой стороны, камерность становится еще

одним значимым фактором, влияющим на становление и развитие репутаций, что требует дополнительного изучения механизмов их формирования.

При обращении к литературным репутациям бурятских писателей выявлено, что одной из актуальных задач современного бурятского литературоведения является восполнение знаний о «неудобных» писателях советского периода и полноценное исследование их творчества, а также выявление подлинной художественной ценности произведений классиков советского периода. Построение истории литературных репутаций даже отдельных бурятских писателей во многом позволяет уточнить представления о литературном процессе Бурятии советского периода в целом.

Репутация бурятского поэта Николая Гармаевича Дамдинова строится как путь к статусу советского классика. Своего рода «миссия» Н. Дамдинова заключалась в выведении бурятской литературы на всесоюзный уровень, и поэт успешно справляется с ней, шаг за шагом создавая образ идеального советского писателя. Высшим подтверждением состоятельности Н. Дамдинова как советского писателя становится присуждение поэту Государственной премии им. М. Горького (1975). Однако процесс утверждения поэта в этом статусе по времени полностью совпадает с угасанием интереса к нему литературной общественности. Эту особенность литературной репутации поэта мы связываем с начавшимися в общественном сознании идеологическими сдвигами, которые и приводят к «замораживанию» литературной репутации писателя по причине постепенной утраты актуальности идейного содержания его творчества.

Поэт Н. Дамдинов становится классиком по двум основным причинам: во-первых, в силу особенностей творчества, оказавшегося наиболее созвучным эпохе, во-вторых, Н. Дамдинов завоевывает свое высокое место в литературной иерархии не в последнюю очередь как представитель национальной советской литературы. Причем причина возведения на пьедестал амбивалентна: для всесоюзного читателя Дамдинов – классик,

потому что он яркий представитель национальной литературы, для бурятского читателя Дамдинов – классик, потому что он писатель всесоюзного уровня. То есть, формирование литературной репутации во многом происходило за счет внимания литературоведов-современников, проявлявших стабильный интерес к творчеству и личности автора.

Анализ представлений о творчестве Н. Дамдинов в 1950 – 1970-е гг. позволяет говорить о том, что это один из поэтов своей эпохи, создавший яркий, узнаваемый, запоминающийся стиль, характеризующийся сильным личностным началом, высоким гражданственным пафосом и философичностью. Эти особенности помогают понять, в чем именно творчество поэта оказывается столь созвучно эпохе. Также поэзия Н. Дамдинова характеризуется высоким «качеством»: отработанная со временем форма произведений, интеллектуальность манеры в силу образованности автора. Это свойство выгодно выделяет его произведения на общем фоне бурятской поэзии рассматриваемого периода. Для своего времени Н. Дамдинов явился образцовым поэтом, он внес существенный вклад в развитие бурятского стихосложения, оказал влияние на младшее поколение современников. Однако это влияние не было продолжительным, что можно связать, в том числе, с мировоззренческими изменениями человека и последовавшим вслед за тем возвращением общества к национальному и традициям (наметившимся в 1970-е гг.).

Однако созданная таким образом литературная репутация поэта обладает некоторой односторонностью. За многочисленными достижениями Н. Дамдинова как представителя своей эпохи остались не увиденными и не осознанными в критике и литературоведении вневременные ценности в творчестве поэта. Как и было отмечено советским литературоведением, ценность творчества Н. Дамдинова, безусловно, определяется тем, что он один из поэтов, кому удалось создать в своих произведениях лик современной эпохи: поэт отразил мировидение и мироощущение своего современника. Кроме того, выделяется цельное нравственное начало,

присущее произведениям поэта, которое обнаруживается в таких качествах, как ощущение преемственности поколений, чувство исторической перспективы, кровная связь с родной землей, чувство глубокой благодарности по отношению к ее людям, а также светлый оптимизм. Эти свойства сообщают произведениям Н. Дамдинова определенную актуальность в глазах современного читателя. Однако гуманистическое начало, увиденное современниками Н. Дамдинова в его творчестве, является гуманизмом лишь в «советском» понимании (как «новый гуманизм» М. Горького): это мировоззрение утверждает нравственно-эстетические идеалы эпохи «развернутого строительства коммунизма» и оно не находит выражения в действительно чутком отношении к человеку, в сострадании ему.

На формирование литературной репутации бурятского писателя Африкана Андреевича Бальбурова оказывают влияние «два лика» советской эпохи, ее парадная и теневая стороны. В результате чего репутация писателя переживает два подъема: первый происходит на начальном этапе литературного пути, когда слесарь паровозо-ремонтного завода вначале становится научным сотрудником института и исследователем фольклора, а затем собственным корреспондентом «Правды»; второй – в годы руководства литературным журналом «Байкал» и активной творческой деятельности. И, кроме того – два спада: первый, разделяющий два подъема, – отъезд за пределы республики после публикации статьи, содержащей критику партийного руководства и полное исчезновение из литературной жизни Бурятии на 8 лет, второй – отъезд в Москву в конце жизни после охлаждения отношений с литературной общественностью республики, вновь сопровождающийся ослаблением интереса в печати к творчеству писателя. В результате общее количество публикаций о творчестве писателя невелико: например, оно несопоставимо по объему с библиографией о Н. Дамдинове. Особенно мало внимания достается литератору в 1970-е гг., когда

происходит охлаждение отношений писателя с литературной общественностью республики.

Обстоятельства биографии писателя, безусловно, сказались на том, что литературный статус А. Бальбунова часто становился весьма неопределенным, а также отразились на неровном, «дискретном» характере его литературной репутации. Литературное поведение писателя далеко не всегда соответствовало ожиданиям общественности: эмоциональность и широта натуры А. Бальбунова проявлялась в постоянных попытках выхода за рамки, отведенные обществом для роли советского писателя. Однако такая особенность, как камерность литературной обстановки в национальной республике, сделала невозможным простое выключение писателя из литературного процесса. В результате А. Бальбунов становится писателем первого ряда, несмотря на все пробелы в литературной биографии, а литературная репутация прозаика строится как ряд формулировок, характеризующих его творчество с благоприятной для эпохи стороны, и строго отобранных биографических фактов, с большим количеством умолчаний.

Так, литературная репутация А. Бальбунова основывается на оценках его редакторской и журналистской деятельности, а также на личностных качествах, привлекательных для советского писателя. Наиболее удачными моментами для формирования репутации становятся такие черты характера писателя, как энергичность и высокая гражданская активность, которые позволяют ему вывести на всесоюзный уровень журнал «Байкал», стать первооткрывателем и наставником начинающих писателей и «крестным отцом» многих произведений.

Применительно к творчеству писателя критика также выделяет несколько опорных моментов для построения литературного облика А. Бальбунова. На начальном этапе литературного пути за писателем признавался талант к созданию ярких отрицательных образов и гиперболизации, что трактовалось как средство выражения основного

пафоса его творчества – пафоса отрицания прошлого. Это приводит к появлению таких характеристик, как писатель-гражданин, умеющий «держать руку на пульсе времени», и общественный обвинитель. Также литературная критика с самого начала отмечает глубокое знание писателем природы человека, умение подчеркнуть индивидуальное в персонаже, и таким образом за А. Бальбуровым закрепляется слава писателя, чьи произведения обладают чертами психологизма.

В целом, особенность репутации А. Бальбурова состоит в том, что при оценке его творчества в большинстве случаев происходит акцентирование одних черт и пропуск других. Этот процесс «повторения формул» продолжается довольно долго, вплоть до 2000-х гг. Результатом такой ситуации становится наличие «белых пятен» как в литературной биографии писателя, так и в исследовании его творчества, восполнить которые призвано уже современное литературоведение.

Владение двумя языками, а также страсть писателя к путешествиям и обязательное стремление письменно зафиксировать увиденное позволяют А. Бальбурову как художнику интуитивно создавать в своих произведениях многомерную картину мира. При этом, с одной стороны, мировоззрение А. Бальбурова как представителя своей эпохи характеризуется благодарным чувством связанности с жизнью своей страны и активным гражданским пафосом. С другой стороны, чувство природы, которое проявляется в глубокой связи с ней персонажей романа А. Бальбурова, имманентное чувство национального в его творчестве создает такой тип мышления, который сближается с фольклорным.

Ценность творчества А. Бальбурова заключается прежде всего в его гуманизме. Такие особенности творческой манеры писателя, как субъективность, эмоциональность, внимание к человеку и способность к эмпатии сообщают его произведениям непреходящее значение, при всей несовременности некоторых их идейно-тематических сторон.

Таким образом, мы приходим к выводу, что мировидение в произведениях А. Бальбурова более многомерно, чем в творчестве Н. Дамдинова. То, что бурятское советское литературоведение называет «абстрактным гуманизмом», на наш взгляд, является проявлением подлинного гуманизма в творчестве писателя: «проповедь абстрактного добра» в романе «Поющие стрелы» оказывается вовсе не «бессильной», а находит понимание у современного читателя. Подлинный гуманизм заставляет писателя острее чувствовать боль и страдание как своих персонажей, так и современников – реальных людей, становящихся героями очерков писателя. Это сопереживание хорошо чувствует читатель в любую эпоху. Творчеству же Н. Дамдинова (как и творчеству многих советских классиков), по нашему мнению, присущ абстрактный гуманизм – тот, что в рассматриваемый период называется «действенным». Прекрасная идея о построении общества свободных и равных людей заманчива и порой заставляет и художника забыть о живом человеке, выводя на передний план средства для ее достижения. Именно поэтому жертвенно-героический пафос творчества бурятского классика становится не востребовавшимся в постсоветскую эпоху. В то время как цельное нравственное начало и светлый оптимизм остается актуальным и сегодня.

БИБЛИОГРАФИЯ*Источники*

1. Агишев, Р. Приглашение к путешествию // Правда Бурятии. – 1969. – 13 марта. – С. 4.
2. Анпилогов, Н. Глубже вторгаться в жизнь // Свет над Байкалом. – 1957. – № 2. – С. 153-156.
3. Африкан Андреевич Бальбуров (1919–1980) : биобиблиогр. указ. / сост. И. И. Петухова, Р. Г. Батомункуева. – Улан-Удэ, 2004. – 60 с.
4. Африкан Бальбуров : [Буклет] / декада бурятского искусства и литературы. – Улан-Удэ, 1959. – 1 л.
5. Базаров, Б. Судьба «Гэсэра» // Байкал. – 1989. – № 5. – С. 70-78.
6. Базаров, Б. «Критики» и «самокритики» послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2. – С. 102-108.
7. Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX в. : истоки, поэтика жанров. – Улан-Удэ, 2005. – 252 с.
8. Балданов, С. Ж. Дамдинов // Свет памяти. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 1. – С. 111-113.
9. Балданов, С. Ж. Слово о поэте // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения : В 3 т. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – С. 8-10.
10. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. – С. 13-14.
11. Бальбуров, А. А. За что мы любим Ц. Дона? // Байкал. – 1965. – № 2. – С. 155-159.
12. Бальбуров, А. А. Какая это понятная загадка – Австрия! : (из писем другу) // Байкал. – 1973. – № 2. – С. 69.
13. Бальбуров, А. А. Писатель и время // Байкал. – 1962. – № 5. – С. 154-156.

14. Бальбуров, А. А. Приказываю жить : документальная повесть / А. А. Бальбуров, Д. Д. Хилтухин. – Улан-Удэ, 1965. – 210 с.
15. Бальбуров, А. А. Приметы времени и долг писателя // Свет над Байкалом. – 1957. – № 6. – С. 3-4.
16. Бальбуров, А. А. Ценное, увлекательное исследование // Байкал. – 1967. – № 4. – С. 133-135.
17. Бальбуров, А. А. «Я себя под Лениным чищу» // Ленин в нашей жизни / сост. Л. Лерер-Баша. – М., 1965. – С. 374-382.
18. Бальбуров, А. А. Япония сегодняшняя, не экзотическая : (очерк) // Байкал. – 1971. – № 5. – С. 124.
19. Бальбуров, А. А. Поющие стрелы. Двенадцать моих драгоценностей. – Улан-Удэ, 1984. – 528 с.
20. Бараев, В. Последние залпы по шестидесятникам // Новая Бурятия. – 2012. – 5 марта. – Режим доступа : <http://www.newbur.ru/articles/6963>
21. Белоусов, А. А. О чем поют стрелы? // Правда Бурятии. – 1963. – 26 апр. – С. 2.
22. Белоусов, А. А. О чем поют стрелы // Белоусов, А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 3-7.
23. Белоусов, А. А. Заметки о национальной форме в литературе // Белоусов, А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964. – С. 32-54.
24. Будаев, Ю. В битве за солнце : читатель о своем поэте // Молодежь Бурятии. – 1963. – 16 авг. – С. 2.
25. Васильева, А. Африкан Бальбуров // Наши лауреаты. Вып. 2-3 / сост. Б. Дамбиева, О. Тугутова. – Улан-Удэ, 1980. – С. 66-68.
26. Гармаева, С. И. Об одном важном компоненте художественности // Вопросы бурятской филологии и литературоведения. – Иркутск, 1980. – С. 72-78.
27. Гармаева, С. И. О типологии романа в литературах народов Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1983. – С. 77-90.

28. Гомбоин, Ч. Зреющие силы // Свет над Байкалом. – 1958. – № 6. – С. 152-155.
29. Гомбоин, Ч. Примите поздравления // Правда Бурятии. – 1975. – 1 мая. – С. 4.
30. Гомбоин, Ч. «... и одновременно народный слуга» : кандидаты народа // Правда Бурятии. – 1979. – 17 февр. – С. 2.
31. Гоффеншеффер, В. Молодость старого жанра // Литературная газета. – 1964. – 8 февр.
32. Грязнова, С. Б. Функционирование структуры «текст в тексте» в русскоязычной прозе Бурятии : вторая половина XX – начало XXI в. : дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 184 с.
33. Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. – С. 16-17.
34. Дамдинов, Н. Г. Встреча с Твардовским // Байкал. – 1976. – № 3. – С. 115-117.
35. Дамдинов, Н. Г. Границы поэзии. – Улан-Удэ, 1962. – 33 с.
36. Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения : В 3 т. – Улан-Удэ, 2001. – Т. 1. – 648 с.
37. Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения : В 3 т. – Улан-Удэ, 2007. – Т. 2. – 719 с.
38. Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения : В 3 т. – Улан-Удэ, 2012. – Т. 3. – 720 с.
39. Дамдинов, Н. Г. Летопись народной жизни : статьи и заметки о литературе. – Улан-Удэ, 1974. – 87 с.
40. Дампилова, Л. С. Основные тенденции в развитии современной бурятской поэзии / Л. С. Дампилова, М. Ц. Цыренова. – Улан-Удэ, 2000. – 144 с.
41. Дашанимаев, Д. Книги молодых поэтов : заметки читателя // Бурят-Монгольская правда. – 1955. – 24 авг. – С. 3.

42. Дементьев, В. Остаться собой : (открытое письмо Галине Раднаевой) // Земли моей молодые голоса : сборник критических статей. – Улан-Удэ, 1981. – С. 22-32.
43. Дементьев, В. Панорама поэзии Бурятии // Сибирские огни. – 1983. – № 5. – С. 150-155.
44. Дементьев, В. Певец восхода : о поэзии Николая Дамдинова // Уверенной поступью: литературно-критические статьи. – Улан-Удэ, 1980. – С. 181-189.
45. Дмитриева, А. Устремленность в будущее // Вопросы литературы. – 1962. – № 12. – С. 218-220.
46. Доризо, Н. [О творчестве Н. Дамдинова] (Из выступлений писателей – участников секретариата) // Байкал. – 1978. – № 6. – С. 146.
47. Дугар-Нимаев, Ц-А. О языке современной бурятской поэзии // Дугар-Нимаев, Ц-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979. – С. 75-98.
48. Дугар-Нимаев, Ц-А. Словом художника оживлены... : образы декабристов в бурятской литературе // Правда Бурятии. – 1975. – 27 дек. – С. 3.
49. Дугаров, Н. Б. Дамдинов Николай Гармаевич // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964. – Т. 2. – Стб. 506.
50. Жамбалдоржиев, А. Поэзия искреннего сердца // Правда Бурятии. – 1959. – 26 февр. – С. 3.
51. Имихелова, С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник БГУ. Сер. 6 : Филология. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. 1. – С. 118-128.
52. История бурятской литературы, 1917 – 1955 гг. / В. Ц. Найдаков, А. Б. Соктоев, Г. О. Туденов. – Улан-Удэ, 1995. – Ч. 1 : Становление бурятской советской литературы (1917 – 1940) : научное издание. – 256 с.
53. История бурятской литературы, 1917 – 1955 гг. / В. Ц. Найдаков, И. А. Ким, Ц. А. Дугар-Нимаев. – Ч. 2 : Бурятская литература военных

- лет и послевоенного десятилетия (1941 – 1955) : научное издание. – 194 с.
54. История бурятской литературы / БНЦ СО РАН. – Улан-Удэ, 1997. – Т. 3 : Современная бурятская литература (1956 – 1995) : научное издание. – 298 с.
 55. История бурятской советской литературы / гл. ред. А. И. Уланов. – Улан-Удэ, 1967. – 474 с.
 56. Казанцев, И. «Никогда не стихая, звучать...» // Правда Бурятии. – 1981. – 30 дек. – С. 3
 57. Казанцев, И. Навсегда влюбленный : писатель и время // Правда Бурятии. – 1986. – 22 нояб. – С. 3.
 58. Короленков, В. [Рецензия на книгу «Белый месяц»] // Детская литература. – 1976. – № 2. – С. 68-69.
 59. Кузнецов, В. Заметки о поэзии в журнале «Свет над Байкалом» // Правда Бурятии. – 1959. – 26 мая. – С. 3.
 60. Малыгина, И. Мы гордимся нашим земляком // Правда Бурятии. – 1965. – 11 авг. – С. 3.
 61. Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров // Литература советской Бурятии : творческие портреты современных писателей. – Улан-Удэ, 1973. – С. 72-83.
 62. Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров : к 70-летию со дня рождения // Байкал. – 1989. – № 3. – С. 105-110.
 63. Найдаков, В. Ц. Африкан Бальбуров : [Послесловие] // Бальбуров, А. А. Поющие стрелы. 12 моих драгоценностей. – Улан-Удэ, 1984. – С. 512-521.
 64. Найдаков, В. Ц. В мире высоких чувств // Правда Бурятии. – 1963. – 16 окт. – С. 3.
 65. Найдаков, В. Ц. В строю, как и прежде : штрихи к портрету // Правда Бурятии. – 1989. – 12 мая. – С. 3.

66. Найдаков, В. Ц. История и современность // Байкал. – 1963. – № 1. – С. 151-160.
67. Найдаков, В. Ц. Книга о Бурятии // Правда Бурятии. – 1975. – 28 сент. – С. 3.
68. Найдаков, В. Ц. Народный поэт : к 50-летию Н. Дамдинова // Байкал. – № 1. – С. 108-112.
69. Найдаков, В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии : (литературные портреты и очерки). – Улан-Удэ, 1969. – С. 163-181.
70. Найдаков, В. Ц. О времени и о себе // Найдаков, В. Ц. Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 186-217.
71. Найдаков, В. Ц. О поэзии Николая Дамдинова : (Этюд) // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 112-127.
72. Найдаков, В. Ц. О современном бурятском рассказе // Найдаков, В. Ц. Заметки о современной бурятской литературе : статьи. – Улан-Удэ, 1962. – С. 83-105.
73. Найдаков, В. Ц. Поэзия и жизнь // Найдаков, В. Ц. Заметки о современной бурятской литературе : статьи. – Улан-Удэ, 1962. – С. 53-82.
74. Найдаков, В. Ц. Поэт и гражданин // Правда Бурятии. – 1982. – 13 янв. – С. 3.
75. Найдаков, В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. – 1974. – 21 нояб. – С. 3.
76. Найдаков, В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. – 1963. – 19 июля. – С. 3, 4.
77. Найдаков, В. Ц. Путь к высотам // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения : В 2 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 5-12.
78. Найдаков, В. Ц. Путь к роману : История формирования бурятской прозы. – Новосибирск, 1985. – 259 с.

79. Найдаков, В. Ц. Связь времен : о поэме Н. Дамдинова «Имя отца» // Правда Бурятии. – 1960. – 25 нояб. – С. 3.
80. Найдаков, В. Ц. Становление романа // Там, где плещет Байкал. – М., 1979. – С. 113-185.
81. Найдаков, В. Ц. Страницы биографии народа // Найдаков, В. Ц. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964. – С. 29-86.
82. Николаев, А. Новая книга Николая Дамдинова // Дамдинов, Н. Г. Апрель : стихи и поэмы : пер. с бур. – М.: 1973. – С. 3-4.
83. Николай Дамдинов : Библиографический указатель / сост. О. Ж. Рыгзенова, вступ. ст. С. Ж. Балданова. – Улан-Удэ, 2007. – 128 с.
84. Оскоцкий, В. Д. Негасимое пламя костра : историко-революционная тема в советской многонациональной прозе. – М., 1977. – 128 с.
85. Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Удэ, 1974. – Т. 2. – Гл. XV. – С. 546-594.
86. Очиров, Н. А. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. – № 4. – С. 137-141.
87. Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов : литературный портрет. – М., 1980. – 112 с.
88. Очирова, Т. Н. Постоянство, или Цена устойчивости бунта // Земли моей молодые голоса : сборник критических статей. – Улан-Удэ, 1981. – С. 44-64.
89. Петонов, В. «Высокая область» // Правда Бурятии. – 1967. – 10 дек. – С. 2, 3.
90. Писатели Бурятии : альбом-пособие для учителей бурятских школ / ред. Д-Ц. Ш. Шойдонов ; вступ. ст. Ц-А. Дугар-Нимаев. – Улан-Удэ, 1981. – 160 с.
91. Писатели Бурятии : биографический справочник. – Улан-Удэ, 1994.
92. Писатели советской Бурятии : библиографический справочник. – Улан-Удэ, 1959. – 188 с.

93. Пискунов, В. Там, восточнее Байкала // Литературное обозрение. – 1976. – № 2. – С. 27-33.
94. Проза – признак зрелости бурятской литературы // Байкал. – 1960. – № 1. – С. 124-135.
95. Раднаев, В. Герой повести – наш современник // Правда Бурятии. – 1964. – 6 сент. – С. 3.
96. Раднаев, В. Э. Поэзия и жизнь : переписка народного поэта Бурятии Н. Дамдинова с читателями // Правда Бурятии. – 1977. – 28 авг. – С. 3.
97. Разумневич, В. Знакомьтесь, Африкан Бальбуров! // Бальбуров, А. А. Белый месяц : повести и рассказы. – М., 1975. – С. 5-6.
98. Романенко, Д. Поэт активной мысли : [Предисловие] // Дамдинов, Н. Г. Новая земля. – М., 1970. – С. 3-10.
99. Румянцев, А. Двенадцать его драгоценностей // Таежная, озерная, степная... – Улан-Удэ, 2012. – Т. 15. – С. 739-745.
100. Самбялова, Т. В. Традиционная и авторская символика в бурятской эпической поэме второй половины XX в. : дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 163 с.
101. Сангадиева, Э. Г. Концепция мира и человека в бурятском романе 1960 – 1970-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 153 с.
102. Сангадиева, Э. Г. Некоторые аспекты идейно-эстетической концепции А. Бальбурава в романе «Поющие стрелы» // Буряты в контексте современных этнокульт. и этносоц. процессов. Традиц. культура, народное искусство и нац. виды спорта в условиях полиэтничности : сб. статей : В 3 т. – Улан-Удэ, 2006. – Т. 1. – С. 550-558.
103. Сангадиева, Э. Г. Семантика оппозиции свой/чужой в романе А. Бальбурава «Поющие стрелы» // Традиции и соврем. процессы в фольклоре и литературе : мат-лы науч. конф. : в 2 ч. – Улан-Удэ, 2006. – Ч. 1, 2. – С. 270-273.
104. Секерина, В. Верность теме : о новой поэме Н. Дамдинова «Учитель мой – Ленин» // Правда Бурятии. – 1969. – 4 июня. – С. 3.

105. Секерина, В. Пора зрелости // Вперед. – 1971. – 29 июня. – С. 4.
106. Сергеев, В. А лица-то и нет... : размышляя над новой книгой // Правда Бурятии. – 1963. – 12 апр. – С. 4.
107. Серебряков, А. Пьеса об истоках дружбы // Серебряков, А. Художественная летопись Бурятии : историко-литературные и литературно-критические статьи и заметки. – Улан-Удэ, 1976. – С. 60-63.
108. Серебряков, А. Гимн боевому братству // Серебряков, А. Художественная летопись Бурятии : историко-литературные и литературно-критические статьи и заметки. – Улан-Удэ, 1976. – С. 68-76.
109. Серебрякова, З. А. Элементы традиционной культуры в романе А. Бальбурова «Поющие стрелы» // Байкальские встречи – 3 : мат-лы междунар. симп., 13-15 июня. – Улан-Удэ, 2001. – Т. 2. – С. 232-235.
110. Серебрякова, З. А. Бурятский роман 1940 – 1980-х гг.: национальный характер в контексте истории : дис. ... д-ра. филол. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 354 с.
111. Смаглий, Е. Певец земли бурятской // Радуга. – 1976. – № 5. – С. 179-182.
112. Смелков, Ю. О своей земле // Наш современник. – 1978. – № 5. – С. 274-277.
113. Смеляков, Я. «Под синим небом, на зеленой земле...» // Литературная газета. – 1959. – 4 июля.
114. Содномов, Б-Д. Африкан Бальбуров: «Я – не подзаборный бродяга, а народный писатель» : из последних писем опальной звезды бурятской литературы // Бурятия. – 2007. – 15 июня. – С. 17.
115. Соколов, В. Дума, рождающая поэзию... // Литературная газета. – 1961. – 8 июня.
116. Соколов, В. Ветер с Байкала // Культура и жизнь. – 1959. – № 2. – С. 11-15.

117. Соколов, В. Люблю стоящих крепко на земле // Дружба народов. – 1959. – С. 240-242.
118. Сурганов, В. Африкан Бальбуров : страна воспоминаний // Литературная Россия. – 1980. – 18 июля. – С. 16.
119. Тулохонов, С. М. Африкан Бальбуров // Тулохонов, С. М. Историзм литературы Бурятии. – Улан-Удэ, 2000. – С. 90-93.
120. Тулохонов, С. М. Бальбуров Африкан Андреевич – бурятский писатель и литературный деятель // Тулохонов, С. М. Силуэты. – Улан-Удэ, 1998. – С. 40-41.
121. Тыхешкина, Е. Широты мышления // Правда Бурятии. – 1975. – 9 сент. – С. 4.
122. Уланов, Э. А. Африкан Бальбуров // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 6-17.
123. Уланов, Э. А. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии XX – XXI вв. : Эксперимент. учеб. пособие. – Улан-Удэ, 2008. – С. 99-103.
124. Унгинэ, Е. Живая связь // Наш современник. – № 1. – С. 178-180.
125. Хамгушкеева, М. М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998. – 158 с.
126. Хамгушкеева-Смирнова, М. Нравственные проблемы советской бурятской поэзии // Вопросы бурятской филологии и литературоведения. – Иркутск, 1980. – С. 79-83.
127. Хосомоев, Н. Д. Дорога к человеку // Байкал. – 1986. – № 1. – С. 124-127.
128. Цыдендамбаев, Ч. Голос молодого поэта // Бурят-Монгольский комсомолец. – 1955. – 2 нояб. – С. 3.
129. Цырендоржиев, С. «Визитная карточка» журнала // Правда Бурятии. – 1975. – 28 окт. – С. 3.
130. Чагдуров, С. Ш. Верность правде : (поэма и пьеса Н. Дамдинова о Доржи Банзарове) // Правда Бурятии. – 1972. – 31 марта. – С. 3.
131. Чагдуров, С. Ш. Возмужание поэта : творческий портрет // Правда Бурятии. – 1972. – 26 июля. – С. 3.

132. Чагдуров, С. Ш. Николай Дамдинов // Литература советской Бурятии : творческие портреты современных писателей. – Улан-Удэ, 1973. – С. 97-106.
133. Чагдуров, С. Ш. Предисловие // Дамдинов, Н. Г. Избранное : Стихи. Поэмы. Киносценарии. Пьесы. – Улан-Удэ, 1976. – С. 3-8.
134. Шаракшинова, Е. К. Бурятское литературоведение и критика : учебное пособие. – Иркутск, 2011. – 239 с.
135. Шерхунаев, Р. А. Африкан Бальбуров : жизнь и публицистика. – Иркутск, 2006. – 156 с.
136. Шкаев, В. Поющие стрелы А. Бальбура // В мире книг. – 1963. – № 4. – С. 30-31.
137. Шкаев, В. Слово об авторе и о книге // Бальбуров, А. А. Белый месяц. – М., 1973. – С. 3-4.
138. Щитов, А. Целеустремленность : об «Избранном» Николая Дамдинова // Правда Бурятии. – 1977. – 5 февр. – С. 3.

Исследовательская литература

139. Geertz, C. The interpretation of Cultures : Selected essays. – NY, 2000.
140. Абельсон, Р. П. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Благовещенск, 1998. – С. 317–380.
141. Алиева, С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. – М., 1996. – С. 67-81.
142. Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – 20 с.
143. Битов, А. О литературных репутациях : из цикла устных эссе // Октябрь. – 2006. – № 8.
144. Богомолов, Н. А. Михаил Кузмин : статьи и материалы. – М., 1995.

145. Богомолов, Н. А. Литературная репутация и эпоха: случай Михаила Кузмина // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 11. – С. 131-141.
146. Бушканец, Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880 – 1917 гг. : формирование литературной репутации : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2013. – 41 с.
147. Вацуρο, В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры : (С. Д. Пономарева и кружок «Сословие» друзей просвещения). – М., 1989. – 415 с.
148. Винокур, Г. О. Биография как научная проблема : тезисы доклада // Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М., 1997. – С. 11-13.
149. Винокур, Г. О. Биография и культура // Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М., 1997. – С. 17–88.
150. Гараев, А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – 18 с.
151. Гинзбург, Л. Я. Литература в поисках реальности : Статьи, эссе, заметки. – Л., 1987. – 397 с.
152. Гитович, И. Е. Литературная репутация Чехова в пространстве XX в. : реальность и аберрации» (к постановке вопроса) // Studia Rossika XVI. – 2005. – С. 15-26.
153. Голубков, М. М. Типы творческого поведения, или Литературные амплуа // Голубков, М. М. Русская литература XX в. : После раскола. – М., 2001. – С. 80-91.
154. Голубков, М. М. «Человек массы» и проблема творческого поведения писателя // Полигнозис. – 2001. – № 1. – С. 104-119.
155. Гриц, Т. С. Словесность и коммерция (Книжная лавка А. С. Смирдина) / Т. С. Гриц, В. В. Тренин, М. М. Никитин ; под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. – М., 2001. – 304 с.
156. Гудков, Л. Д. Литература и общество : введение в социологию литературы / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, В. Страда. – М., 1998. – 80 с.

157. Гудков, Л. Д. Литература как социальный институт / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – М., 1994. – 352 с.
158. Живов, В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление : Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Живов, В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. – М., 2002. – С. 557-637.
159. Живов, В. М. Апология Герцена в феноменологическом исполнении : («Философское мировоззрение Герцена» Г. Г. Шпета) // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 71. – С. 166.
160. Жидков, В. С. Искусство и общество / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб., 2005. – 592 с.
161. Захарова, М. М. Формирование литературных репутаций Б. А. Пильняка и Е. И. Замятина в советской публицистике 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 27 с.
162. Зезина, М. С. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950 – 1960-е гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2000. – 37 с.
163. Иванов, Д. Становление литературной репутации А. А. Шаховского : дис. ... magistratum artium. – Тарту, 2005. – 114 с.
164. Карабчиевский, Ю. В. В поисках уничтоженного времени : Эссе // Искусство кино. – 1989. – № 4.
165. Котова, М. А. Драматургия М. М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930 – 1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 26 с.
166. Краюшкина, Н. Н. Литературная репутация А. С. Пушкина в 1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 26 с.
167. Крылов, В. Н. Успех писателя и роль критики («случай» М. Горького) // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья : В 3 ч. – Елабуга, 2008. – Ч. 2. – С. 189.
168. Литовская М. А. История формирования литературных репутаций как важнейшая часть истории литературы // Русская литература XX в. :

итоги и перспективы : материалы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 17-19.

169. Литовская, М. А. «Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен»: случай Валентина Катаева // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 70-76.
170. Лотман, Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман, Ю. М. О русской литературе : Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. – М., 1997. – С. 804-816.
171. Львова, И. В. Литературная репутация Ф. М. Достоевского в США: 1940 – 1960-е гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2000. – 19 с.
172. Маргулис, Т. М. Литературная репутация Н. А. Полевого : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 22 с.
173. Машковцева, Л. Ф. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. Рубрика : Филол. науки. – 2012. – № 2 (20), февр.
174. Машковцева, Л. Ф. Иосиф Бродский: формирование литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 24 с.
175. Мельников, Н. Г. Упущенный сюжет, или pro sine contra (Рец.: В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997) // Книжное обозрение. – 1997. – № 47. – С. 5.
176. Мельников, Н. Г. «Творимая легенда» Владимира Набокова : О «литературной личности» писателя // Русская словесность. – 2003. – № 1. – С. 11-20.
177. Попов, В. Н. Н. Е. Струйский и проблема литературной репутации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 32 с.

178. Потапова, Г. Е. А. С. Пушкин и литературная критика его времени : (Становление литературной репутации А. С. Пушкина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 20 с.
179. Потапова, Г. Е. «Все приятели кричали, кричали...»: Литературная репутация Пушкина и эволюция представления о славе в 1820 – 1830-е гг. // Легенды и мифы о Пушкине : сборник статей. – СПб., 1995. – С. 134-147.
180. Прохорова, И. Т. Рождение банного духа (Вечерние размышления о театрализации научной жизни) / И. Т. Прохорова, М. Майофис, И. Кукулин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59.
181. Раскатова, Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964 – 1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2011. – 50 с.
182. Рейсер, С. А. Литературные кружки и салоны / С. А. Рейсер, М. И. Аронсон ; ред. и пред. Б. М. Эйхенбаума. – Л., 1929. – 310 с.
183. Рейтблат, А. И. Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. – 1990. – № 3. – С. 73-101.
184. Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении : Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – 2001.
185. Розанов, И. Н. Литературные репутации : Работы разных лет. – М., 1990. – 464 с.
186. Селезнев, М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820 – 1840-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 26 с.
187. Смирнов, И. А. Советская культурная ситуация: Деструктивный аспект, на материале худ. литературы : дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1993. – 181 с.
188. Тартаковский, А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. – 1973. – № 6. – С. 54–80.
189. Томашевский, Б. В. Литература и биография // Книга и революция. – 1923. – № 4. – С. 6-9.

190. Трунин, М. В. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850 – 1870-е гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 26 с.
191. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт // Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 255-269.
192. Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 270-281.
193. Хализев, В. Е. Литературные иерархии и репутации // Теория литературы. – М., 2009. – Гл. 7. – С. 359-378.
194. Хренов, Н. Публика в истории культуры : Феномен публики в ракурсе психологии масс. – М., 2007. – 406 с.
195. Шкловский, В. Б. Третья фабрика. – М., 1926. – 141 с.
196. Шюккинг, Л. Л. Социология литературного вкуса / пер. с нем. Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского ; под ред. и с примеч. В. М. Жирмунского. – Л., 1928. – 180 с.
197. Эйхенбаум, Б. М. Литературный быт // Эйхенбаум, Б. М. О литературе. – М., 1987. – С. 428-436.
198. Эйхенбаум, Б. М. Литература и писатель // Эйхенбаум, Б. М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. – М., 2001.
199. Günther, H. Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise de sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. – Stuttgart, 1984.